

"Захватывающе и незабываемо,
с чудесной музыкой..."
Линда Холберг

Самая ведьма

Линда Уинстед-Джонс

...ей пришлось пережить
страшную, и вскоре она
оказалась в его объятиях...

Триста лет назад могущественный колдун, отвергнутый ведьмой Файн, наложил на нее и весь ее род проклятие. С тех пор истинная и долгая любовь стала для женщин Файн невозможной. Многие пытались снять то проклятие, но все потерпели неудачу. Это история о Софи, младшей из трех сестер-ведьм. Ее старшие сестры смирились с судьбой и перестали надеяться. Но Софи мечтает стать матерью и понимает, что есть лишь один способ осуществить свое желание. Поэтому, встретив однажды на берегу озера зеленоглазого мятежника, она просит его стать ее первым любовником.

Линда Уинстед Джонс
Солнечная Ведьма

Проклятие Файн

СТРАНА Каламбьян, простирающаяся от океана Кадин на Востоке до границ Трайфина на Западе, от гор Энвин на Севере до плодородных южных равнин, вплоть до залива Билден, пережила большую двенадцатилетнюю войну, которая, в конечном счете, оставила власть в руках дома Бэкитов. В западной области они воздвигли столицу: город Арсиз. Там построили огромный дворец, башню с заостренными сторонами, возвышавшуюся на десять этажей. И окружили себя жрецами, воинами и благословенными магией.

В прекрасном дворце рождались и умирали императоры, сыновья сменяли отцов. Одни управляли по справедливости и с состраданием, другие нет. Даже те, кто злоупотребил своей властью, оставались в безопасности в своем замке, потому что сила дома возросла до той точки, когда никто уже не отваживался бросить им вызов. Те немногие, кто смел взбунтоваться, жили не долго. Жрецы, волшебники или стражи, служившие императору, быстро останавливали любое восстание.

Драмы Каламбьяна не затрагивали только Арсиз.

На третьем году господства императора Лэриса, в пятьдесят седьмой год господства Бэкитов, волшебник, отвергнутый овдовевшей ведьмой Файн, отомстил за свое разбитое сердце, наложив это проклятие: ни одна ведьма, в чьих жилах течет окаянная кровь рода Файн, не познает истинной и долгой любви.

В течение следующих ста, двухсот, трехсот лет... женщины Файн жили на склоне горы, которая стала носить их имя. Некоторые из них выходили замуж, многие нет. Поразительное число мужчин, посмеявшихся жениться на одной из Файн или стать ее любовником, умерло перед своим тридцатым днем рождения. Остальные просто исчезали.

За прошедшие годы многие ведьмы Файн пытались снять проклятие волшебника, но все потерпели неудачу.

365-й год господства Бэжитов

ВСЮ НОЧЬ узкая тропа оставалась темной, свет луны и звезд перекрывала густая листва наверху. Лишь изредка меж переплетенных веток проглядывало ночное небо. Мужчины, молча передвигавшиеся вдоль тропы, могли с таким же успехом путешествовать по длинному темному туннелю. Им приходилось соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не сойти с грязной дорожки. С левой стороны рос особенно густой древний лес, шелестя на ветру листвой. Во тьме рычали и визжали животные, но не они беспокоили путников. Справа ландшафт резко уходил вниз. Глубокое ущелье настолько заросло, что его невозможно было заметить, пока не провалишься внутрь.

Весенний холод пробирался сквозь плащи и брюки, просачивался даже в ботинки. Чтобы согреться, лучше всего было продолжать движение, неуклонно следуя вперед. Изредка кто-нибудь из мятежников допускал оплошность и звякал мечом, слишком громко для безмолвной ночи.

Приближался восход, и Кейн начал видеть сквозь густой лес небольшой участок пути, ведущего их на Север. Опавшие ветви служили доказательством недавно прошедшего тут шторма. Шумевшие всю ночь животные теперь смолкли, словно попрятались, чтобы выспаться за день. Теперь, когда непроглядная тьма отступила, он мог видеть очертания всех шедших перед ним мужчин, а не только спину и лысеющую голову Трести. Изможденные мятежники — без одного дюжина — молча двигались вдоль тропы, ведущей к подкреплению и их лидеру, Эрику. Они потерпели поражение в битве, были утомлены, но не сломлены.

В последнем сражении, четыре дня назад, солдаты императора захватили больше половины их отряда. Кейн Варден был одним из этих одиннадцати усталых, голодных мужчин. Они были обессилены и ранены, но не собирались сдаваться. Ни сейчас, ни когда-либо в будущем. До тех пор, пока император Себастьян наслаждается на своем троне в вышине богатого дворца, в то время, как большинство его народа голодает. Неправильно одному человеку иметь так много, когда у других нет почти ничего. Неправильно одному человеку брать все, что захочет, за счет остальных жителей Каламбьяна. Но подобно своему отцу, именно это всегда делал Себастьян. Брал.

Брат Кейна, Дарэн, обладающий лучшим ночным зрением из всех, шагал впереди. С короткими остановками только на посменные передышки для сна и еды, которую они сумели поймать, собрать или украсть, их путешествие займет еще шесть дней. Возможно, семь. Они присоединятся к Эрику в самом северном районе восточной провинции, исцелят раны, а затем снова отправятся изводить императорских солдат. Дарэн был молод, ему едва исполнилось двадцать два. Но подобно Кейну, его сердце принадлежало этому благому делу.

Однажды их численность возрастет настолько, чтобы отправиться прямо во дворец, и тогда трон займет Эрик, побочный сын покойного императора Нечтина и сводный брат Себастьяна. Кейн хотел быть там, когда это случится. Хотел этого сильнее всего на свете.

Дарэн внезапно остановился и предупреждающе поднял руку. Остальная часть команды остановилась вслед за ним. Кейн положил ладонь на рукоятку меча, также как мужчины впереди и позади него.

Когда все вокруг еще оставалось спокойным, Кейн понял, что насторожило Дарэна. В

лесу кто-то двигался. Но не животные, которых они слышали ночью. Тишину рассвета нарушали едва уловимый шелест отодвигаемых листьев и приглушенный лязг металла о металл.

Императорские пехотинцы выскочили из леса с ужасающими криками и поднятыми мечами, напав с трех сторон. Одетые в темно-зеленую униформу, которая позволяла им сливаться с лесом, столь же утомленные дорогой, как мятежники, они выступили из укрывших их деревьев и окружили Кейна и тех, кто остался от его отряда. Единственное не занятое солдатами направление, находилось с юга, где простиралось ущелье с резким обрывом. Мятежники мгновенно повернулись спинами к ущелью, встав лицом к превосходящим их по численности войскам.

Количество императорских сил устрашало. Сколько солдат вышло из леса? По крайней мере тридцать, и еще больше оставалось позади. Перевес не сулил ничего хорошего, но они не впервые оказывались в меньшинстве.

Императорский солдат вскинул меч и замахнулся с пронзительным животным криком. Кейн встретил атаку, остановив дугу меча своим собственным лезвием, а затем резко опустил его, нанеся ответный, искусный и фатальный удар. Когда солдат упал, он занялся следующим. Затем еще одним. Для сына бедного фермера он был чертовски хорошим фехтовальщиком. Как и Дарэн. Как все они. Эрик позаботился об их обучении, зная, что настанут моменты подобные этому. Они не размахивали мечами, чтобы произвести впечатление, они практиковали убийственные удары, простые и смертоносные.

Но они не были волшебниками, не владели магией, способной их защитить. Они были мужчинами. Императорские солдаты погибали, но и мятежники тоже. А люди императора продолжали прибывать. Один умирал, а его место занимали еще двое. Казалось, будто из-за деревьев льется бесконечный поток солдат.

Один крик из множества других привлек внимание Кейна, даже не смотря на то, что был не громче и не настойчивее остальных. Просто он был более знакомым. Кейн повернул голову и увидел, как упал Дарэн. Высокий, худощавый солдат, одетый в традиционную изумрудно-зеленую униформу, встал над маленьким братом Кейна и снова нанес удар. Второй удар оказался смертельным, Кейн видел достаточно, чтобы понять это.

— Нет! — он побежал, прокладывая путь к Дарэну и безумно побеждая одного противника за другим. Солдат уже отвернулся, чтобы сразиться со следующим мятежником. Казалось, что каждый императорский пехотинец настроен помешать Кейну добраться до брата. Искусство владения мечом было забыто в пользу силы и жестокости. Он прорезал и прорубал путь сквозь битву, намереваясь не только остаться в живых, но и добраться до убийцы брата. Лязг стали о сталь заглох, лица солдат расплывались. Острие меча в чьих-то неуклюжих руках задело его спину, он обернулся, погрузил свое лезвие в грудь солдата и продолжил продвижение.

Приблизившись к цели, Кейн сосредоточился на лице убийцы. Оно было костлявым и загорелым, с темными, раскосыми как у кошки глазами.

Императорские войска все прибывали. Мятежники проигрывали сражение, а из-за окружения с трех сторон и резкого обрыва с четвертой, отступление оказалось невозможным. Кейн мог сдаться сам или угодить в плен. Или же умереть. Это был легкий выбор.

Он замахнулся мечом, целясь в шею солдата, но убийца Дарэна заметил движение и отскочил. Недостаточно далеко и быстро. Кончик меча задел его щеку. Разозлившись из-за

пореза, мужчина сосредоточил все внимание на Кейне. Мечом он владел мастерски, и они сцепились, подобно окружавшим их мужчинам. Через мгновение все вокруг исчезло. Не осталось никого кроме них двоих, исчезли все звуки, кроме их резкого дыхания и звона стали. Все окружающее, остальная часть сражения и горе от смерти Дарэна покинули мысли Кейна.

Кейн держался прямо напротив солдата. Они боролись так же как мужчины, которые были здесь до них. Бессознательно, не просчитывая свои движения. Каждый удар был результатом инстинкта, врожденного мастерства и слишком долгих лет практики. Их силы оставались равны, пока мечи не встретились в воздухе и лезвие Кейна не раскололось на две части. У него было хорошее оружие, и такого не должно было произойти, но, тем не менее, случилось.

Кейн пригнулся и перекатился направо, чтобы добраться до оружия Дарэна. Потянулся, схватился за рукоятку, поднял меч с земли и встал, проделав все это одним плавным движением. Но задержка, какой бы короткой она ни была, дала солдату преимущество. Он нанес один яростный удар в грудь Кейна, следующим порезал ему руку. Глубоко.

Кейн понял, что он и убийца Дарэна единственные, кто все еще сражается. Некогда тихая дорога была усыпана ранеными и мертвыми. Убитых императорских солдат было больше, чем мятежников, но это служило слабым утешением. Сражение закончилось. Кейн Варден станет последним погибшим.

— Повстанческая деревенщина, — прокрипел солдат с акцентом, указывающим, что он провел всю свою жизнь в столице Арсизе. Взмахом меча он выбил оружие из руки Кейна. Разоружив его и приставив кончик меча к сердцу, солдат приостановился и стер кровь с щеки. — Ты отметил меня, наглый мятежник. И я отмечу тебя десять раз прежде, чем убью.

— Ты убил моего брата, сукин сын, — Кейн не отступил от острия меча. Вся его семья погибла, дом был сожжен. У него ничего не осталось.

Солдат мельком взглянул на Дарэна, который неподвижно лежал на земле в луже собственной крови. Его горло было перерезано, удар солдата разрубил рубашку и плоть под ней.

— Этот? Он даже дрался не слишком хорошо. Однако, я буду счастлив насадить его симпатичную голову на палку и отправлю висеть на стену в Арсиз, пока от нее не останется ничего кроме черепа. И раз уж ты говоришь, что вы братья, я прослежу, чтобы твоя жалкая голова красовалась рядом.

Он беспечно ткнул в тело Дарэна мечом, и Кейн ринулся в атаку. Он выбил меч из руки солдата, и они сцепились из-за контроля над коротким ножом, который пехотинец вынул из ножен на талии.

Другие императорские солдаты нашли рукопашный бой забавным. Запыхавшиеся и раненные, они столпились вокруг, чтобы понаблюдать, развлечься и перекрыть любые пути к спасению.

Кейн упорно боролся, но он терял кровь, и силы быстро таяли. Солдат вырвался, но нож, за который они боролись, оказался в руке Кейна. Если бы только он мог убить солдата прежде, чем остальные убьют его самого, то умер бы с миром.

Солдат двигался слишком быстро, он крутанулся, поднял одну ногу и нанес ею удар. Его императорский ботинок угодил в раненную грудь Кейна, и тот полетел на спину. Он попытался сохранить равновесие, зная, что если окажется лежащим на земле, с ним будет покончено. С ножом или без. Ему почти удалось сделать это... и тут нога наступила в воздух

там, где должна была находиться земля. Инерция вынудила его сделать еще один шаг, а потом он начал падать... кувырком. Когда Кейн тяжело приземлился на край большого камня, воздух вышибло из легких. Его отбросило вверх, потом снова вниз. Он видел только размытые пятна и грязь, а затем, когда с резким глухим стуком приземлился на спину, успел заметить краткий проблеск восхода солнца, и все померкло.

СОФИ КАЗАЛОСЬ, что каждому человеку принадлежит свой отрезок дня. Несколько любимых часов, когда чувствуешь себя более живым. Более умелым. Они с сестрами были такими разными.

Айседора была ночным созданием. Когда она искала время для уединения, то это происходило при свете луны или в полной тьме. Жульетт находила умиротворение в закате. Обычно она становилась наиболее энергичной во второй половине дня, и ее часто можно было найти сидящей на западном склоне холма, с довольной улыбкой наблюдающую за закатом.

Софи, самая младшая из сестер Файн, любила утро. Она обожала пробуждение дня, мягкий свет восходящего солнца, вибрирующее ощущение просыпающегося мира. Обе ее сестры спали, пока она пробиралась к водоему возле их дома на вершине горы. Еще не совсем рассвело, но лето полностью вступило в свои права, и воздух был мягким. Софи погрузится в прохладный пруд, чтобы полюбоваться и почувствовать, как возрождается день.

Софи любила своих сестер, но порой ей казалось, будто они совершенно ее не понимают. Они обращались с ней как с ребенком, даже не смотря на то, что скоро ей исполнится двадцать три. Похоже, они не понимали, что она не хочет походить на них, что она не согласна с ними по каждому вопросу, и особенно не согласна там, где дело касалось мужчин.

Их мать никогда не отваживалась полюбить, а бабушка наслаждалась браком почти тридцать лет, поэтому сестры с легкостью отмахнулись от проклятия Файн, сочтя его мифом. Возможно, в прошлом нескольким женщинам Файн не повезло в любви, но это не значило, что проклятие волшебника продолжает существовать более трехсот лет спустя.

Поэтому Айседора рискнула не только выйти замуж, но и полюбить. Некоторое время все шло хорошо и правильно, но разумеется хорошо и правильно долго не продлилось. Не для них.

Муж Айседоры умер слишком молодым и оставил свою жену, старшую из сестер Файн, ожесточенной и убитой горем. Вильям погиб четыре года назад, а Айседора все еще его оплакивала. И носила траур. Она редко улыбалась и предупредила младших сестер, что любовь была не для них. Ни для одной из них. Им не предназначено иметь нечто столь обычное и прекрасное, как муж и семья. Иначе их постигнет несчастье. Они нуждались только друг в друге.

После смерти Вильяма Айседора стала искать ответы. Под непривинченной половицей она обнаружила спрятанную коробку, в которой они нашли доказательства существования проклятия Файн. Простую коробку заполняли письма и заметки их прародительниц, которые отважились полюбить и потеряли свою любовь. Молодые мужчины умирали не достигнув тридцатилетия. Более зрелые в один день просто смотрели на своих жен и сбегали, напуганные тем, что увидели. После прочтения этих историй, на многих из которых остались следы слез, Жульетт, обладавшая даром ясновидения, заявила, что их бабушка вышла замуж за человека, которого, как она знала, никогда не сможет полюбить, и жила

постоянно страдая.

Тогда Айседора настояла, чтобы мужчинам было запрещено появляться в доме Файн. Жульетт не была столь категоричной, но и она избегала мужчин и клялась, что никогда не выйдет замуж. Когда Софи предложила сестре вместо этого найти себе любовника, Жульетт была шокирована. Ее целью было никогда не позволять ни одному мужчине прикасаться к ней. Софи подозревала, что клятва сестры имела мало общего с проклятием. Там, где дело касалось мужчин, Жульетт становилась очень капризной.

В отличие от сестер, Софи обожала мужчин. Низких, высоких, молодых и старых... в них было нечто совершенно великолепное. Они обладали невероятной силой, у них были волосатые лица и интересные большие тела. Они были поразительно странными, совершенно очаровательными, и она любила слушать их смех в те редкие случаи, когда отправлялась с Жульетт в город. Мужественность ощущалась даже в их смехе!

По общему мнению, в Каламбьяне было полно самых разных мужчин. В каждой из четырех провинций жили фермеры и владельцы ранчо, отважные солдаты — войны императора и мятежники — рассредоточились по всей империи. Если женщина не боялась магии, она могла выбрать оборотня, хорошего или плохого, или волшебника, тоже доброго или злого. Софи слышала рассказ о группе горных жителей на Севере, которые называли себя энвинцами. Они держались друг друга, но часто совершили набеги на деревни у подножия горы и даже за их пределы в поисках своей пары. Истории об Энвине использовались в течение сотен лет, чтобы напугать молоденьких девочек и заставить их возвращаться домой до заката, поэтому Софи сомневалась в правдивости тех рассказов. Однако, возможное существование таких примитивных людей интриговало.

Для Софи фермеры были почти также недосыгаемы, как энвинцы. Сестры Файн не видели мужчин в своем доме со дня смерти Вильяма. Женщины посещали их время от времени, чтобы попросить лекарственные растения или волшебную помощь, но местные мужчины оставались для ведьм Файн вне досягаемости. Софи решила, что в этом виновата Айседора. Она распугала всех своими острыми взглядами, неразборчивым бормотанием и взмахами рук. Некоторые мужчины в городе даже обвиняли ее в смерти Вильяма, полагая, что она убила его с помощью своей магии.

Хуже всего, Айседора сама винила себя, за то, что влюбилась в него.

Шэндли, маленький городок в долине под горой, которую Софи называла домом, был центром общественной жизни, религии и закона в их сельском фермерском районе. Он был далек от столицы Арсиза и далек от революции. Тем не менее, некоторые из наиболее работоспособных мужчин сообщества ушли сражаться за императора или против него, хотя о повстанцах тут говорили исключительно шепотом. Сама Софи восхищалась диссидентами, боровшимися за то, во что верили, хотя считала глупым выступать против такой могущественной силы. Какую бы сторону они не выбирали, война казалась ужасной тратой энергии, денег и мужчин. Особенно мужчин.

Софи не хотела выходить замуж. Тут Айседора могла оказаться права. Брак был не для них. Если она впустит мужчину в свою кровать и жизнь, то не впустит ли она его в конечном счете и в сердце? Если такое случится, то в игру вступит проклятие. Софи видела, что может сделать с женщиной смерть любимого. Она не хотела проходить через такое.

Сестры Файн не нуждались в мужьях, только друг в друге. В то же время, она не хотела совсем избегать противоположного пола, как делала Жульетт. Это тоже было не правильно. Разумеется, грешно беспечно, не задумываясь отвергать половину всего человечества.

Потребовались месяцы тщательных раздумий и взвешиваний, чтобы прийти к наилучшему варианту, но Софи решила, что последует примеру своей матери. Она будет следовать потребностям своего тела, станет независимой женщиной, выбирающей любовников, когда того пожелает, и не будет принадлежать ни одному конкретному мужчине. Кто-то должен позаботиться о том, чтобы род Файн не угас. А Айседора и Жульетт конечно же не станут вносить свой вклад.

Одна из причин, по которой сестры Файн оказались такими несхожими во взглядах и характерах, заключалась в том, что они были рождены от трех разных мужчин. Люсинда Файн совсем мало рассказала дочерям об их отцах, но каждая из них носила имя человека, произведшего их на свет. У Айседоры Синнок Файн были темные как полночь, которую она так любила, волосы и почти черные глаза, и она была весьма высокой для женщины. Она могла смотреть прямо в глаза многим мужчинам, а на некоторых даже сверху вниз. Кареглазая Жульетт Кей Файн боролась с непослушными рыжими кудрями и сетовала на свои веснушки, и хотя она была ниже старшей сестры, все же имела хороший рост. Софи Мэддокс Файн была самой юной и самой маленькой из всех. Ее светлые волосы казались почти белыми под прямым светом, а глаза были ярко голубыми. И хотя она была ниже сестер, зато обладала одной чертой, в которой они испытывали недостаток. Жульетт говорила, что ее маленькая сестренка «хорошо обеспечена». Более прямолинейная Айседора заявляла, что у Софи «большие титьки». Софи не считала свои груди большими, но по сравнению с тонкими, как тростники сестрами, разница была существенной.

Люсинда Файн поведала дочерям, что каждый раз ей снились их отцы в течение трех ночей до встречи. Ни один из мужчин не знал, что женщина, которая пришла к ним на одну ночь, оставалась беременной и рожала ребенка. Люсинда никогда не выходила замуж и не сожалела об этом. Она единственная из своего поколения Файн выполнила обязанность родить дочерей.

Ведьмы Файн жили на этой горе более трехсот лет. Софи знала, что они с сестрами не должны стать последним, они не могут положить конец их родословной. Если Жульетт и Айседора собираются провести свою жизнь столь же целомудренно, как сестры Орайнен, то Софи проследит, чтобы женщины Файн прожили на этой горе еще лет триста.

Ее сердце забилося чуть быстрее, когда она добралась до берега водоема и быстро стянула через голову простую ночную рубашку. В течение прошлых трех ночей ей снился мужчина с грустными зелеными глазами. Ей больше ничего не удавалось разглядеть, но несмотря на его печаль, зеленоглазый человек из снов вызывал у нее изумительные чувства. Она трепетала. Дрожала. И просыпалась с отчаянным желанием прикоснуться к нему. Она не могла рассказать сестрами о том, что с ней происходит. Они так сильно ее опекают, что вероятно запретят ее до тех пор, пока сны не прекратятся.

В течение прошлых пяти лет, с тех пор, как мятежники стали нарушать мир их земли, в Каламбьяне творились беспорядки. Софи не беспокоилась из-за того, что императорские солдаты или мятежники могут вторгнуться в ее утренний ритуал. Политика не касалась ни ее, ни сестер. Айседора, самая сильная из них троих, околдовала гору, и эти чары держали войну на расстоянии. Здесь, на этой земле, не было никаких кровопролитий, и никогда не будет.

Софи покачала головой и зашла в водоем. Этим утром вода была лишь чуть-чуть прохладной, и Софи знала, что очень скоро она впитает жар солнца и растеряет последнюю ночную прохладу. Прилично удалившись от берега, она поддалась вперед к центру пруда и

позволила воде окутать тело.

Если война когда-нибудь закончится, чары Айседоры спадут? Мужчины снова смогут приходить на гору Файн? Софи знала, что если ее сны были пророческими, как у матери, то зеленоглазый любовник уже здесь, с чарами или без них. Время пришло. Время стать женщиной. Время начать новую жизнь. Она всем сердцем чувствовала, что права, ощущала это своей кожей, кончиком языка. Просто знала.

Она плавала, пока солнце поднималось и купало ее в тепле и гостеприимном свете, и ей казалось, будто она оживает вместе с днем. Солнечный свет, подобно радушному другу, целовал ей лицо. Она закрыла глаза и замерла на поверхности пруда, вода освежала обнаженную кожу, солнце грело лицо. Такой момент обычно расслаблял, но глубоко внутри Софи оставалась напряженной. Выносить это дальше казалось почти невозможным. Это беспокойство. Ожидание. Пустоту.

— Мужчина, — прошептала она, плавая в центре водоема. — Любовник. — Она снова подумала о человеке, который снился ей последние три ночи, и пожалела, что не смогла разглядеть его получше. В ее снах были только глаза и ощущение его губ на ее запястье, трепет, от которого она не могла избавиться. — Иди ко мне, мой зеленоглазый незнакомец, — тихо позвала она.

Она нырнула под воду и плыла там, перебирая ногами, так долго, сколько смогла задерживать дыхание, затем со всплеском и глубоким вдохом вынырнула на поверхность у противоположного берега. Ее взгляд тут же остановился на берегу, где в роще деревьев линара стояла на привязи прекрасная белая лошадь. Она не заметила животное с противоположного берега из-за густой листвы. Деревья были в полном цвету, благоухая изысканными бледно-лиловыми лепестками.

Здесь кто-то был. Софи тихо подплыла ближе к краю водоема, и за усыпанными цветами ветками увидела узелок. Пока она смотрела, связка переместилась.

Она глубоко вздохнула, сердце забило быстрее.

— Эй, — шепнула она. Беспорядочный бугор под деревьями снова шевельнулся. Подбородок Софи коснулся воды, распущенные светлые волосы плавали на поверхности вокруг нее. Она в самом деле должна отплыть назад, одеться и вернуться домой. Разумеется, Софи Файн редко делала то, что должна.

— Эй, — снова позвала она, на сей раз громче.

Человек, незамеченный ею в его грубой на вид постели, медленно сел. Сердце Софи сжалось, когда она поняла, что это действительно мужчина, хотя он не производил впечатление того, кто заставляет сердца женщин биться сильнее от желания. У него были неряшливая борода и включенные длинные волосы, и хотя тут и там они, казалось, были светло-коричневым, убедиться в этом было невозможно. Слишком уж они были грязными. Он прищурился, тяжело моргнул, потянулся к лежащей рядом бутылке и сделал один большой долгий глоток прежде, чем снова остановить взгляд на Софи.

— Я что, умер? — спросил он, отставляя бутылку.

— Нет, — тихо ответила Софи.

— Я мертв, а ты ангел, пришедший забрать меня на небеса. Или отправить к черту, — добавил он более мягким голосом.

Она широко улыбнулась.

— Нет. Ты жив, а я не ангел, не водяная фея и не эльф, — она не добавила, что была ведьмой. Этот небольшой кусочек информации мог заставить мужчину сбежать, а несмотря

на его внешность, она еще не решила, хочет ли, чтобы он сбежал или нет.

Он сел чуть прямее. Он казался высоким, широкоплечим и приятно длинноруким. Его одежда выглядела затасканной и грязной, но короткие кожаные ботинки когда-то были очень хорошими, а свободные брюки, подоткнутые в эти ботинки, были сшиты из превосходной качественной ткани. Приглядевшись получше, она заметила устрашающего вида нож, вложенный в ножны на его талии. На изорванном плаще был вышит щит Эрика, лидера мятежников, который утверждал, будто является законным императором Каламбьяна.

— Ты солдат, — тихо сказала она.

— Я им был, — ответил он низким голосом.

— Мятежник, — прошептала она.

Он кивнул.

Наверное, он бросил борьбу, сочтя ее бесполезной.

— Ты идешь домой?

Солдат покачал головой.

— От моего дома ничего не осталось. — Он послал ей кривую, горькую улыбку.

— Если ты больше не солдат, и у тебя нет дома, тогда кто ты?

— Вор, — не колеблясь ответил он.

Софи дважды моргнула. Солдат, даже мятежник, это еще куда ни шло. Но вор?

— Что ты украл?

Он поднял бутылку.

— Виски, лошадь и кое-что из еды.

Что ж, едва ли он закоренелый негодяй. Просто от него отвернулась удача, вот и все.

— Ты пьян?

Он задумался над вопросом.

— Кажется, я протрезвел, пока спал, но довольно скоро это исправлю.

Мужчина был ужасно грязным, волосы выглядели слишком длинными и запутанными, и еще он был очень грустным. Она могла чувствовать горе, как будто оно исходило от него волнами. Софи не обладала даром Жульетт, но ее чувства были крайне обостренными. Этот мужчина сильно страдал.

— У тебя зеленые глаза? — спросила она и затаила дыхание в ожидании ответа.

Мужчина склонил голову набок.

— Да. Почему ты спрашиваешь?

— Мне снился зеленоглазый мужчина, — честно призналась она. Ничто в ее снах не указывало, что он может оказаться мятежником и вором. И все же они были здесь, одни в это прекрасное утро. — Ты... — Ее сердце снова дрогнуло. Горло угрожало сжаться. С глубоким вздохом она отбросила остатки нерешительности. — Ты умелый любовник?

За ее вопросом последовала долгая пауза.

— Я... что?

Софи широко улыбнулась. Если ей предназначено быть с этим мужчиной, то она не уйдет. Вернее, не уплывет. Рок привел его сюда. Судьба послала ей сны.

— Ты умелый любовник? — Снова спросила она, на сей раз медленнее.

— Не знаю, — сказал он. — С тех пор прошло слишком много времени, и я теперь сомневаюсь, что помню как это делается. — В его низком голосе слышался намек на поддразнивание, и он усмехался. Похоже, он думал, что она дразнит его и окажется столь

жестокой, чтобы посмеяться над ним и уплыть.

Существовал только один способ его переубедить. Софи подплыла ближе. Нашла ногами дно и медленно встала. Когда она направилась к нему, улыбка солдата угасла. Он пристально оглядел ее с головы до пальцев ног. Медленно. С любопытством. Она очень хорошо представляла какую картину собой являет. Мокрые светлые волосы облепили кожу. Теплые лучи утреннего солнца льются на обнаженную спину.

— Если я попрошу тебя стать моим первым любовником, ты согласишься? — спросила она, приостанавливаясь на берегу пруда.

— Теперь я знаю, что умер, — тихо сказал он. — Ты не можешь быть настоящей.

— Если ты не захочешь лечь со мной, я не обижусь, — она подошла к солдату, опустилась перед ним на колени и протянула руку, чтобы расстегнуть его плащ. Она уже видела ответ в его глазах. Зеленых глазах, теперь Софи могла лично убедиться в их цвете. Красивых глазах, слишком мрачных для кого-то столь молодого. Слишком мрачных даже для человека, прожившего сотню лет. Он повидал слишком много. Был свидетелем ужасных вещей.

Она хотела смыть все это и начала расстегивать пуговицы на его плохо сидящей льняной рубашке.

Словно очнувшись, он начал помогать ей раздевать его. Он не отрывал от нее пристального взгляда, тщательно изучая лицо, горло и груди, прежде чем быстро перебраться вниз и рассмотреть бледные бедра с треугольником белокурых завитков. Нож он отложил в сторону с некоторой долей заботы, зато ботинки отбросил прочь с нетерпением, так же как брюки и рубашку. С ее помощью он разделся за считанные мгновения. Когда солдат оказался таким же голым, как она, Софи взяла его за руку и встала, он последовал ее примеру.

Ее солдат обладал несколькими впечатляющими качествами, вынуждена была признать Софи. Он в самом деле оказался высоким. По крайней мере шесть футов^[1], возможно больше. Поскольку она дотягивала всего до пяти футов^[2], разница оказалась внушительной. Рост, конечно, был не единственным их различием. Там, где ее кожа была светлой и мягкой, ровной и сливочной, его — жесткой, поврежденной и усыпанной каштановыми волосами. И твердой! Твердыми были его грудь, бедра и руки. И он уже возбудился. Она заметила это, хотя пыталась не глядеть. Несомненно, это посчиталось бы грубостью даже со стороны неискушенных.

Отметины от ран еще не полностью зажили, одна на руке и одна на груди, но он, казалось, совсем не обращал на них внимания, будто не чувствовал боли. В нем не было ничего мягкого, не было даже намека на мягкость.

Он нуждался в ее нежности, решила она, пусть даже только этим волшебным утром. Его твердое тело, идеально дополняло ее мягкие женственные изгибы. Они прекрасно подходят друг другу, решила она, беря его за руку и ведя к пруду.

— Что ты делаешь?

— Мой первый любовник должен быть чистым, согласен? — ответила она, когда они вошли в воду.

— Все, что скажешь, Ангел. Все, что захочешь.

Софи счастливо улыбнулась и погрузилась в воду. Солдат последовал за ней, протянув к ней руки. Она отплыла, сосредоточившись на том мгновении, когда вода омывает тело, на утреннем солнце, выглядывающем с горизонта. В центре водоема она остановилась, найдя

место, где можно встать на ноги. Вода доходила ей до подбородка. Руки солдата нашли ее под водой. Он коснулся ее талии, затем одной рукой погладил сбоку и сжал грудь. Его пальцы нежно потерли сосок, вызвав во всем теле невероятные ощущения. Софи закрыла глаза и вздохнула.

Никогда прежде к ней не прикасался мужчина, если не считать отеческие объятия Вильяма. Софи решила, что они не в счет. Эти ощущения были совершенно новыми, абсолютно изумительными. Они ей понравились, очень.

Осмелев, она тоже дотронулась до него. Сначала робко, потом с неожиданным чувством непринужденности, словно это касание было таким же естественным, как восход солнца. Она провела кончиками пальцев по его твердой коже, повторив рисунок мускулов. Ее глаза медленно открылись, и она заметила, как огонь в глазах солдата становится жарче и глубже.

Софи снова погрузилась под воду, и на сей раз солдат последовал за ней. После недолгого преследования он схватил ее, крепко, но с неожиданной нежностью, и притянул к себе. Плоть к плоти. Они были жаром и холодом, твердостью и мягкостью, и ее кожа стала настолько чувствительной, что покалывала всюду, где он до нее дотрагивался. Она чувствовала водоворот воды, все вокруг, как если бы все это ожило. Ноги обернулись вокруг ее солдата.

Он передвинул их выше, так, чтобы они оказались на поверхности воды, все еще оставаясь переплетенными. Его собственные длинные волосы липли к лицу и шее. Ручейки воды стекали по его лицу, шее и груди. И среди всего этого ее притягивали его глаза. К печали, которую она сразу разглядела в них, добавилось новое выражение. Это было прекрасное зрелище. Софи прижалась ртом к его шее и ощутила влажность кожи. Даже не смотря на то, что он был жестким и твердым, и казалось, не чувствует боли, по его телу прокатилась дрожь. Она ощутила это. Вкушала ее.

— Я уже достаточно чистый, — сказал он, разворачиваясь к берегу.

— Да, — согласилась она, — ты чистый.

С минуту они плыли рядом, пока не добрались до отмели у берега. Там мятежник встал и взял ее за руку, как чуть ранее сделала она, но он на этом не остановился. Он прижался ртом к ее плечу и поцеловал мокрую, чувствительную плоть. Властно обхватил Софи, опустив ладони на ее зад. И принялся ласкать руками, губами дразня плечи и шею. Это лучше любых снов, решила Софи и обняла его, последовав его примеру. Солдат будет замечательным любовником.

Мятежник с рычанием схватил ее на руки, понес из водоема к своей постели и нежно уложил туда. Зеленые глаза смотрели настороженно.

— Твой первый любовник, — хрипло произнес он, ложась рядом.

— Да, — она видела, что он ей не верит, но ее это не беспокоило.

— Тогда я должен быть нежным, — он поцеловал выпуклость одной груди, затем передвинулся так, чтобы глубоко втянуть ртом сосок.

— Да, — согласилась Софи, сердце и центр ее существа дрогнули. Почему никто никогда не говорил ей, как хорош будет этот момент?

— Но не слишком нежным, — добавил он, перемещая рот от одной груди к другой, которую стал сосать немного жестче. Его губы были теплыми, язык двигался быстро, потом медленно, затем снова быстро.

— Нет, не слишком... — слова застревали в горле, пока она наконец не прекратила попытки заговорить и не позволила ему расточать свое внимание на ее грудь, затем горло и

снова на грудь.

Солдат почти неохотно поднял голову, один раз вернулся, чтобы быстро лизнуть напряженный сосок. Затем взял ее ладонь, поднял к своему рту и поцеловал тонкую кожу с тыльной стороны запястья так же, как делал в ее сне. Это было изумительно. Прекрасно, эротично и нежно. Он проложил дорожку из поцелуев вверх по ее руке, и каждая новая ласка возбуждала сильнее предыдущей. Софи задыхалась. Ее кожа как будто изменилась, стала более чувствительной ко всему на свете. К дуновениям теплого бриза, к мягкой нежности мужских губ.

— Я могу трогать тебя, солдат? — шепнула она.

— Я твой, Ангел, — ответил он как-то необычно растягивая слова. Судя по мелодичности его речи, он был не из южных провинций. Софи нравились плавность его голоса и сладость слов. — Касайся меня, — сказал он, — целуй, говори все, что хочешь.

Прекрасный сексуальный партнер, уступчивый и талантливый.

Софи опустила руку и погладила ладонью плоский живот солдата. Он дернулся. Ее пальцы трепетали, зудели и, наконец, сомкнулись вокруг его мужественности, которая теперь была полностью вертикальной. Он был горячим, шелковистым, и таким твердым, что она была по-настоящему поражена. Она целовала его горло, продолжая пальцами свое исследование, и он глухо застонал.

Его рука скользнула к низу ее живота, и Софи раздвинула для него бедра. Он прикоснулся к ней там, где ни один мужчина никогда прежде ее не касался, его руки были шершавыми, большими и пытливыми. Его зацелованное солнцем тело казалось совсем темным на фоне ее молочной кожи, незнакомым и одновременно каким-то образом очень правильным.

— Я больше этого не выдержу, — признался он гортанным шепотом.

— Значит, время пришло, — сказала Софи. Она передвинулась, он сделал то же самое, и спустя один или два удара сердца солдат оказался в колыбели между ее ног. Он тронул ее кончиком восставшей плоти, толкнулся вперед, а затем в нее.

Софи закрыла глаза, слегка откинула голову и наслаждалась каждой секундой, пока ее возлюбленный становился частью нее. Медленно, нежно. Был короткий, мимолетный момент, когда она подумала, что он ей не подходит. Но тут ее тело открылось для него. И с низким рычанием он глубоко погрузился внутрь.

Она тихо вскрикнула, и солдат поднял голову, чтобы посмотреть на нее сверху вниз. Влажные волосы липли к его щекам и шее. Капли воды стекали по плечам, медленно передвигаясь по коже и падая на ее влажное тело.

— Ты сказала правду, — прошептал он. — Что я у тебя первый.

— Я всегда говорю правду, — ответила она. — Не останавливайся, — быстро добавила Софи, когда он начал отстраняться, — люби меня, солдат.

Он действительно любил ее, сначала медленно, каждый удар был удивительным. Это было древним единением, встречей тел, поиском великолепия, которое трепетало совсем рядом. Когда она почувствовала, что находится у края чего-то нового и захватывающего, ее мятежник задвигался быстрее. Он погрузился невероятно глубоко, и она подняла бедра навстречу его толчку.

Ее тело горело. Она хотела большего, нуждалась в большем. В солнце, луне и в каждой звезде на небе...

Софи вскрикнула когда волна освобождения пронеслась сквозь ее тело. Удовольствие,

настолько насыщенное, что его невозможно было описать, переливалось внутри нее. Разрядка солдата произошла одновременно с ней, с дрожью и низким вскриком, с напряжением его большого тела и горячим даром его семени, текущего в нее.

Глаза закрылись, Софи протянула руку и коснулась его лица, ощущая последние волны наслаждения. Теперь она стала женщиной. И как она всегда подозревала, мужчины оказались чудесными существами.

Солдат, ее мятежник, тяжело и глубоко дыша, опустил голову на ее плечо.

— О, Ангел, — прошептал он.

Софи провела пальцами по его влажным волосам.

— Я знала, что ты будешь удивительным любовником. Спасибо.

Он поднял голову, глядя на нее сверху вниз.

— Спасибо?

Она улыбнулась.

— Ты лучше, чем сон.

Он медленно, неохотно отстранился, и ей действительно захотелось задержать его. Но даже не смотря на то, что они больше не были соединены, она продолжала чувствовать его внутри себя, теплого и сильного. Она всегда будет чувствовать его, вообразила она.

Он лег рядом с ней на жесткую постель, и одна большая, загорелая рука опустилась на ее плоский живот. Эта рука была такой сильной, такой непохожей на ее собственную. Пальцы были длинными, на ладони виднелись маленькие шрамы. Она задумалась о каждой из этих отметин, но потом напомнила себе, что это не имеет значения. Ей не следует знать детали его жизни.

— Поспи со мной, Ангел, — попросил он, снова опуская голову на ее плечо. — Я так давно не спал спокойно, что совсем забыл, какими бывают сны. Кошмары, да. Но не сны. Поспи со мной, и возможно, я снова смогу грезить.

Софи обхватила его руками. Акт любви был совершен, но она не чувствовала, что между ними все закончено. Она хотела обнимать его. Все еще хотела прижиматься к нему.

— Я полежу с тобой немного, — сказала она. — Но не смогу остаться надолго.

— Немного лучше, чем ничего, — ответил он, и его глаза закрылись.

Софи опустила голову ему на грудь. Ее тело гудело, сердце барабанило.

— Солдат? — шепотом позвала она.

Он отозвался глухим мычанием.

— Как тебя зовут?

— Кейн, — ответил он.

Софи улыбнулась.

— Мне нравится это имя. Оно красивое.

Не открывая глаза, Кейн спросил:

— Как зовут тебя?

Великолепный, как их день, теплый и замечательный, каким он был в этот момент, Софи знала, что не хочет, чтобы Кейн бродил по округе, разыскивая ее после их свидания. Она решила не отвергать мужчин, как поступали ее сестры, но это не значило, что она готова рискнуть полюбить и потерять своего мужчину. Ей следовало довольствоваться, меняя одного любовника на другого, как продиктуют ей сны. Она не отдаст свое сердце ни одному мужчине. Глядя сейчас на Кейна, все еще чувствуя его внутри себя, она подозревала, что будет слишком легко влюбиться в такого человека, как он, а этого никогда не должно

случиться.

— Ангел, — наконец ответила она. — Можешь называть меня Ангелом.

На лице Кейна мелькнула полуулыбка.

— Я так и знал.

Софи обнимала Кейна, пока он не уснул. Солнце поднималось в небе, и день становился ярче.

Наконец она медленно поднялась, села возле него и положила ладони ему на сердце.

— Мужчина, который взял девственность ведьмы и так хорошо справился с задачей, заслуживает награды. — Она закрыла глаза. — Я желаю тебе исцелить свое сердце, красивых снов, и...

О, она не была в этом искусна! Ей обычно требовалось по несколько часов подготовки. А вот Айседора великолепно умела накладывать чары. Она всегда знала, что сказать и сделать или чего не говорить и не делать. Софи же обычно приходилось планировать свои заклинания очень тщательно, иначе они действовали не правильно. Что можно дать бедному мятежнику, который растерял свою удачу?

— И удачи! — закончила она с улыбкой. — Я желаю тебе удачи.

Бриз взьерошил листья дерева линара, и на их телах заплясали солнечные лучики. Один бледно-лиловый лепесток сорвался со своего места и приземлился прямо на грудь солдата, очень близко от ее руки. Софи пробормотала несколько хорошо подобранных слов, чтобы завершить заклинание, и потом снова прилегла возле Кейна еще на несколько минут. Наверное, было естественно чувствовать привязанность к своему первому сексуальному партнеру. Тепло в ее сердце томительно напоминало о том жаре, который они породили. Несомненно, ее нежелание покидать его было совершенно обычным для девочки, которая только что стала женщиной. Ей хотелось разбудить Кейна и попросить снова любить ее. Всего один раз.

Но нет. Она не станет цепляться за единственного мужчину. И кроме того, их время вместе было идеальным. Невозможно улучшить совершенство.

Софи оставила Кейна крепко спящим. Бесшумно вошла в воду, грустная из-за того, что оставляет его и в то же время воодушевленная из-за начала чего-то нового. Мысль о сестрах на мгновение стерла ее улыбку. Айседора будет недовольна, Жульетт начнет кудяхтать и качать головой как старая курица. И хотя Софи испытывала искушение утаить события этого утра, она знала, что никогда не сможет сохранить от сестер тайну такой величины. Кроме того, они узнают правду, как только увидят ее лицо.

И хотя она знала, что вскоре ей предстоит выдержать спор, Софи оставалась безумно счастливой. Это мистическое утро отметило зарю новой фазы ее жизни. Она улыбнулась, лениво плывя к противоположной стороне пруда. Да, мужчины действительно были замечательными существами.

Год спустя

КЕЙН СПЕШИЛСЯ и привязал узды своей красивой новой лошади к нижней ветке. Это было оно, то самое место, где его жизнь изменилась. Здесь он превратился из потерянной души без всякой надежды на будущее, из человека с единственным желанием напиться до смерти, в того, кто решил оставить прошлое позади и сделать что-нибудь сам. Он заснул под деревом линара, пьяный, страдающий от ран и мечтающий о смерти, а проснувшись, увидел в воде своего Ангела. Она улыбалась, задавала невообразимые вопросы, а когда вышла из воды, показалась ему более прекрасной, чем любая из смертных женщин. Она любила его, излечила и перевернула его жизнь.

С Ангелом в руках он спал без кошмаров. Но проснулся один.

Некоторое время он думал, что она ему приснилась. Но следующей ночью, остановившись на ночлег, он обнаружил наглядное доказательство ее существования. На его постели осталось пятно ее девственной крови. Кровь его Ангела. С тех пор она снилась ему каждую ночь.

Сообразив, что Ангел настоящая, а не сон, вызванный виски, он попытался вернуться сюда, но почему-то свернул не туда. Выбрал неверный поворот, потом еще один. Он полностью и основательно заблудился, и только тогда отказался от поисков.

Покинув эту гору, он стал другим человеком, да, и еще у него появилась дьявольская удача. Не прошло и двух дней после отъезда, как он нашел на дороге монету. Золотая монетка с выгравированным на ней детским портретом императора Себастьяна валялась в грязи, отражая яркие лучи солнца. Он подобрал ее и сунул в карман, а когда добрался до следующего города, зашел ближайшую таверну, намереваясь спустить ее всю на выпивку. Но там шла дружеская игра в карты, и вместо того, чтобы пропить свое новоприобретенное сокровище, он решил поставить его на кон. И выиграл. Много выиграл.

Он выиграл все.

В течение прошлого года Кейн Варден играл в азартные игры, перебираясь из города в город. Не важно, что это была за игра. Проводил ли он время за вистом, фараоном или слэймом, он всегда побеждал. Он не мог долго оставаться на одном месте. Люди как правило подозрительно относятся к человеку, который не умеет проигрывать. Десятки или более людей пытались доказать, что он мошенничает, но поскольку он не обманывал, то, разумеется, доказывать было нечего. Однако, он решил, что разумнее будет каждые несколько дней перебираться на новое место.

Женщин влекло к везунчику с кучей денег в карманах, и поначалу Кейн пользовался преимуществами своей новоприобретенной удачи с леди определенного типа. Но в последнее время — в течение прошлых шести месяцев или около того — он жил подобно одному из праведных жрецов императора. Или точнее было бы сказать, как преданный женатый мужчина. Он сердцем чувствовал, что неправильно видеть сны об Ангеле, когда в его постели спит другая женщина, и приехал сюда, потому что ему казалось, будто он обманывает ее даже когда просто заглядывается на симпатичных женщин. Он приехал из-за чувства, будто чем-то обязан Ангелу.

Единственный способ избавиться от этих странных предположений заключался в том, чтобы снова с ней встретиться. Когда он окончательно убедится, что ангел из его фантазий

всего лишь обычная женщина, с которой он разделил момент счастья, он сможет двигаться дальше. Она была просто женщиной, такой же, как все.

Ему потребовался почти месяц, чтобы найти это место. Он снова заблудился, запутался, ходил кругами и был совершенно сбит с толку. Наконец, он наткнулся на узкую тропинку, которая показалась ему знакомой. Снова удача. Он последовал по ней, путешествуя верхом при свете луны, пока не нашел пруд и рощу линара деревьев, которые снова были в цвету. Их цветы и аромат манили его.

Итак, он снова встречал здесь рассвет, наблюдая как солнце поднимается над водоемом. Он знал, что вероятность встречи с Ангелом была ничтожно мала, но это место было началом.

Она не могла быть такой прекрасной, как он помнил, такой страстной и совершенной. Это просто не возможно. Секс всегда был хорош, но никогда не был настолько хорош. Кейн перепутал воспоминания со снами, это единственное объяснение. Он сам выдумал Ангела и теперь должен избавиться от нее. Когда он как следует рассмотрит девочку, настоящую девочку со всеми ее недостатками, возможно, перестанет видеть ее во сне. Возможно, сможет жить дальше не чувствуя себя преследуемым светловолосым, голубоглазым ангелом. Он признавал, что сама женщина была реальной, но его воспоминания не могли быть таковыми.

В течение прошлого года Кейн был счастлив, почему бы и нет? У него было все, что любой человек мог только пожелать. Он не был счастливым год назад, когда Ангел пришла к нему на рассвете. Фактически, он был жалок. Он не знал, почему чувствовал себя настолько несчастным, и честно говоря, его это не заботило. Это могло иметь какое-то отношение к войне, предположил он, хотя почти ничего не помнил о своей жизни до встречи с Ангелом, и весь прошлый год избегал всего, связанного с политикой. Его жизнь была легкой, благословенной. Без боли, которую он носил с собой прежде, Ангел смыла ее.

Его внимание привлек шелест высокой травы на противоположном берегу, и он тут же заметил среди зелени вспышку синего цвета. Он не дышал до тех пор, пока женщина на узкой тропинке не вышла из травы на открытый участок возле водоема.

Кейн улыбнулся. Это была она. Его Ангел. Его улыбка увяла. Каждой своей частичкой она была столь же прекрасна, как он помнил.

Видимо она пришла постирать. Она несла в руках очень маленький узелок с одеждой, как будто скатала испачканное платье, чтобы вымыть его тут. Пока он очарованно смотрел на нее, она осторожно опустилась на землю и села на постель из мягкой травы, так и не выпустив узелок из рук. Ангел подняла лицо к небу и закрыла глаза. Распущенные волосы, невероятно яркие и затронутые золотом, падали ей на плечи, спускаясь до талии, и ловили лучи солнца.

Кейн не двигался. Он стоял в тени дерева линара и наблюдал, его сердце стучало слишком тяжело. Это была женщина, которую он видел во сне. Настоящая.

Если он сейчас покажется ей, она сбежит? Или снимет одежду, ступит в пруд и с улыбкой поплывет к нему? Выйдет из пруда со стекающими по волосам и телу каплями воды и попросит его снова лечь с ней?

Она переложила связку с одеждой в одну руку, и начала расстегивать лиф платья. Она носила очень простое платье без оборок и лент, длинная, струящаяся одежда из обычной ткани без блеска или украшений. Синий цвет шел ей, хотя не был таким же необыкновенно синим, как глаза, которые он запомнил. Она заслуживала лучшего, чем такой

незамысловатый наряд, а он стал человеком, который может себе позволить делать подарки. На сей раз он купит ей изысканное платье прежде, чем уехать, решил Кейн. Нечто достойное женщины такой красоты. Он также купит ей и другие вещи. Драгоценности, ленты, атласные туфли — все, что нравится хорошеньким девочкам.

В этот раз он возьмет ее на чем-нибудь мягком. Не на земле, а в надлежащей кровати.

Возможно, она пришла поплавать, подумал Кейн, наблюдая, как Ангел медленно расстегивает крошечные пуговицы. Возможно, она разденется и войдет в воду, как тем утром год назад. Если так, то он не станет ждать, когда она подплывет к нему. Он последует ее примеру. Разденется. Заплывет в центр водоема. Встретит ее там и превратит свои сны в реальность. Кровать может подождать, предположил он.

Расстегнув лиф, Ангел отвернула синюю ткань, обнажила одну полную, округленную грудь, и переместила связку в руках. Она перевела взгляд на связку и счастливо улыбнулась.

Сердце Кейна сделало странное движение, как будто стремилось вырваться из груди, потом подскочило к горлу. Нет, это не сердце, что-то было с его животом. Это не белье так крепко прижимала к себе Ангел. Это был... ребенок. Его ребенок? Его колени подогнулись. Он слегка покачнулся.

Если он сейчас покажется ей, она сбежит? Да. Он был совершенно уверенным, что сбежит. Вместо того, чтобы подойти к берегу, где открывался лучший обзор, и откуда Ангел могла его увидеть, Кейн ступил в сторону, не отрывая глаз от нее и ребенка. Каждый шаг был осторожным, хорошо рассчитанным, и пока он бесшумно огибал водоем, удача оставалась с ним.

Разумеется, он женится на ней. Это правильный поступок. От мысли о женитьбе его пробрал неприятный озноб. Когда-то он поклялся никогда не жениться, хотя не мог вспомнить почему. Однако, поскольку дело касалось ребенка, у него не оставалось иного выбора.

Кейн огибал пруд, и ему ни разу не пришла в голову мысль уехать, украдкой отступить к лошади и спешно ретироваться. Если это его ребенок, он несет за него ответственность.

Наконец он смог четко разглядеть своего Ангела. Ребенок у нее на руках жадно причмокивал, обхватив ртом сосок, крошечный кулачок покоился на бледной выпуклости груди.

Когда Кейн выступил из укрытия деревьев, она медленно подняла голову. Ангел не выглядела удивленной. Неужели не смотря на его старания, она слышала, как он приближается?

Узнает ли она его? Год назад он носил тряпье, лицо скрывала многомесячная борода, волосы были спутанными и включенными.

Сегодня он надел прекрасный костюм, а вчера утром начисто выбрился. Наверное, на лице уже проступила щетина, но это было ничто по сравнению с бородой, которую она могла помнить. Чистые волосы были стянуты сзади в аккуратный хвост. Он стал другим человеком. Внутри и снаружи он уже не был тем мужчиной, который остановился здесь на привал год назад.

— Ангел, — позвал он, его голос отказывался подниматься выше шепота.

Их глаза встретились. Да, она помнила.

— Солдат, — тихо сказала она.

Он осторожно подошел ближе, боясь, что может напугать ее каким-нибудь резким движением. Было нечто неожиданно неуловимое в том, как ребенок кушал у материнской

груди. От этой картины его сердце сжалось, и он не мог заставить себя отвести взгляд.

— Это, — он остановился и облизнул губы, дрожа всем телом, — мой?

Ангел вздохнула.

— Да, солдат. Это твоя дочь, Ариана. Ариана Кейн Файн.

СОФИ НИСКОЛЬКО не удивилась, увидев возле пруда отца своего ребенка. Он снился ей в течение прошлых трех ночей. Пока он усаживался рядом, она вздохнула. Ох, это все усложняло!

С зачарованным выражением в глазах он наблюдал, как ест Ариана. Почему он оказался таким красивым без всех этих волос на лице? Он выглядел моложе, чем она предположила, когда впервые его увидела. На годы моложе. Без косматой бороды черты лица стали намного привлекательнее, и ему шла опрятная прическа. Его волосы не были ни светлыми, ни каштановыми, а теми другими одновременно, как будто некоторые пряди выцвели на солнце или переплелись с полированным золотом. Черный костюм сидел на нем так, будто его шили специально для него, высокие ботинки были сделаны из наилучшей кожи. Год прошел для него удачно, и она знала, что так и будет.

Она заметила, что сегодня у него нет ножа под рукой. Если ее пожелания осуществились, то в прошлом году он не нуждался в оружии.

Почти все в нем изменилось, только глаза остались прежними.

— Ариана, — повторил он, изучая ребенка. — Красивое имя.

— Так звали мою бабушку, — сказала она, переключая ребенка к другой груди.

Кейн наблюдал весь процесс, ни разу не отведя взгляда. Ариана ухватилась за сосок полной груди и издала низкий, сладкий звук полностью довольного ребенка.

Наконец, Кейн поднял голову.

— Я не знал, — сказал он. — Если бы я знал, то никогда бы не уехал.

Софи одарила его милой ободряющей улыбкой.

— Не будь глупым. Ты не мог знать, и даже если бы знал, у тебя не было причин оставаться.

— Не было причин? — он нахмурился и сжал губы.

Кейн, конечно, проявит благоразумие. Софи подберет для него несколько тщательно продуманных слов, избавит от тревоги и отправит восвояси.

— Ты уже внес свой вклад. Мой дорогой, что еще ты мог сделать?

— Ты замужем?

Она рассмеялась.

— Не будь глупым, — снова сказала она.

— Глупым? — Кейн почему-то начал сердиться.

Софи опустила глаза и провела пальцем по светлым пушистым волосам на головке Арианы.

— Тебе не следовало возвращаться, — прошептала она. — Твое присутствие здесь только все усложнит. И хотя я рада убедиться своими глазами, что у тебя все хорошо, думаю, тебе лучше уехать и забыть, что мы когда-либо встречались.

— Я не могу забыть, — сказал Кейн, ради ребенка приглушив голос, но все еще явно рассерженный. — Ты снишься мне каждую ночь. Год, Ангел. Каждую ночь в течение года! Ты как будто приходишь ко мне во снах, и эти сны более реальны, чем часы бодрствования. А теперь это. Ребенок. Наша дочь. Я не могу уехать и оставить тебя растить моего ребенка в

одиночестве.

— Я воспитываю твоего ребенка не одна.

Кейн не возразил. Он вообще ничего не сказал. Из-за повисшего молчания Софи пришлось поднять голову и посмотреть в его глаза. Он не просто сердился, он был почти в ярости.

— Ты замужем за кем-то другим, — прошептал он. — Моего ребенка воспитывает другой мужчина.

Она попыталась успокоить его улыбкой.

— Растить Ариану мне помогают сестры, а не другой мужчина. Клянусь луной, Кейн, я никогда не выйду замуж.

Она увидела облегчение в его выразительных глазах, затем, мгновение спустя, жаркую решимость.

— Никогда?

— Никогда, — уверенно повторила она.

— Почему?

Софи глубоко вздохнула и медленно выдохнула. Лучше бы она последовала совету матери и искала возлюбленных подальше от дома. Тогда он не смог бы так легко ее разыскать. Она и так уже испытывала сердечную склонность к Кейну, разумеется, только потому что он был отцом Арианы, и не могла позволить ему стать постоянной фигурой в ее жизни. Если она в него влюбится, беда не заставит себя ждать.

Ее жизнь должна оставаться свободной от уз любви. Нужно раз и навсегда убедить в этом факте и Кейна, и саму себя. Как бы там ни было, она должна заставить его уйти.

— Я не нуждаюсь в мужчине и его заботе. У меня будет столько любовников, сколько я пожелаю, когда того потребует мое тело, и буду...

— Столько любовников, сколько пожелаешь? — прервал Кейн.

— Да.

Он глубоко вдохнул. Потом еще раз.

— И сколько любовников у тебя уже было? — спросил он излишне напряженным голосом.

Хотела бы Софи уметь хорошо врать, но она не умела. Ни она, ни Жульетт, хотя та по крайней мере могла слегка приукрасить правду, не став при этом красной. И сейчас, если бы она могла плести небылицы, как Айседора... но она не могла.

— Только ты, — глухо призналась она и быстро добавила. — Пока.

Кейн заметно расслабился.

— Значит, за прошедший год ты не встретила другого мужчину, которого бы захотела.

— Не будь занудой, — тихо сказала она. — Разумеется, за прошлый год у меня не было другого любовника. Я с самого первого дня знала, что забеременела, и мне не казалось правильным впускать в свое тело другого мужчину, когда там рос твой ребенок.

— Наконец-то хоть одна здравая мысль, — пробормотал он.

— И эти три месяца, с тех пор как она родилась, я полностью посвящала себя Ариане, — упоминание имени дочери согрело ей сердце. Материнство оказалось более замечательным и всепоглощающим, чем она себе представляла, каждый день приносил новые чудеса.

Софи пыталась убедить себя, что видела Кейна во сне вовсе не из-за того, что они снова будут близки. Сон был предупреждением, что он опять появится в ее жизни. Вот и все.

Ариана насытилась, и Софи подняла дочь к плечу, нежно пошлепала ребенка по спинке, пытаясь вызвать отрыжку.

— Могу я...? — Кейн протянул руки, незаконченный вопрос повис в воздухе.

— Конечно, — Софи очень осторожно вручила Ариану отцу. Он, казалось, взял ее, едва ли не со страхом, будто считал свои руки слишком большими, чтобы держать нечто столь хрупкое. Но Кейн, разумеется, ошибался, и через мгновение они с Арианой совершенно успокоились. Ариана пристроила головку на плече отца и начала засыпать.

— Похлопай ее, — проинструктировала Софи, застегивая платье, — ей нужно срыгнуть.

Кейн сделал, как ему велели, поначалу шлепая слишком нежно и только потом правильно. Ариана издала очень неженственную отрыжку, повернула голову и провалилась в глубокий сон.

— Она прекрасна, — сказал Кейн, прижимая дочь ближе.

Софи не смогла удержаться от широкой улыбки.

— Тебе тоже так кажется?

Кейн посмотрел на Софи поверх головки Арианы. Он не был покладистым человеком. Никогда не сдавался без борьбы.

— Да. Мне ненавистна мысль, что тебе пришлось провести прошлый год в одиночестве. У тебя были какие-нибудь проблемы?

— Нет, совсем никаких, — сказала Софи. — Я ни разу не заболела, и роды прошли самым наилучшим образом. Конечно, было больно, но схватки длились всего три часа, и я только один раз выкрикнула в твой адрес проклятие. На самом деле я не желала тебе ничего плохого, — быстро добавила она. Иначе можно было бы ожидать всевозможных неприятных осложнений. — И я провела год не в одиночестве. Со мной были сестры.

В действительности, ей следовало благодарить Кейна не только за то, что он подарил ей Ариану, но и за то, что помог раскрыть ее истинный дар. Таланты Айседоры были разнообразными и могущественными, Жульетт достались способности ясновидения и целительства, а Софи во время беременности обнаружила, что и сама наделена неким даром.

Изобилие. Простым словом, чарами или пожеланием она могла заставить все расти. Когда она благословляла поля, те процветали, сады Жульетт стали особенно плодоносными, после того, как Софи при утреннем свете произнесла над ними незамысловатое заклинание. Женщины, у которых прежде были проблемы с зачатием, становились плодовитыми от легкого прикосновения ее руки: Жульетт клялась, что так оно и было.

Софи смотрела в глаза Кейна, и нравилось ей это или нет, она хотела, чтобы он снова любил ее. Хотела получить удовольствие, почувствовать его обнаженное тело на своем. Но этого не случится.

Если он снова дотронется до нее, появится еще один ребенок. Она знала это так же хорошо, как знала, что небо голубое. Софи считала Ариану божьим даром, однако, была не готова принять второй дар так скоро.

Хуже того, Софи знала, что, если родится еще один ребенок, Кейн никогда не уедет. Он останется, вероятно, станет раздражающе услужливым, а потом однажды она посмотрит на него, и физическое влечение к нему перерастет в нечто большее. Она этого не допустит.

Кейн очень аккуратно вернул Ариану Софи.

— Она чудо.

— Да, — Ариана устроилась в руках матери. Софи подняла голову и всмотрелась в лицо Кейна. Оно было столь же прекрасно, как лицо из ее снов. — Спасибо.

Он протянул руку и нежно дотронулся пальцами до ее щеки.

— Ангел, выходи за меня, — его гнев растаял, сменившись внезапной решимостью.

Софи покачала головой, и попыталась сохранить внешне спокойствие, хотя сердце в груди вытворяло невероятные вещи.

— Я не могу.

— Почему?

— Я никогда не выйду замуж.

— Это не причина, — возразил он.

С браком приходила любовь, с любовью смерть. Айседора и Вильям попытались игнорировать проклятие и в итоге оба от него пострадали.

— Я едва знаю тебя, — объяснила она, — И не думаю, что мы вообще друг другу подходим.

— У нас есть ребенок, этой причины достаточно...

— Нет, — прервала она. — Это не так.

Софи слишком ясно представляла возможное будущее Кейна. Когда ее сердце так трепетало, а тело дрожало от одного его присутствия, ей очень легко было бы сказать «да». Она могла выйти замуж за Кейна, и у них родилась бы дюжина детей. Да, так бы оно и было, со вздохом подумала Софи. Дюжина! Возможно, больше. Спи он в ее кровати каждую ночь, она не смогла бы заставить себя ему отказать.

И тогда со временем она может даже полюбить его. Ее сердце сжалось. Она все еще слишком живо помнила как вернулась однажды днем домой с корзиной ягод и нашла мертвого Вильяма на полу их небольшого дома. Он был для нее как отец, единственный отец, которого она знала, и вдруг его просто не стало. У него было больное сердце, сказала Жюльетт, и ничто не могло предотвратить его смерть. Они пытались притворяться, будто проклятие Файн не имело к смерти Вильяма никакого отношения, но знали правду, когда хоронили очень замечательно, слишком рано ушедшего человека.

Им нельзя было любить. Никогда.

В последующие годы появятся другие дети, подозревала Софи, но подобно матери, она будет выбирать любовников осмотрительно. Будет идти от мужчины к мужчине, как того потребуют ее тело и сны, и никогда не допустит ошибку и не влюбится.

— Я свободная, смелая женщина, — вызывающе заявила она, намереваясь отослать Кейна прочь раз и навсегда. — Я не хочу привязываться к одному мужчине. Когда действительно придет время найти другого любовника, я выберу кого-то нового и волнующего. Ты у меня уже был. Почему я должна хотеть получить тебя снова?

Кейну совсем не понравился такой ответ. Он стиснул челюсти и сощурился.

— Ребенку нужен отец.

— Я никогда не знала своего отца, — возразила она.

— И посмотри, какие у тебя теперь странные идеи!

Ариана зашевелилась и сморщила носик.

— Не разбуди ребенка, — тихо предупредила Софи.

— Извини, — Кейн перевел взгляд к водоему. — Не важно нравлюсь я тебе или нет, мы должны пожениться ради ребенка. Я не хочу, чтобы моя дочь росла убудком.

— Я росла, — тихо ответила Софи.

— Я хочу лучшего для Арианы, — сказал он. — И для тебя тоже. Теперь я могу дать тебе так много. Тебе и ребенку. Позволь мне заботиться о вас.

— Это очень мило, — Софи протянула руку и слегка коснулась щеки Кейна. Сегодня утром он не брился, и на лице проступила жесткая щетина. Кожа под ней была теплой. Было бы чудесно просто посидеть здесь некоторое время, дотрагиваясь до него, позволяя ему трогать ее и... она опустила руку.

Он ответил ей пытливым взглядом.

— Выходи за меня.

Она покачала головой.

Софи медленно встала, Ариана поймала ее грудь.

— Я ценю твою готовность принести такую жертву, Кейн, действительно ценю, но будет лучше, если ты вернешься к своей лошади и уедешь так далеко, как только сможешь, — она подняла руку, указывая на лошадь, которую он привязал на противоположной стороне пруда. — Просто... уходи.

Он вскочил на ноги.

— Я не могу.

Софи обернулась. О Боже, похоже, он собирается последовать за ней! Нельзя позволить Кейну и Айседоре встретиться.

— Хочешь знать настоящую причину, почему я не могу выйти за тебя? — резко спросила она.

— Да.

— Я не обычная женщина, — тихо призналась она.

Кейн усмехнулся. О, у него была такая грешная, очаровательная улыбка!

— Это меня не удивляет, Ангел.

— Я ведьма, — сказала она, вздернув подбородок и крепче прижав к себе Ариану.

Его улыбка растаяла.

— Не смейся.

Она не хотела рассказывать ему о проклятии. Это было сложно, объяснения потребуют времени, и кроме того, она не хотела признаваться, что боится влюбиться в него. Это откроет слишком многое. Лучше не вдаваться в подробности.

— Не стоит принимать мои слова за шутку. У подножия горы расположен маленький городок. Загляни туда, когда будешь уезжать. Поспрашивай у людей, что они думают о Софи Файн, — ее подбородок задрожал. — Спроси их, ведьма ли я.

— Софи, — тихо сказал он, впервые произнеся ее имя. Ее охватила дрожь, пробежавшая вниз по позвоночнику.

— Спроси их, — повторила она, зная, какие рассказы он услышит, когда придет в Шэндли и упомянет ее имя. — А потом спасайся, пока еще можешь.

С этими словами она развернулась и побежала, крепко обнимая Ариану. Из глаз неожиданно потекли горькие слезы. Она смахнула их, и одна слеза упала в траву. Не успела Софи отойти на три шага, как на том месте, где слеза впилталась в землю, вырос дикий цветок.

Шэндли походил на сотни других маленьких городков разбросанных по Каламбьяну. Все важное тут располагалось вдоль двух пересекающихся улиц, которые встречались на оживленной городской площади, а простые дома строились за их пределами, разрастаясь от центра города словно тонкие конечности многорукого существа.

Тут имелось все необходимое, чтобы сообщество функционировало должным образом: всевозможные магазины, две таверны, одна маленькая и одна довольно большая, тюрьма, церковь, школа. У шерифа Южной провинции находился здесь офис, но поскольку это была тихая сельская часть страны, офис был вспомогательным и, вероятно, состоял всего из пары сотрудников. Возможно из трех.

Посещая города, Кейн всегда старался избегать законников и солдат, хотя азартные игры не считались незаконными, а сам он был далек от политики. Здесь, в южных провинциях не наблюдалось большой активности мятежников, поэтому он не часто сталкивался с реалиями войны. Однако, вид зеленой солдатской униформы или темно-красной одежды чиновников иногда вызывали у него неприятный озноб.

Самая большая таверна Шэндли находилась почти в центре города, та что поменьше располагалась на южном конце одной длинной улицы. Казалось, в обеих имеются комнаты наверху, где можно остановиться на день или дольше. Все вокруг процветало: кондитерская, магазин одежды и дамских шляпок, продовольственный и сельскохозяйственный для фермеров и владельцев ранчо, магазин, который судя витрине специализировался на мечах и другом оружии, больше подходящем для охоты, нежели для защиты. Это был быстро развивающийся маленький городок.

Пока он ехал на своей новой серой кобыле вдоль одной из центральных улиц, изучая людей и город, Кейн заметил нечто необычное. Здесь повсюду было поразительно много женщин, они делали покупки, сплетничали и прогуливались. Никогда прежде он не видел столько беременных женщин в одном месте и в одно и то же время. Насколько он мог судить, стадии их беременности не были разными. У большинства из их размер талии выглядел одинаково, чуть больше или чуть меньше, но не намного. Казалось, будто огромное количество женщин забеременели одновременно.

Странно.

Он не стал немедленно спешиваться и искать того, кто сможет подтвердить, что Софи ведьма. Софи. Красивое имя для красавицы. Сегодня ночью, когда он увидит ее во сне, то будет называть Ангелом в один момент и Софи в следующий.

Он не сомневался, что услышит от жителей Шэндли нечто нелепое. Он видел страх на лице Софи, когда она велела ему заехать сюда и упомянуть ее имя. Вот только она не знала, что ничто не сможет отпугнуть его. Ни ее упрямое намерение заводить любовников, когда она того пожелает, ни смехотворная история о том, что она ведьма.

Магия больше не была вне закона, как некогда, в течение первых лет господства императора Нечтина и почти во все время правления его отца, но люди все еще имели склонность не доверять тому, чего не понимали. Особенно люди подобные этим: которые жили так легко и просто, которые привыкли наслаждаться дневным сном и знали так мало о жизни за пределами Шэндли.

Ведьмы были древними старухами, живущими в пещерах или продававшими свое

ремесло среди богатых и могущественных, а не красивыми юными женщинами, вроде Софи Файн. Кроме того, истинные ведьмы встречались крайне редко, он и не надеялся увидеть когда-нибудь одну из них. Женщина, владеющая настоящей магией, не будет скрываться здесь, в этой сельской местности. Скорее всего, она отправится в большой город, где с помощью своих талантов сможет заработать состояние. В городе, который он покинул несколько месяцев назад, ему рассказали, что у генерала императорской армии Каламбьяна среди советников есть ведьма...

Внезапно виски Кейна пронзила сильнейшая головная боль. Она лишила его способности думать. Разогнала все мысли и воспоминания. Мозг и глаза горели, руки начали дрожать. Мир сузился, а затем исчез, не оставив ничего кроме боли и бледных теней, серости и муки.

Размышления о Софи никогда не вызывали у него головную боль. Кейн снова стал думать о ней, и боль тут же исчезла. Его затопило облегчение. Покой и счастье.

Он привязал лошадь перед самой большой таверной и вошел в главную комнату. Неплохо для маленького городка, подумал он, оглядываясь. Место было чистым, аромат, доносящийся из кухни, многообещающим. Почтенная, немного полноватая женщина, подметавшая чистый дощатый пол, приветствовала его улыбкой.

Он вернул ей улыбку и подошел к стойке.

— Я хотел бы снять комнату. Номер для новобрачных, если он есть.

Глаза женщины заблестели.

— Еда включена?

— Конечно.

— На сколько дней?

Насколько понадобится.

— Понятия не имею.

Женщина поставила метлу в угол, направилась к длинной барной стойке, размещенной у одной из стен квадратной комнаты, и достала из-под нее гостевую книгу. Кейн присоединился к ней, вписал свое имя и расписался.

— Мистер Варден, — сказала женщина, мельком глянув в книгу, — я Юрнейд Дрискелл. Мы с мужем владеем и управляем этой таверной. Могу я спросить, что привело столь прекрасно одетого и очевидно образованного человека в Шэндли?

— Меня отправила сюда женщина, на которой я собираюсь жениться.

Миссис Дрискелл, которой вероятно было около шестидесяти, поджала губы и захлопала ресницами.

— Как очаровательно. Какая она счастливая девочка. Возможно, я ее знаю?

— Возможно. Ее зовут Софи Файн.

Радужная улыбка миссис Дрискелл растаяла, лицо побледнело.

— О, дорогой.

Кейн небрежно облокотился о стойку.

— Вы ее знаете?

— Да. Да, знаю.

— Тогда вы со мной согласитесь, что во всем Каламбьяне и за его пределами не найдется более милой, доброй и прекрасной женщины.

На самом деле он понятия не имел, была ли Софи милой и доброй. Он знал ее недостаточно долго, чтобы в этом убедиться. Но она определенно была прекрасной.

— Она очень... симпатичная. — Женщина поджала тонкие губы.

— Симпатичная? — Кейн поднял брови. — Какое неподходящее слово для описания столь необыкновенной женщины.

— Мистер Варден, — осторожно начала миссис Дрискелл, отступая от него и стойки. — Вы кажетесь очень милым, совершенно нормальным молодым человеком. Конечно же, вы не осознаете во что позволяете себя втянуть. Да, Софи Файн весьма красива. Вы не первый мужчина, который соблазнился ее видом.

Он попытался остановить хозяйку предупредительным взглядом. Этого оказалось недостаточно.

— Софи Файн шлюха, — продолжила миссис Дрискелл. — Она незамужняя женщина, у которой есть ребенок, и ни за что не расскажет, кто его отец. Это может быть любой мужчина в городе, — злобно заявила старая женщина. — По тому как она двигается и выглядит, совершенно очевидно, что она распутница. Когда она шагает по улице, мужчины пускают слюни, будто их мозги перестают работать. Ей нужно только улыбнуться мужчине, и он отдаст ей все, что она просит.

— Действительно? — спросил Кейн низким, почти угрожающим голосом.

Миссис Дрискелл возмущенно взмахнула рукой.

— Она вырвала одного из наших невинных мужчин из его дома ради своих собственных целей и... и... что ж, просто считайте, что я вас предупредила, мистер Варден, — хозяйка неодобрительно поджала губы. — Софи Файн шлюха и ведьма. Ведьма, мистер Варден! Как правило у нее хватает здравого смысла оставаться на том холме с этими ее сестрами, и это полностью меня устраивает. Мы не хотим видеть здесь ни ее, ни ее ребенка. Это респектабельный город, в котором живут приличные люди.

Кейн вздохнул.

— Благодарю вас, миссис Дрискелл, за то, что поделились со мной своим мнением прежде, чем я успел совершить ошибку и снял у вас номер.

Она кивнула.

— На вашем месте, я бы как можно скорее уехала от той проклятой горы. Не знаю, что она для вас сделала, но...

— Вы не поняли, — прервал Кейн. — Я не уезжаю из города, просто я решил потратить свои деньги в другом месте. Видите ли, Софи возможно, не захотела рассказывать кучке неприятных, поверхностных и назойливых людей, кто отец ее ребенка, зато я ничуть не возражаю. — Он улыбнулся. — Вы на него смотрите.

— О! — округлое лицо миссис Дрискелл побледнело.

— Несомненно, я не могу проживать в гостинице, владелец которой столь низкого мнения о моей будущей жене и матери моего ребенка.

— Я не хотела...

— Разумеется, хотели, — прервал Кейн, разворачиваясь на пятках и направляясь к двери. На краю города находилась еще одна таверна, меньших размеров. Она не была такой же симпатичной, как эта, но он лучше будет спать на улице, чем отдаст хоть пенни своих денег этой мегере.

В дверном проеме он повернулся к пепельному лицу миссис Дрискелл.

— Ведьма? — спросил он, качая головой. — Где вы набрались таких нелепых фантазий?

Старая женщина кивнула.

— О, это не нелепые фантазии. Все три женщины Файн ведьмы, как были их мать и бабушка.

Кейн вышел на мостовую, оставляя ожесточенную женщину с ее болтовней. Софи не хотела ни его, ни любого другого мужчину в качестве мужа. По-видимому, о ней хорошо заботились. Да, она была очень красивой, но в южных провинциях было много красивых женщин. Он действительно все еще хотел ее, но уж точно не любил. Возможно, он любил женщину из своих снов, но не мог любить реальную Софи. Как она сама сказала: он даже не знал ее.

Но ребенок привязал его к ней таким способом, который он не мог — и не станет — игнорировать. Может, другие мужчины с удовольствием сбежали бы подальше от таких обязанностей, но не Кейн Варден.

СОФИ УДАВАЛОСЬ не встречаться с сестрами все утро, пока те занимались хозяйственными делами, но избежать совместного обеда было невозможно. Ариана спала, как обычно в это время дня, и поскольку еду всегда готовила Софи, она не могла сослаться на усталость и спрятаться в кровати. А так как она никогда не болела, это в любом случае не сошло бы за оправдание.

Она сделала клецки и цыпленка, любимые блюда Айседоры, и всем сердцем надеялась, что еда отвлечет ее обычно проницательных сестер.

Домик сестер Файн стоял на этом самом месте более трехсот лет, и хотя снаружи выглядел простеньким, внутри интерьер неожиданно оказывался очень уютным. Со временем к дому добавили пристройки, и теперь он разросся далеко за пределы того незамысловатого сооружения, каким некогда являлся. У каждой из сестер была своя собственная просторная спальня, здесь так же имелись две красиво меблированные гостиные и большая, хорошо укомплектованная кухня.

Кухня была владением Софи, хотя время от времени здесь работали все сестры. Айседора заботилась о животных. Они не нуждались в лошадях, зато держали цыплят, несколько свиней и много коз. Жульетт предпочитала заниматься садом и оранжереей. Они были такими же самодостаточными, как большинство ферм, и не особенно нуждались в городе.

Обязанности сестры разделили меж собой и хотя помогли друг другу, каждой принадлежала своя определенная сфера в домашнем хозяйстве. Софи следила за домом. Больше никто из них не умел столь же искусно обращаться с капризной дровяной печью, как за последние годы научилась Софи.

Жульетт и Айседора вернулись в дом в течение пяти минут друг за другом, каждая первым делом направилась к кухонной раковине, чтобы вымыть руки. Они были в своей рабочей одежде: юбках, которые уже по несколько раз заштопывали, и повседневных рубашках с закатанными рукавами. Каждая из них повязывала голову платком, чтобы волосы не падали на лицо. Айседора одевалась во все черное, хотя уже слишком долго носила траур по Вильяму. Рабочий наряд Жульетт состоял из зеленой юбки, блузки цвета натурального льна и темно-зеленого платка с маленькими желтыми цветочками.

Софи выкладывала решетку на ягодном пироге, который собиралась испечь сегодня к ужину. Она дышала размеренно и говорила совсем мало, надеясь, что сестры не догадаются, насколько важным было ее утро.

Год назад, в тот день, когда Софи встретила Кейна, Жульетт почти немедленно поняла,

что кое-что изменилось. Ей даже не потребовалось дотрагиваться до сестры, чтобы увидеть случившееся, а это было необычным. Жульетт многого не видела, даже когда пыталась, и слабо контролировала свои видения. Она не предвидела смерти Вильяма, и говорила, что не может расшифровать видения, которые касаются ее самой и сестер, поскольку те были слишком нечеткими и раздражающе туманными.

Но в тот день Жульетт поняла, что Софи беременна, просто дотронувшись до младшей сестры. Айседора пришла в ярость, и только благодаря стараниям обеих более спокойных сестер Файн, не стала разыскивать Кейна и мстить ему.

Если они узнают, что он вернулся...

— Что случилось? — спросила Айседора, рассматривая кухонный стол. — Цыпленок, клецки, бобы, твой особенный хлеб... а это что, кекс с пряностями? — внезапно она стала подозрительной.

— Вы обе так много работаете, вот я и подумала, что вы заслужили праздник, — жизнерадостно сообщила Софи, не поднимая глаз от пирога. — С тех пор, как родился ребенок, я была слишком занята и, кажется, пренебрегала своей частью домашних работ.

Айседора и Жульетт были в ужасе, когда узнали о положении Софи, но нежно полюбили Ариану и стали самыми замечательными тетями на свете. Они также были замечательными сестрами, за исключением последних месяцев беременности и недель после нее, когда излишне нянчились с Софи.

— Ты всегда делала больше своей части, — ласково протянула Жульетт.

Софи улыбнулась, не отводя глаз от пирога. Сестры все еще ничего не заподозрили. План сработал. Она отвлекла их пирогом, кексом и цыпленком с клецками. Ее радость продлилась не долго. Сейчас Кейн уже услышал одну-две или даже больше возмутительных историй. Кто-то подтвердил ее слова, назвав ведьмой, и сейчас он наверняка ехал прочь из города. Ей бы следовало радоваться, но она не могла.

Чтобы отвлечься от Кейна, она попыталась представить каким будет ее следующий любовник. Могут пройти месяцы или даже годы, прежде чем она захочет найти другого мужчину, но когда она это сделает, то выберет кого-то совсем другого. Возможно, не такого высокого. Не такого традиционно красивого. Не угрюмого бывшего мятежника и вора, а человека, который будет смеяться вместе с ней. Который не посмеет упоминать о браке, не станет преследовать ее и угрожать несбыточными вещами.

И в следующий раз она проследит, чтобы ее любовник не знал, где она живет. Это влекло слишком много осложнений.

— О, нет, — спокойно сказала Жульетт, когда села за стол.

— Что случилось? — Софи обернулась. — Я что-то забыла?

Обе сестры уставились на нее. Жульетт с тревогой, Айседора с любопытством.

— Он вернулся, — сказала Жульетт. Свободной рукой она откинула с лица медный локон, выбившийся из платка. — Он приехал, чтобы найти тебя. Увидел ребенка и теперь хочет... жениться на тебе.

Как же досадно иметь сестру-телепата. Софи никогда не знала, что может увидеть Жульетт, но было почти невозможно сохранить любую серьезную тайну. А она сегодня так боялась прикоснуться к Жульетт!

Но та дотронулась до вилки, которую использовала сестра, и к тарелке, в которой она готовила пищу. Очевидно, скрыть что-либо от Жульетт невозможно.

Софи вздернула подбородок.

— Да, сегодня утром Кейн действительно оказался у пруда, но беспокоиться не о чем. Я отослала его прочь.

— У меня такое чувство, что он ушел не далеко, — возразила Жульетт.

— Теперь я могу его убить? — спокойно спросила Айседора.

— Нет, — одновременно ответили Жульетт и Софи. Хотя Софи знала, что старшая сестра никогда не причинит вреда другому живому существу, она по-настоящему волновалась из-за возможной встречи Кейна и Айседоры. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Тут не о чем беспокоиться, — сказала Софи, присоединяясь к сестрам за кухонным столом. — Возможно, отец Арианы все еще где-то поблизости, но очень скоро он уедет. — Как только убедится, что она ведьма. Как только поймет, что у них нет совместного будущего. Все, что у них было — это мимолетный, прекрасный момент, разделенный когда-то давно. И дочь, безмолвно признала она.

— Когда я увижусь с этим зеленоглазым мужчиной? — спросила Айседора, накладывая себе щедрую порцию цыпленка и клецок.

— Никогда, — уверенно, как она надеялась, ответила Софи. — В этом нет необходимости.

— В замужестве нет ничего ужасного, — сладко предложила Жульетт.

Айседора фыркнула. Ее точка зрения по поводу брака была ясной.

— Не для меня самой, — добавила Жульетт, — а для Софи. Брак без любви, разумеется, возможен. Ради всего святого, такое практикуется повсеместно. Я всегда знала, что Софи предназначено иметь много дочерей, дом и возможно даже мужа.

— Твои видения туманны, — не сдавалась Айседора. — У Софи уже есть и дом, и дочь. Брак не обсуждается. Она слишком мягкосердечная, чтобы не приплести к своим отношениям любовь.

— Чтобы прояснить ситуацию, — сказала Жульетт, — у меня не было видений о будущем Софи, я полагаюсь лишь на некую сестринскую интуицию, когда говорю, что ей предначертана счастливая жизнь.

— Если Софи ожидает счастье, она не может выйти замуж.

Софи положила обе руки на стол, ладонями вниз.

— Поскольку вы обе обсуждаете мою жизнь, то не кажется ли вам, что у меня есть право голоса?

— Конечно, дорогая, — ответила Жульетт. — Ты бы хотела иметь детей, мужа и собственный дом?

Софи улыбнулась.

— Айседора была права, сказав, что мой дом здесь. Я не собираюсь уезжать отсюда. Никогда. Что касается детей, то подозреваю, что у меня будут и другие. Три дочери было бы в самый раз.

Жульетт кивнула.

— А что касается мужчин — улыбнулась Софи — Они кажутся мне очень интересными. Если задуматься, они могут быть очаровательными. Мужчины другие. Они действительно мне нравятся, но это не значит, что я собираюсь совершить такую глупость, как влюбиться.

В ее голове мелькнул образ Кейна, ясный и изумительный. Не улыбающегося и веселого, каким он предстал перед ней сегодня утром, а того, каким она увидела его год назад. Тогда он не был настолько очевидно красивым. Одетый в лохмотья, он выглядел

грубым. Подавленным и отчаявшимся.

Было бы слишком легко влюбиться в такого мужчину, но этого никогда не случится. Она знала, какая последует расплата. Смерть для Кейна и страдание для нее. Софи вздрогнула. Ни один мужчина не завладеет ею, ни ее душой, ни телом, ни сердцем. Только тогда она будет в безопасности.

Внезапно Жульетт положила свою ложку и вздохнула.

— О Боже, Софи. Что ты наделала?

У Кейна не заняло много времени, чтобы присоединиться к дружественной карточной игре в таверне, где он остановился чуть ранее. Его комната наверху была простой и маленькой, поданное на обед мясо жестким, а бобы разваренными. Но пока этого достаточно.

Ставки в игре были невысокими, но Кейн довольно приятно проводил время. Он, разумеется, выиграл и вскоре остался без игры. Насупленные проигравшие разошлись кто куда став лишь чуть-чуть беднее, чем прежде, и оставили его в таверне одного, если не считать дружелюбного бармена по имени Гадни.

Кейн перешел от стола, за которым выиграл в карты, к бару и заказал стопку виски. Он никогда не задумывался о причинах своей удачливости. Разве можно бросать вызов фортуне? А тот факт, что его дела изменились, когда он встретил своего Ангела — Софи — был чистым совпадением. Разве нет?

Предыдущий год прошел в некоем блаженном тумане. У него было новоприобретенное богатство, легкость на сердце и сны о красавице. Свою прежнюю жизнь, которая была еще более туманной, чем прошлый год, он смог оставить полностью позади. Сидя в таверне Шэндли и раздумывая над тем, что делать дальше, он начал изводиться новыми вопросами. Почему он не может вспомнить, откуда приехал? У него остались смутные воспоминания о бедном и шумном детстве, о симпатичной темноволосой девочке, которая утверждала, что любит его, и еще о сражении, которое он едва помнил.

Он не задавал эти вопросы в прошлом году, потому что не хотел. Теперь, попытка разобраться вызвала новый приступ острой головной боли, поэтому Кейн отбросил вопросы. Для этого он просто сосредоточился на Софи. Хозяйка таверны, миссис Дрискелл, завидовала ей, и небезосновательно. Неудивительно, что мужчины пускали слюни, когда Софи проходила мимо. Сексуальность сквозила в ее движениях и чертах лица, которые делали ее такой красавицей. Все в ней было соблазнительным. Тело, полные губы. Чувственность угадывалась даже в разрезе глаз и линии щек.

И она полностью принадлежала ему. Или скоро будет.

Если удача ему не изменит, а он почти не сомневался, что такого не случится, Софи станет его женой в течение пары дней. Возможно, недели. Нет, он не может ждать целую неделю.

Его преследовал образ его ребенка и Софи, какими они предстали перед ним сегодня утром. Это была картина той жизни, при которой мужчина мог быть очень счастлив. Прекрасная, верная женщина... и его.

Любил ли он Софи? Нет, конечно, нет, хотя полагал, что однажды это может случиться. Она была невероятно красивой. Поразительно страстной. А ее улыбка...

— Еще один? — спросил Гадни хриплым, скрипучим голосом.

— Почему бы нет? — Кейн подтолкнул пустой стакан к улыбающемуся бармену. Еще

одна порция, и он уйдет. Для планирования ухода и завоевания Софи надо оставаться здравомыслящим. Он не думал, что завоевание окажется чересчур трудным. В конце концов, она мать его ребенка, а какая женщина не захочет мужской заботы? Он был относительно богат, имел несколько процветающих предприятий, которые выиграл в прошлом году. Таверна здесь, продовольственный магазин там и очень хорошая гостиница в маленьком городке к западу от Шэндли. Все это он, разумеется, выиграл в карты и хотя оставил в руках наемных работников, они продолжали приносить ему доходы.

Нет, задача будет не сложной. Меньше чем через неделю Софи согласится выйти за него, предположил он.

В последнее время его память оставляла желать лучшего, но он действительно помнил ее. Помнил, как она вышла из воды, словно ангел, помнил ощущение ее кожи на своей, ее тело, улыбки... Он видел все это так отчетливо, будто встретил Софи только вчера. В конце концов, это происходило в реальности, а не в пьяном сне. Но он не мог вспомнить, почему до их встречи чувствовал себя таким потерянным. Надоедливо пульсирующая головная боль началась снова, и он оставил вопросы. Значение имело только настоящее. Только сегодня.

— Ты знаком с Софи Файн? — спросил он бармена, натиравшего разделявшую их полированную стойку.

Гадни вскинул голову.

— Почему ты спрашиваешь?

— Она мой друг.

Мужчина прекратил натирать.

— Друг, говоришь.

Чтобы избежать еще одного конфликта, Кейн быстро добавил:

— Я собираюсь на ней жениться.

Здоровяк медленно подошел к Кейну, обшаривая глазами пространство. Это не заняло много времени. Была середина дня, поэтому за исключением Кейна, таверна пустовала.

— Ты кажешься славным парнем. Если она тебя заколдовала...

Кейн рассмеялся.

— Заколдовала? — снова придется слушать чепуху про ведьм, предположил он.

— Поверь мне, господин, женщины Файн — невыгодная сделка.

— Почему?

Гадни глянул в сторону двери, словно хотел лишний раз убедиться, что никто больше не услышит его рассказ.

— Их трое сестер. Мы время от времени видим тут мисс Жульетт, из них троих она наименее... — кривя губы и щурясь Гадни подыскивал правильное слово, — неприятная, — наконец закончил он.

Первым побуждением Кейна было ударить, но любопытство пересилило гнев.

— Неприятная?

— Она помогает некоторым местным женщинам с медицинскими проблемами, и я никогда не видел, чтобы она выходила из себя или делала что-то скандальное, хотя несколько лет назад до меня дошел слух, будто она обладает видением.

— Видением?

Гадни еще больше понизил голос.

— Она видит вещи, которые только должны случиться.

Еще одна глупость.

— Еще есть Айседора, — продолжил Гадни. — Она худшая из них. Убила своего мужа несколько лет назад. Заколдовала его, и бедняга упал замертво задолго до своего срока. Если Айседора сглазит тебя, господин, у тебя не будет шанса.

— А что Софи?

Гадни снова глянул на дверь.

— Она красивая женщина и кажется довольно дружелюбной. Я не могу представить, чтобы она кого-то сглазила, как эта ее сестра. Но... — здоровяк тяжело сглотнул, и его левый глаз дернулся.

— Но? — поторопил Кейн.

— Несколько месяцев назад она вместе с сестрой приезжала в город, — Гадни посмотрел прямо на Кейна. — С Жултетт, а не Айседорой, слава Богу. Темная никогда не спускается с той горы с тех пор, как убила мужа. Как бы там ни было, пока Жульетт как обычно занималась своими делами, Софи зашла в несколько магазинов, поприветствовала знакомых, посидела на площади и улыбалась всем прохожим.

— Ну, тогда она точно ведьма, — сухо заметил Кейн.

— Она что-то сделала, — прошептал Гадни. — Я точно не знаю что, но джентльмены, мимо которых она проходила у магазинов, тут же спешили домой, чтобы уделить особое внимание своим женам, если ты понимаешь, что я имею в виду. После того, как Софи поприветствовала нескольких женщин, которые обычно в это время дня не давали своим мужьям получить их, сами пришли в радостное волнение и отправились на поиски мужей, чтобы...

— Уделить им особое внимание, — подсказал Кейн.

— Именно.

— Я все еще не понимаю...

— Плохо уже то, что Софи Файн заставила мужчин потерять разум, а приличных женщин повести себя как сексуально неудовлетворенных животных, но это еще не конец. Женщины. Они все оказались в интересном положении, — приглушенным голосом объяснил Гадни. — Даже Юнона МакТэнни, которой доктор сказал, что она никогда не сможет иметь ребенка. Даже Бренна Финн, которой недавно перевалило за пятьдесят. Даже...

— Я понял твою мысль, — как будто Софи одним своим присутствием заставила половину города рожать детей. Смешно.

— Но еще до того, как мы узнали, что все те женщины забеременели, мы поняли, что произошло нечто странное.

— Что?

— То место, где мисс Софи сидела на городской площади. Оно изменилось.

— Изменилось? Как? — терпение Кейна иссякало.

— Вокруг того места, где она сидела, цветы, которые не должны были распуститься так рано, раскрылись. А еще они были ярче, крупнее и душистее обычных, как будто их околдовали.

— Цветы были околдованы?

Гадни кивнул.

— Поверь мне, господин, лучше держаться от сестер Файн подальше.

Внезапно, будто вызванные предупреждениями Гадни, появились три женщины. Темноволосая женщина с жесткими глазами шла впереди. Именно она распахнула дверь и впиалась в Кейна взглядом. На мгновение он предположил, что это чья-то разъяренная жена,

разыскивающая своего загулявшего мужа. За ней стояла стройная рыжая девушка, а позади нее... Софи, качающая в руках ребенка, его ребенка.

— Айседора, не надо... — начала Софи.

— Клянусь луной, сестра, я вижу чары даже отсюда. Они плавают вокруг него как лавандовое облако. Как ты могла сделать такое?

Печально известные сестры Файн вошли в таверну, и Гадни попятился подальше от них всех.

— Чары, — прокаркал он, быстро присев на корточки за стойкой бара. С глаз долой — из сердца вон. Или так он надеялся.

Выбросив из головы ерунду о чарах, Кейн шагнул вперед.

— Вы должно быть сестры Софи, — он широко усмехнулся, даже не смотря на то, что ни одна из них не казалась расположенной вернуть улыбку. Софи назвала сердитую Айседорой, значит Жульетт рыжая. — Я Кейн Варден. Я надеялся на встречу с вами.

— Мы сюда не знакомиться пришли, — резко ответила Айседора. — О Боги, Софи, — тихо воскликнула она. — Как же тебе удалось сотворить такое в одиночку?

Софи прошагала мимо рыжей.

— Я просто пожелала ему удачи. Это не настолько отличается от того, что ты делаешь для...

— Очень сильно отличается, — резко прервала Айседора, махнув изящной рукой на Кейна, но не отрывая взгляда от Софи. — Поблизости росло дерево линара? — она не стала ждать ответа. — Конечно, росло. Это... это... этого слишком много, — сказала она понизив голос.

Улыбка Кейна увяла.

— Слишком много чего?

Айседора прищурила темные глаза.

— Это больше, чем удача.

Софи прикусила нижнюю губу.

— Я сняла его боль, — призналась она тихим шепотом.

Обе старшие сестры Файн застонали. Кейн все больше ощущал себя сбитым с толку.

Темноволосая сестра подняла руку и без предупреждения прижала два пальца ко лбу Кейна. Она произнесла несколько непонятных слов — то ли на незнакомом ему языке, то ли тарабарщину — затем опустила руку и отошла.

— Идем домой, — рявкнула она прежде, чем отвернуться и направиться к двери.

— Что ты сделала? — спросила Софи, последовав за сестрой. Рыжая направилась за Софи. Кейн шел прямо за ней.

— Я забрала их, — сказала Айседора, выходя на мостовую.

— Ты не могла этого сделать! — воскликнула Софи.

— Могла и сделала, — сказала Айседора, не замедляя шаг.

— Но он будет...

Кейн резко остановился, когда его мозг пронзила слепящая головная боль, острая как осколки стекла. Она ничуть не напоминала другую головную боль, которой он страдал время от времени. Боль была настолько ужасной, что на мгновение он ослеп. Действительно полностью ослеп. Кейн упал на колени.

Первой до него добралась рыжеволосая сестра. Жульетт, вспомнил он. Целительница. Она обладала видением, как сказал Гадни. Какая чушь. Когда зрение начало возвращаться,

Кейн смог разглядеть только пятно рыжих волос и белизну кожи.

— Нельзя просто оставить его здесь.

— Почему нет? — без тени сочувствия спросила Айседора.

— Ты иди домой, — сказала Софи, ее сладкий голос стал почти колючим. — Мы с Жульетт о нем позаботимся.

Наверное, женщина, которая коснулась его лба и вызвала эту муку, последовала совету сестры, потому что Кейн видел только смутные, расплывчатые образы Софи и рыжеволосой. И больше никого. Когда боль начала спадать и зрение прояснилось, он сосредоточился на лице Софи.

— Ты такая красивая, — прошептал он. — Впервые я увидел тебя...

Воспоминания вернулись стремительно. В первый раз он увидел Софи, когда изо всех сил пытался напиться до смерти. Его сердце болело так же, как сейчас. Разум заполнили лица друзей, которых он похоронил, лица убитых им мужчин, дом и семья, которой не осталось... все умерли...

Он вспомнил это с волной боли, которая в течение прошлого года была похоронена. Похоронена и забыта. Как такое возможно? Как он мог забыть? Боль снова пронзила голову и глаза, ослепляя и вынуждая вспоминать.

Их заманили в засаду. Хотя они ускользнули от императорских солдат и предусмотрительно пошли извилистым маршрутом, пехотинцы каким-то образом узнали, какую дорогу выбрали мятежники, и поджидали их. Солдаты превосходили их численностью более десяти к одному, а у его отряда еще не было возможности оправиться от ран и разочарований предыдущего сражения.

Кто-то предал их, кто-то, кому они доверяли. И то, что за этим последовало, не было сражением — это была резня.

Дарэн.

— О, дорогой, — тихо произнесла рыжеволосая прямо перед тем, как Кейн потерял сознание и повалился лицом на мостовую.

Без помощи Жульетт и Софи Кейн не мог даже идти. Их целью была его комната на втором этаже таверны. Что им делать, если он снова упадет в обморок до того, как они доберутся наверх и уложат его в кровать? Они не смогут перетащить его самостоятельно, и Софи прекрасно понимала, что никто в Шэндли не станет им помогать.

Пока они с Жульетт и шатающимся между ними Кейном возвращались той же дорогой, женщины на улице быстро отворачивались и уходили. Одна молодая мать прижала к груди своего маленького ребенка, развернулась и убежала с такой скоростью, на которую только была способна. К тому времени, когда они добирались до двери таверны, улица опустела.

У Софи просто не было ни возможности ни терпения объяснять, что поскольку она больше не беременна, ее присутствие не окажет на них такого эффекта, как раньше.

Когда они вошли в таверну, бармен осторожно встал, но увидев, кто открыл дверь, снова поспешно спрятался.

— Где комната мистера Вардена? — спросила Жульетт.

Гадни ответил из-под стройки:

— Верхний этаж, вторая дверь справа.

Жульетт несла Ариану, поэтому поддерживала Кейна одной рукой, Софи же обнимала его обеими руками, помогая подниматься по лестнице.

— Зачем Айседора это сделала? — выпалила она. — Чары не приносили никакого вреда. Это даже не было настоящим заклинанием, просто... просто...

— Сердечным пожеланием, — закончила Жульетт, пока они пробирались вдоль коридора второго яруса.

— Правильно.

Жульетт открыла дверь комнаты Кейна, и Софи проводила своего любовника... нет, бывшего любовника... к кровати.

— Не существует более сильных чар, чем сердечное пожелание, произнесенное настоящей и сильной ведьмой.

— Я не сильная! — возразила Софи, когда Кейн упал на спину.

— Разумеется, сильная, — сказала Жульетт, передавая сестре Ариану. — Особенно, когда беременна. Подозреваю, твое пожелание прозвучало после того, как ты соединилась с ним, что объясняет его мощь. Это, и еще близость дерева линара.

Софи крепко прижала к себе дочь. Что же ей делать? Кейн явно страдал. Она могла бы положить на него руку и пожелать здоровья, как сделала год назад. Но теперь это не окажет такого же действия. Она больше беременна, и здесь нет дерева линара... и даже если она сможет заставить заклинание работать правильно, когда Айседора узнает и уничтожит пожелание, боль Кейна станет еще сильнее?

Она наблюдала как Жульетт быстро осматривает Кейна, фактически даже не дотрагиваясь до него, а водя руками над лицом и грудью. Через мгновение она закрыла глаза, впитывая нужные знания.

— Я дам ему травяную настойку, чтобы помочь с головными болями. Если он примет травы, как я скажу, они снимут часть боли и помогут спать. Боюсь, больше я ничего не могу сделать.

— Я все только ухудшила? — тихо спросила Софи.

— Ты не знала...

— Я все ухудшила, да? — снова спросила она. — Боль, которую он сейчас испытывает, намного сильнее, чем год назад.

Жульетт помолчала прежде, чем открыть глаза и тихо ответить:

— Да.

Вместо того, чтобы выздоравливать, Кейн похоронил свою боль. Нет, это она ее похоронила своим пожеланием. Теперь, когда боль вернулась, ему придется начать исцеляться заново. И ее долг ему помочь.

— Я останусь с Кейном, пока он не поправится.

— Нельзя, — чопорно запротестовала Жульетт. — На полное выздоровление уйдут дни, возможно недели. Неприлично оставаться с ним наедине даже на час, — она прикусила нижнюю губу. — По правде говоря, он может никогда полностью не поправиться.

Софи не хотела даже думать о такой вероятности. Если Кейн надолго заболит из-за резко снятого заклинания, то это будет ее вина.

— Что ж, я не могу оставить его здесь одного, и... — она встретилась глазами с Жульетт. В отличие от Софи, сестра всегда слишком сильно пеклась о правилах приличия. — У меня не осталось репутации, поэтому и терять нечего, — тихо добавила она. — Я пробуду здесь столько, сколько понадобится.

Жульетт знала, что другого выбора нет, но ей не нравились ни решение Софи, ни ситуация вообще.

— Айседора не обрадуется, когда я вернусь домой без тебя.

— Я не боюсь Айседоры, — Софи вздрогнула, но совсем немного. Гнев Айседоры мог быть сокрушительным, но она никогда не причинит боли другому живому существу. Ну... она, определенно, не сделает больно ни одной из своих сестер, и это станет сильной мотивацией, которая не даст ей навредить кому-либо еще... наверное.

Увидев сегодня каким взглядом Айседора смотрит на Кейна, Софи, наконец, вынуждена была признать, что у тех, кто боится старшей сестры Файн, похоже, есть на то серьезные основания.

Жульетт засунула руку в глубокий карман и достала тряпочный мешочек, туго перевязанный длинным красным шнурком.

— Давай по половине чайной ложки этой смеси вместе с водой или вином каждые полчаса, пока ему не станет значительно лучше.

Софи взяла подношение, ничуть не удивившись, что в кармане Жульетт нашлась необходимая травяная смесь.

— Как быстро оно подействует?

— Возможно, через несколько часов. Два дня самое большее. После этого ему нужно будет побольше спать и хорошо питаться, чтобы завершить исцеление. — Жульетт собрала вместе все, что могло понадобится Софи. Оловянную чашку, хранившуюся в седельной сумке Кейна, кувшин воды, стоявший на прикроватном столике. Потом помогла приготовить первую порцию и распрощалась.

От нескольких часов до двух дней. И сколько еще дней после этого, прежде чем он полностью поправится? Софи притянула единственный стул в комнате к кровати Кейна и села, настроившись оставаться с ним столько, сколько потребуется.

Во сне он не походил ни на грустного мужчину, который год назад стал ее любовником, ни на улыбающегося джентльмена, который сделал ей предложение сегодня утром. Он

излучал суровость и гнев даже сейчас, когда оторвался от окружающего его мира.

Софи не понимала гнев. Ей самой достался мягкий характер. Она никогда не кричала, не выходила из себя, и хотя в жизни порой случались грустные моменты, особенно, когда умерла мать, а потом Вильям, большинство ее дней были благословенными.

Ее даром была любовь, она очень хорошо это понимала. Хуже всего, в глубине души она жаждала настоящей любви. Это напоминало страстное стремление к тому, чего никогда не суждено иметь, но без чего жизнь кажется не полной.

Кейн выглядел так, будто каждый день своей жизни боролся за выживание. Словно никогда не знал беззаботных минут. Ну... за исключением прошлого года. Если те дни были единственными легкими в его жизни, то она не станет сожалеть о своем пожелании. Разве она может?

Кейн открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Софи. Все еще. Или снова. Он не был уверен. Единственная горевшая свеча, стояла на прикроватной тумбочке и освещала одну сторону ее красивого лица. Снизу доносились звуки веселья, приглушенные и неуместные. Смех казался чуждым этому месту, этой комнате, этой ночи.

Софи как обычно попыталась влить в него какое-то ужасное на вкус зелье. На сей раз он схватил ее за запястье и остановил, прежде чем чашка коснулась рта.

— Что ты со мной сделала? — его голос звучал скрипуче, горло болело.

— Это заставит тебя почувствовать себя лучше, — она улыбнулась, но улыбка была не искренней. Однажды он видел настоящую улыбку Софи, и сейчас почувствовал разницу.

— Я не хочу, чтобы ты заставляла меня чувствовать себя лучше. — Он был уверен, что никто и ничто уже не сможет облегчить его боль. Хотел бы он забыть прошлый год, но этого не случилось. Он помнил все. Помнил как смеялся, улыбался и наслаждался жизнью в то время, как его братья и так много друзей покоились в земле. Боже, он надеялся, что они покоились в земле. Солдат, который убил Дарэна, угрожал насадить его голову на кол. Она все еще находилась на стене в столице? Голова его брата гнила под дождем, пока он обольщал доступных женщин, наслаждался прекрасной пищей и спал в мягких постелях? Он жил в изобилии, пока обугленные останки его дома стояли неотомщенными.

Он помнил женщин. Смеющихся женщин, которые с радостью согревали его кровать, тогда как женщина, которую он когда-то любил, согревала постель другого мужчины.

И он помнил ее.

— Что ты со мной сделала?

— Жульетт сказала, что это поможет тебе...

— Не сейчас! — он сел, и голова отозвалась ужасающей дробью. — Не сейчас, — тише повторил он. — Когда мы впервые встретились. Год назад. Что ты сделала?

По крайней мере она выглядела виноватой.

— Я просто хотела, чтобы ты был счастлив. В конце концов, ты сделал меня счастливой, и я подумала, что это меньше, чем я могу отплатить, а ты выглядел таким несчастным...

— Софи, — прервал он. — Как ты это сделала? Как ты заставила меня забыть? — А ведь он забыл. Он забыл все неприятное, что случилось с ним до встречи с Софи Файн. Сражения. Смерть. Потерю дома.

— Это было просто... — она покраснела, прикусила губу и посмотрела в темное окно. — Пожелание, вот и все. Просто пожелание.

Если это правда, значит она действительно была ведьмой, как утверждала, и лучшее, что он мог сделать, это встать с кровати и уехать из города. Он должен забыть Софи Файн и ребенка, которого она родила.

Будто зная, о чем он сейчас думает, его дочь — которая лежала на соломенном тюфяке, брошенном на полу у подножия кровати — начала агукать.

— А остальное? — продолжил он.

— Удача, — сказала она приглушив голос. — В тот момент это не показалось мне большим подарком, но сестры думают иначе.

Удача. Счастье. Такие простые вещи. На которые он не имел права.

— Почему ты просто не уплыла, когда закончила со мной? — сердито спросил он.

Ее глаза расширились. Даже в мерцающем свете единственной свечи, он увидел потрясение в этих голубых глазах.

— Я не могла так поступить, — тихо сказала она.

Она пожалела его и сделала подарок, который раскрасил прошлый год его жизни.

Но сейчас он хотел от нее только одного: тело, которое она предложила при их первой встрече. Тепло, которое на мгновение по-настоящему сняло его боль. Чувство плоти на плоти и звук ее дыхания возле его уха. Ничто больше не могло помочь ему забыть, ничто иное не могло очистить его разум и снова заставить почувствовать себя хорошо... не некоторое время.

— Ты хочешь, чтобы мне сейчас стало лучше? — прошептал он, сжав ее запястье.

— Конечно хочу. Возьми, выпей.

Он взял предложенную ему чашку и швырнул через комнату. Оловянная посуда с громким стуком отскочила от стены, вода расплескалась по всему полу.

— Нет. Больше никаких ведьминских зелий, Ангел. Никакой чертовой магии. Чтобы почувствовать себя лучше, мне нужно только твое тело под моим. — Именно это снилось ему весь прошлый год. Не брак, не дети и не дом. Просто секс. Он не хотел от нее ничего другого. Ни сейчас, ни потом.

Она создана для его кровати. Воспоминания о том времени, что они провели вместе, были смутными и поблекшими, но он помнил, как Софи пришла к нему, помнил приятные изгибы ее тела, как она стонала, двигалась и улыбалась, пока он касался ее. Кейн откинулся на подушки и потянул ее на себя.

— Я не могу, — прошептала она.

— Почему нет? — он не забыл ее слова. Софи хотела любовников, а не мужа. Удовольствия, а не обязательств. И сейчас он нуждался в ней, чтобы избавиться от боли тем способом, который никогда не сможет предложить ему медицина.

— Я просто... не могу.

Он передвинул голову и прижался ртом к шее Софи, чувствуя губами пульс и шелковистость кожи. Он мог быть просто любовником, если она хочет именно этого. Мог потеряться в ее теле, а утром уйти безо всяких обязательств, не предлагая ей целую жизнь или даже неделю.

Софи задрожала и попыталась отстраниться, но он ее не отпустил. Не оторвал губ от ее горла и не уменьшил силу захвата на запястьях. Мягкая рука Софи упала ему на грудь, но она тут же передвинула ее, будто боялась к нему прикоснуться.

Зато Кейн не боялся. Свободной рукой он обхватил ее грудь и принялся исследовать мягкий плод под грубой тканью. Софи была сама женственность. Она была страстью,

красотой и наслаждением, и он нуждался в ней. Нуждался, чтобы забыться. Он потер пальцем ее сосок. Софи тихонько ахнула, и сосок сжался.

— Ты говорила, что я сделал тебя счастливой, — сказал он, согревая дыханием ее атласное горло. Он провел кончиком языка по нежному местечку под ее ухом. — Я могу снова сделать тебя счастливой.

— Я... Я не хочу тебя, — тихо ответила она.

Врать Софи Файн не умела. Он чувствовал желание в каждом ее вздохе, в дрожи тела и бессознательном отклике тела, которое продолжал дразнить пальцами. Она хотела его, но он не собирался пытаться изменить ее решение, не здесь и не сегодня. У него не хватило бы терпения на обольщение, и сейчас он не хотел нежно убеждать эту женщину лечь под него.

— Я знаю, почему ты страдаешь. Иногда ты говорил во сне, — объяснила она, отчаянно пытаюсь сменить тему. — Ты говорил о людях, которых потерял. О людях, которых любил.

Рука на ее запястье сжалась чуть сильнее, но она не обратила внимания на столь тонкий намек.

Их с Софи лица находились совсем рядом, ее губы, полные и розовые, слегка приоткрылись.

— Всякий раз, когда я скучаю по матери или шурину, — тихо сказала она, — Жульетт рассказывает мне истории, которые заставляют меня почувствовать себя гораздо лучше. Они дают мне надежду.

— Я не позволю тебе сидеть здесь и рассказывать мне сказки на ночь, — резко сказал он.

Она быстро облизнула свою сочную нижнюю губу.

— Эти истории не выдумка, они настоящие. Ты должен верить словам Жульетт. Она знает много вещей, о которых не знают другие.

— Да, я это слышал.

Софи слегка склонила голову набок.

— Когда я была маленькой и плакала из-за смерти мамы, Жульетт рассказала мне, что существует много миров, подобных нашему. В тех мирах мы проживаем свои жизни по-другому. Все зависит от места, где мы живем, от людей, которые нас окружают, от решений, которые мы принимаем или принимали прежде. В некоторых из тех миров много магии, в других нет совсем. Некоторые из них темные, но большинство — счастливые.

Кейн покачал головой.

— Ты действительно думаешь, что эти небылицы принесут мне облегчение?

— Это не небылицы, — запротестовала она. — Это правда. Жульетт говорит, что эти миры находятся очень близко от нас. Ближе, чем мы можем себе представить. Они — сны, дыхание, шепот магии и по крайней мере в нескольких из этих мест наши любимые живы. Закрой глаза и представь...

— Убирайся, — приказал он, выпустив ее руку и отстранившись. — И заberi с собой свои нелепые фантазии.

Софи отодвинулась, но не встала с постели. Она сидела на краю матраца, так близко и все же... недостаточно близко.

— Я хочу остаться с тобой, пока тебе не станет лучше, — сказала она.

— Не думаю, что мне вообще когда-нибудь станет лучше.

— Мне так жаль. Я бы хотела...

— Возможно, тебе лучше не произносить пожеланий, Ангел, — прервал он. — В

последний раз у тебя не очень хорошо получилось.

Софи прикусила нижнюю губу, мгновение пристально смотрела на него, а потом резко вскочила с кровати. Она подняла ребенка с соломенного тюфяка и крепко прижала дочь к груди, словно та была ее щитом.

— Полагаю, ты скоро уедешь из Шэндли.

— У меня не много причин оставаться.

Она покачала головой.

— Нет, не много.

В голове Кейна мелькали воспоминания, которые когда-то привели его к бутылке — крики и вид свежепролитой крови — словно это случилось вчера, а не год назад. Он пытался не вздрагивать.

— Иди, — приказал он.

— Ты должен взять с собой побольше лекарства Жульетт, — быстро сказала Софи. — И я с радостью приготовлю для тебя еще одну чашку перед уходом.

— Хватит с меня ведьминских снадобий, — отрезал он. — Вообще-то и самих ведьм с меня тоже хватит. — Разумеется, его заботила вовсе не Софи, он просто не хотел, чтобы его дочь несли через таверну, полную пьяных. Только поэтому он добавил: — Спустись по черной лестнице.

Софи попятилась из комнаты, и если бы его голову не разрывала такая ужасная боль, Кейн, возможно, почувствовал бы раскаяние из-за муки в ее глазах. Но у него не было времени на раскаяние. Не сегодня ночью.

Убегая вдоль обочины ведущей к дому дороги, Софи старалась не плакать. В любом случае, слезы, которые она не смогла удержать, должны высохнуть до того, как она доберется до дома. Если Айседора решит, что это Кейн заставил ее плакать, то сделает ситуацию еще хуже.

Он имел полное право сердиться. После всего случившегося он никогда не захочет увидеть ее снова, да он и не хотел. Не хотел. И она должна радоваться. Несомненно, для всех будет лучше, если Кейн уедет, и они никогда больше не встретятся.

По крайней мере она осознала свои ошибки. В следующий раз, отправившись на свидание, она уедет подальше от дома, как делала ее мать, и не станет оставлять подарки. Больше никаких пожеланий исцеления, она вообще не станет использовать свои таланты. В следующий раз...

Внезапно она не смогла даже представить тот следующий раз. Каждая встреча будет заканчиваться болью и сожалением? Если так, возможно, одного ребенка и одного любовника достаточно.

Вспомнив реакцию своего тела на руку Кейна, сжимавшую ее запястье, на губы, ласкавшие ее шею, и пальцы на ее груди, она осознала, что у нее будут другие любовники. Когда-нибудь. Но только после того, как она вычеркнет из памяти все воспоминания о Кейне Вардене.

— Софи?

Софи испуганно обернулась к окликнувшему ее по имени мужчине. С улыбкой на лице к ней приближался Гэлвин Фарел. Он был одним из самых привлекательных мужчин в Шэндли, она это признавала, и весьма уважаемым торговцем и владельцем нескольких местных предприятий. Он уже не единожды выказывал ей свой интерес. Даже предложил

выйти за него замуж, когда она была беременна Арианой, и один раз повторил свое предложение после рождения ребенка. Она, конечно, решительно отказалась.

Но не смотря на красоту и откровенную заинтересованность Гэлвина, ничто в нем не вызывало у нее желаний к нему прикоснуться. Она разглядывала его лицо, густые темные волосы, темно-карие глаза и ничего не чувствовала.

Гэлвин утверждал, что состоит в родстве с императором. Тот был его дальним кузеном через брак или что-то в этом роде. Гэлвин всегда считал это своим неоспоримым преимуществом и упоминал то министра, то генерала или даже самого императора, будто подобные знакомства добавляли ему значимости.

— Не стоит ходить одной в темноте, — сказал он с легким беспокойством в голосе. — Пожалуйста, позволь мне проводить тебя до дома.

Софи покачала головой.

— Нет, спасибо. Это слишком далеко.

— В хорошей компании время летит незаметно.

— Не хочу тебя утруждать. — Ей необходимо было побыть в одиночестве прежде, чем показаться на глаза сестрам. Успокоиться и изобразить улыбку, способную одурачить их обеих.

— Я настаиваю.

Софи поуютней устроила на руках спящую Ариану.

— Это очень мило с твоей стороны, но Айседоре не нравится, когда на горе появляются незнакомцы, особенно в темноте.

Как она и предполагала, его беспечная улыбка тут же растаяла. Подобно всем остальным в городе, Гэлвин боялся Айседоры. Софи подозревала, что именно поэтому он окружал ее своей почти безумной заботливостью только когда она появлялась в Шэндли, а такое случалось не часто.

— Думаю, я могу пройти с тобой часть пути.

Софи уступила, посчитав это справедливым компромиссом.

Некоторое время они обсуждали погоду и местную политику, в том числе мэра, потом наступил долгий, неловкий момент молчания. Впереди показалась узкая тропа, идущая вверх по холму. Несомненно, там-то Гэлвин с ней распрощается.

— Я слышал, в город приехал твой знакомый, — внезапно сказал он.

Софи так удивилась, что едва не вздрогнула.

— Джентльмен, — уточнил Гэлвин. — Надеюсь, ты не сделаешь ничего опрометчивого, Софи. Ты же знаешь, у тебя тут есть друзья. И мне нравится думать, что я вхожу в их число. У тебя нет необходимости искать мужа за пределами нашего города, даже если он... — Гэлвин многозначительно посмотрел на Ариану.

Так, значит Кейн успел поговорить с несколькими людьми в Шэндли. Как много он рассказал? Очевидно, достаточно.

— Я не собираюсь выходить замуж. Ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Я тебе уже это говорила.

— Каждой женщине нужен муж, — возразил он.

— Но не мне.

— Ты просто не знаешь, что тебе нужно, — снисходительно и самодовольно заявил Гэлвин. — Из меня выйдет прекрасный муж, Софи.

Она покачала головой.

— Поверь, я никогда не выйду замуж.

— Я не понимаю, — сказал он, в его голосе начал прорываться гнев. — Я предложил тебе все, о чем только может мечтать любая женщина. Дом, заботливый муж, высокое положение в этом городе, имя твоему ребенку...

— У моего ребенка есть имя, — прервала Софи.

Гэлвин выглядел должным образом раскаивающимся.

— Я не хотел показаться высокомерным. Просто обдумай мое предложение, Софи. Это все, что я прошу.

— Я должна поспешить, — сказала Софи, когда они добрались до развилки дороги. — Спасибо, что составил мне компанию. — Прежде, чем Гэлвин успел ответить, она повернулась и побежала по тропе, поднимавшейся к дому на горе. В ушах эхом отзывались ночные звуки, и она крепче прижала к груди Ариану.

Кейн стоял у окна и смотрел вниз на темную, пустынную улицу. Там все было тихо. Таверна закрылась на ночь, а завсегдатаи разошлись по домам или поднялись в свои комнаты.

Его тело едва заметно потряхивало от глубокой дрожи, которая никак не утихала. Он чувствовал себя настолько чертовски слабым, что казалось кости могут в любой момент превратиться в жидкость. Он не знал, было ли это результатом возвращающихся воспоминаний, остатков ночного кошмара или микстуры ведьмы.

Сквозь смятение, боль и тревогу все время возвращалась одна и та же мысль. Он хотел свой меч. И ножи. Без оружия он чувствовал себя голым. Уязвимым. Что с ними случилось? Вспомнив, Кейн резко засмеялся. Меч сломал солдат, который убил Дарэна. Кейн выбрался из ущелья со спрятанным в правом ботинке маленьким клинком и с ножом того ублюдка в руке. Теперь оба были потеряны. Он раздал оружие по одному, когда понял, что долго им не пользовался. Как он выжил, целый год обходясь совсем без защиты? Волшебная удача, конечно. Счастливчики не нуждаются в оружии.

К счастью, у него есть деньги, много денег, и любой подходящий мастер мечей предоставит ему замену.

Он мог уехать из Шэндли сегодня же. Мог под покровом ночи оседлать свою серую кобылу, направиться куда глаза глядят и приложить все усилия, чтобы снова все забыть. Но куда он поедет? Дома больше нет. Предприятия, которые он выиграл? Они достались ему нечестно. Он должен вернуть их настоящим владельцам, все до единого. Его победы и удача были неестественными. Неправильными.

Ничто в прошлом году не было настоящим. Ни умиротворение, ни удача, ни покой на сердце.

Нет, не совсем так. Софи была настоящей. Он все еще прекрасно помнил, как в раннем утреннем свете она вышла из пруда, мокрые волосы липли к спине, вода стекала по голому телу, и она подарила ему сверкающую улыбку, способную осветить мир любого мужчины. Сны, которые он видел весь прошлый год... это работа ведьм? Или сны были его собственными? Наверное, он никогда не узнает.

Ребенок был настоящим, он не мог отрицать это. Его ребенок. Его дочь, Ариана. Ничто этого не изменит. Ни боль, ни ночные кошмары, ни воспоминания. Как бы сильно ему ни хотелось, он не мог уехать от своего ребенка только потому, что Софи вывернула его мир наизнанку.

Она сказала, что не хочет выходить за него замуж. Прекрасно. Сейчас последнее о чем он думал, так это о браке. Но он не мог уехать от дочери и притвориться, будто ее не существует. Сперва он должен убедиться, что об Ариане заботятся как следует. Она теперь вся его семья.

Мать Арианы и ее тетки были ведьмами. Девочка жила в окружении неестественных вещей. Безопасно ли это для Арианы? Сестры Файн собираются превратить его дочь, его единственного ребенка, в ведьму? Или уже слишком поздно?

Как бы сильно ему ни хотелось сбежать, он не мог уехать, не получив ответы на свои вопросы. А если дочери грозит опасность? Тогда у него не останется иного выбора, кроме как забрать ее с собой.

Если такое случится, как он сможет позаботиться о ребенке? Когда-то он был фермером, потом солдатом, а позже игроком. Он мятежник, который пять лет боролся во имя обреченного дела и непременно станет сражаться снова. Но ни одно из тех занятий не подготовило его к роли отца. Обычно мужчины не воспитывают детей самостоятельно, особенно девочек. Маленькой девочке нужна мать. А в последующие годы понадобятся советы от женщины.

Но Кейн пока не мог думать о будущем. Он также не мог думать о прошлом. Было только здесь и сейчас. Его ребенок, единственный кровный родственник, который у него остался в этом мире, воспитывался в доме ведьм. Прошлый год его жизни оказался ложью. Женщина, воспоминания о которой вели его весь тот год, наложила на него какие-то чары, вот почему он не мог выбросить ее из мыслей и сердца.

Его первым порывом было сбежать, но это не сработает. Он должен убедиться в благополучии ребенка, проверить, в безопасности ли она и любима ли. Это наименьшее, что он мог сделать для дочери. И он должен выбросить Софи из головы раз и навсегда. Ему необходимо увидеть в ней ту, кто она есть: женщина, такая же как все, лгунья и ведьма, из которой получится плохая жена.

Как только он удостоверится, что у Арианы все хорошо, и выбросит Софи из головы, то оставит Шэндли и сестер Файн и ни разу не оглянется.

Он разыщет Эрика. Хотя это не просто. Эрик, лидер революции и законный император Каламбьяна, всегда находился под усиленной охраной и приближаться к нему было опасно. Особенно солдату, который единственный остался в живых после засады, а потом исчез больше чем на год.

Когда он выкарабкался из ущелья и нашел на дороге только кровь, то инстинктивно пошел в сторону дома. Там у него были женщина, жилище, друзья, и они звали его, предлагая утешение, которое может дать только дом. Сколько миль он прошел прежде, чем ошеломление прошло, и он вернулся к реальности? Женщина вышла замуж за другого, дом сожгли несколько лет назад. Друзья... все они теперь или мертвы или сражаются далеко от дома. В том маленьком городке не осталось ничего, что можно назвать домом.

Раненый душой и телом, он решил найти Эрика. Что случилось потом? На какое-то время он запил. Рана на руке воспалилась, и его вылечила одна добрая женщина в маленьком городке к западу отсюда. Находясь между жизнью и смертью он провел в подсобной комнате таверны несколько недель. И однажды ночью просто ушел, даже не поблагодарив свою спасительницу.

А потом встретил ее. Софи.

Исчезнув больше чем на год сразу после засады и без правдоподобных объяснений, он

только усложнил свое положение. Даже если он сможет доказать Эрику, что не предавал свой отряд, то как объяснит прошлый год?

Тем не менее, он справится. У него не осталось ничего, кроме революции. Теперь-то уж точно. Императора Себастьяна необходимо изгнать из дворца, и Эрик станет ему достойной заменой. Он утверждал, что является законным наследником, старшим, пусть и незаконным сыном человека, который правил страной перед Себастьяном. Эрик и Себастьян были единокровными братьями, сыновьями императора Нечтина. Эрик родился всего на шесть месяцев раньше Себастьяна. Император Нечтин и его императрица произвели на свет четырех дочерей и одного сына. Дочери сейчас либо вышли замуж за сановников или послов, либо удалились в женский монастырь в восточной провинции, куда ушла их мать-императрица после смерти Нечтина. Кейна не интересовало, кто заменит Себастьяна, он просто хотел, чтобы тот умер вместе со всеми своими солдатами.

Для деревни, в которой рос Кейн, они стали безжалостными кровопийцами, с каждым годом собирали все больше и больше налогов, требовали все больше зерна, которое фермеры с таким трудом выращивали, и сжигали дома, когда им казалось, что предложенных денег и зерна не достаточно. Он помнил каково быть голодным подростком, помнил страх.

Иногда солдаты забирали не только еду и деньги, они угаскивали по ночам молодых девочек и замужних женщин. Время от времени похищенные женщины возвращались, рассказывая о смелом бегстве. Но чаще нет.

Следовало признать, что подобные злодеяния творились не везде. Многие люди не знали о несправедливостях, происходящих в других городах. Высокие налоги взимались повсюду, но жестокость солдат Себастьяна не была широко распространенной. Когда те, кто проживал в более мирных регионах, слышали истории о зверствах, они не верили. Никто не хотел верить.

Южную провинцию, казалось, вообще не затронули ни война, ни прихоти людей императора. Зато на западе, где родился и вырос Кейн, и где находилась столица Арсиз, солдаты на улицах всегда вызывали страх.

Они сожгли его дом. Похитили сестру из собственной кровати, когда ей было пятнадцать, а Кейну двенадцать. Он не знал, жива ли еще Лиана, хотя честно говоря, оставил надежду снова увидеть ее несколько лет назад. Сейчас ей исполнилось бы тридцать один. Принимая во внимание состояние девочек, которые возвращались в деревню спустя всего несколько дней после похищения, вряд ли Лиане удалось прожить так долго.

В течение прошлого года он не вспоминал о ней. Ни разу о ней не подумал, не увидел во сне. Он потерялся в несуществующем мире. Он также не думал о многих других вещах, о других людях. О друзьях. О Стефане и Валдисе, братьях, которые погибли так давно, что он почти забыл их лица. О Дарэне... Боже, казалось, будто Дарэн был убит вчера, и его лицо он помнил хорошо. Помнил тот вскрик.

Кейн закрыл глаза и на мгновение пожелал забвения, которое подарила ему Софи.

Не осталось ничего из того, что он называл домом. Но он все еще оставался солдатом. Мятежником. Он вернется к борьбе не смотря ни на что. Докажет свою невиновность и снова поднимет меч, пусть даже ему придется штурмовать дворец самостоятельно.

У него осталось только восстание и тот ребенок. Без них он был бы все равно, что мертвым.

Арсиз, дворец императора

После того как стражи обыскали ее сверху донизу и закрыли дверь, оставив наедине с правителем Каламбьяна, Лиана улыбнулась императору. Она давно научилась не обращать внимания на тошноту, возникавшую при одном взгляде на него. Было время, когда она боялась этого человека больше всех на свете, но теперь чувствовала только отвращение и странную преданность. А еще страсть. Она пыталась игнорировать этот аспект их отношений, но Лиана не верила в ложь. При необходимости она врала всем вокруг, поэтому хотела оставаться честной по крайней мере сама с собой.

Император мог убить ее много лет назад или еще хуже — сослать на тринадцатый уровень. Но не сделал этого. Он по-своему заботился о ней, так, как умел. Дал столько свободы, о которой она не смела даже мечтать с тех пор, как была похищена.

Спальня императора на первом уровне дворца была самой богатой из всех комнат. Император Джен Себастьян Александр Бэкиг не скупился на свои удобства, как большие, так и маленькие, и его покои не стали исключением. Потолки высотой в двенадцать футов были расписаны под ночное небо — темно-синий фон с серебряными звездами и золотой луной — чтобы Себастьян мог лежать на спине и притворяться храбрецом, способным покинуть защищенный дворец. Обстановка в этой экстравагантной спальне соответствовала особе королевских кровей. Стены были оклеены бумагой с синими и золотыми круговыми узорами, мебель сделана из полированного темного дерева с элегантной синей обивкой. Воздух заполнял сладкий запах — любимый аромат императора, источаемый маслами, кипевшими в расставленных по углам комнаты керамических чашках. На стенах висела лишь одна картина — лестный портрет самого императора, написанный в прошлом году.

В комнате доминировала большая кровать, задрапированная яркой синей тканью. Над ней мерцал искусственный свет. В каждом углу кровати, заваленной шелковыми подушками всевозможных форм и размеров, возвышались высокие массивные колонки. Император, облаченный в темно-красный халат с высоким воротником и длинными рукавами, развалился на кровати, подперев голову одной рукой и изучая Лиану.

Себастьян был высоким мужчиной, стройным, но не худым, элегантным, но определенно не симпатичным. Его лицо выглядело слишком угловатым, чтобы называться привлекательным, зато оно было поразительным, мужественным и запоминающимся. Да, определенно, запоминающимся.

Его голубые глаза обладали способностью видеть женщин насквозь, и за прошлые шестнадцать лет не было такой ночи, когда Лиана не видела бы этих глаз наяву или во сне и не помнила бы об их власти.

Из-под халата выглядывали длинные босые ноги хорошей формы. Под этой одеждой он не прятал накаченных мускулов, как у некоторых из его солдат, но император был хорошо сложен и сильнее, чем выглядел.

— Все сделано? — тихо спросил он.

— Разумеется. — Лиана медленно приблизилась к бледному мужчине. Как и он, она носила одежду темно-красного цвета. Пышная юбка при ходьбе колыхалась вокруг ног. Простой наряд служил символом ее с таким трудом заработанного положения в этом дворце. Многие годы она была всего лишь рабыней и одной из многочисленных любовниц, и вот,

наконец, выцарапала себе дорогу к власти. К положению, неслыханному для такой женщины, как она.

— Он сознался в своих преступлениях?

— Конечно нет. — Они никогда не сознавались. Только дурак мог признаться в организации заговора против императора. В этом случае она даже не попросила признать вину. Доказательств, представленных Сулейном, императорским министром обороны, было вполне достаточно. Министр финансов тайно встречался с представителями одного из крупнейших кланов Трайфина — страны, граничившей с Каламбьяном на западе. Лидер того клана многие годы стремился захватить часть земель Каламбьяна, но никак не решался объявить войну. Подобно мятежникам во главе с этим выскочкой Эриком, разрозненные кланы Трайфина были не больше, чем досадной неприятностью. Император боялся предательства изнутри намного больше, чем мятежников или трайфинианцев.

За кроватью, на которой полулежал император, висели тяжелые шторы, которые, казалось, полностью закрывали большое окно, но на первом уровне, ни здесь, ни где-либо еще, не было ни единого отверстия к внешнему миру. Они находились на десятом этаже от земли, на самом высоком уровне массивного и величественного императорского дворца, и все же тут не было ни одного окна. Их давно заложили кирпичом, так же как световые люки на крыше.

Вскоре после того, как в возрасте тринадцати лет император вошел на трон, один провидец предсказал, что когда лица Себастьяна коснется солнце, это станет предвестником его смерти. То теплое прикосновение предзнаменует конец его правления, счастья и жизни. Себастьян мог бы высокомерно посмеяться над пророчеством, но поскольку всего за несколькими месяцами ранее волшебник Тэйн верно предсказал гибель императора Нечтина, ему пришлось отнестись к предупреждению серьезно. Именно по этой причине мужчина на кровати выглядел настолько бледным. Он не видел солнце семнадцать лет. Себастьян редко покидал первый уровень и даже тогда выходил только намного позже заката.

— Он умолял сохранить ему жизнь?

Себастьян всегда хотел знать подробности, и Лиана послушно делилась ими. Она выдавала ему смесь правды и выдумки, поскольку ее простые методы были не достаточно дьявольскими, чтобы доставить императору удовольствие. Она выполняла свою работу и делала ее хорошо, но не собиралась мучить добычу ради развлечения императора. Ее жертвы допустили ошибку, задев своего лидера, лично или политически, и должны были заплатить. Но она отказывалась с ними играть.

Лиана не чувствовала вины из-за своей должности тайного убийцы. Смерть была предпочтительней тринадцатого уровня, единственного альтернативного выбора для врагов императора Себастьяна.

Она села на край кровати.

— Что вы хотите знать, милорд?

— Когда мы одни, называй меня Себастьяном, — велел он, протягивая руку и дотрагиваясь до ее лица. Его пальцы были неестественно холодными для такой жаркой ночи. — Сколько раз тебе повторять? Я хочу слышать, как ты произносишь мое имя.

— Себастьян, — покорно сказала она, позволяя слогам скатываться с языка так, будто могла чувствовать их вкус.

Он наградил ее улыбкой.

— Я хочу знать все. Каждую деталь. Каждое слово. Но сначала, сними платье.

Она встала и медленно расстегнула единственный предмет одежды, который на ней был. Крупные затейливые пуговицы скользили между пальцами, от главной на горле до последней прямо на талии. Когда с ними было покончено, Лиана шевельнула плечами, позволяя тяжелому одеянию упасть на каменный пол.

Было время, когда стоя обнаженной, она сжималась перед этим человеком, тряслась, дрожала и молила о смерти при его прикосновении. Но то время прошло. За прожитые здесь годы она поняла, что ее тело лишь инструмент, вроде ножей, которые она использовала по приказу императора. Женщину, которой она стала, никто не мог заставить бояться. Она ни перед кем не сжималась.

Лиана была на год старше императора и самой старой из его любовниц. Но ее тело оставалось красивым, груди высокими, а талия узкой. Ее кожа медово-коричневого оттенка не полностью растеряла свой цвет, хотя Лиана не покидала закрытое помещение. По тому, как Себастьян смотрел на нее, она знала, что ему нравится то, что он видит.

Однажды он начнет доверять ей настолько, что впустит в эту комнату с ножом в руке, и когда он допустит эту ошибку, она его убьет. Не быстро, как недавно расправилась с предавшим Себастьяна министром, а медленно. Мучительно.

Но это случится не сегодня.

Она заползала на кровать и принялась расстегивать его одежду. Темные волосы на груди Себастьяна делали его бледность еще более поразительной. Хотя его кожа не видела солнце годами, она была здоровой и обтягивала приятно выпуклые мускулы. Лицо императора не было классически красивым, зато о таком любовнике, как он, мечтали многие женщины. Иногда это делало ее работу легче. Но порой совсем не помогало.

Она провела пальцем вдоль мускула на его теле.

— Он посчитал меня твоим подарком, — прошептала она, скользнув рукой ниже и забираясь под его одежду, — И когда я вошла в его комнату через секретный проход, он приветствовал меня распахнутыми объятиями.

Себастьян усмехнулся.

— Он даже не догадался обыскать тебя, не так ли?

Она покачала головой.

— Конечно, нет.

— Глупая ошибка.

Мужчина, которого Лиана презирала, сгреб в кулак густые пряди ее волос и притянул любовницу ближе. Их носы почти касались друг друга. Он держал ее так сильно, что кожу на голове обожгло болью, но она не вскрикнула. Он впился в нее подавляющими голубыми глазами, словно думал, что может удерживать ее одним только взглядом.

— Он ласкал твои волосы?

— Разумеется, нет, — спокойно ответила она. — Это только твоя привилегия, Себастьян. — Он всегда настаивал, чтобы она оставляла волосы полностью свободными, потому что был очарован переливами золотых и коричневых прядей и тем, как они переплетались друг с другом. Больше ни у одной женщины во дворце не было таких волос. Он заметил это в их первую встречу. Она попыталась, с большим трудом, не вспоминать о том времени.

Его собственные волосы были густыми, темно-каштановыми, немного длиннее плеч и без намека на кудри. Обычно он носил их распушенными, как сегодня вечером. А когда

стягивал в хвост, как в последнее время делали многие из господ, это подчеркивало силу его лица и делало черты более резкими.

— Ты дала этому предателю попробовать любимую любовницу императора, прежде чем убила его?

— Только попробовать, — прошептала она. Это была ложь, но именно ее Себастьян хотел услышать. Она убила беднягу быстро, раньше чем тот успел сбросить свою темно-красную одежду.

Она хотела бы иметь при себе нож сейчас, но Себастьян не доверял ей, хотя и называл фавориткой. Он никому не доверял, и только по этой причине прожил так долго. Но когда-нибудь...

— Он хотел тебя многие годы, — рассеянно признался Себастьян. — И не раз просил разрешения вызвать тебя в свою спальню.

Лиана содрогнулась. Неудивительно, что министр так широко улыбнулся, когда она появилась перед ним.

— И ты ему отказывал?

— Я не делю тебя с кем попало, Лиана. Он не заслужил тебя. Не заработал. До сегодняшней ночи. Мне почти ненавистна мысль, что ты подарила ему момент радости прежде, чем разделалась с ним.

— Это был всего лишь момент, — прошептала она.

Он улыбнулся. По какой-то нездоровой причине ему нравилось размышлять о тех двух ролях, которые она играла во дворце. Секс и смерть, любовь и ненависть.

По приказу Себастьяна она раздела его, медленно стянула прекрасную темно-красную ткань с мускулистых рук, вытащила из-под тела и отбросила на пол, туда, где лежала ее собственная одежда.

Когда они оба остались голыми, она начала касаться его так, как ему нравилось. Лиана ласкала его кожу, сначала нежно, потом сильнее. Легонько царапнула ногтями грудь Себастьяна, стараясь не поцарапать, затем провела линию вдоль темных волос от пупа до гениталий.

Она погладила ладонями мускулистые бедра и поддразнивала большими пальцами чувствительную кожу на внутренней стороне бедра до тех пор, пока глаза императора не закрылись от желания, а член не стал полностью вертикальным. Только тогда она обхватила пальцами твердую, горячую плоть.

За годы ее пленения, он отдавал ее многим мужчинам, поэтому Лиана знала, что не все они похожи на Себастьяна во взглядах и темпераменте. Некоторые были симпатичными, другие уродливыми, но умелыми. Одни были плотными или ужасно тощими, тогда как другие обладали телами, способными конкурировать с императорским. Некоторым нравилось смеяться в кровати, другие же относились к занятию любовью очень серьезно. И далеко не все были жестокими.

И все же она ненавидела их всех. Некоторых больше, но даже те немногие, кого она назвала друзьями, иногда пробуждали в ней ненависть. Она сделала это своим преимуществом, научилась использовать удовольствие для манипулирования мужчинами, которые брали ее в свои постели. Научилась притворяться, будто хочет лежать под ними сокрушенной и беспомощной. Старая карга и мастера, которые держали и обучали любовниц на третьем уровне, оказались хорошими учителями.

Секс был властью. Наслаждение было оружием.

— Он кричал? — спросил Себастьян, рывком дернув ее на себя, так чтобы ее груди прижались к его твердой груди.

Он снова сжал ее слишком крепко, но Лиана не произнесла ни звука жалобы. Она только улыбнулась.

— Да, милорд, он кричал.

— А ты кричала, Лиана?

Она облизнула губы и снова солгала:

— Да.

Себастьян не целовался. Никогда. Он считал это ниже своего достоинства. Лиану целовали прежде, мастера, нанятые для обучения любовниц императора, и мужчины, к которым Себастьян посылал ее в качестве награды за преданную службу или просто, чтобы узнать, не говорят ли они во сне. Но не те, кого он просил убить, только те, кого ей приказывали развлечь. Иногда поцелуи были приятными, в других случаях отталкивающими. Порой она страстно хотела получить искусный поцелуй, но не от этого человека. Она радовалась, что ей не приходится терпеть прикосновения его губ.

Император не целовал даже свою жену. С другой стороны, он вообще редко прикасался к ней. Императрица Рикка жила в собственных покоях на пятом уровне. Время от времени Себастьян звал ее к себе, пытаясь произвести наследника, но до сих пор терпел неудачу. Если Рикка вскоре не забеременеет, то последует за другими императрицами. В самый низ, на тринадцатый уровень. Это было бы сокрушительное падение.

Наклонив Лиану и подтолкнув, Себастьян заставил ее лечь на спину, и, опустив голову на блестящую синюю подушку, она сочинила историю об убийстве. Нечто достаточно отвратительное и жестокое, чтобы понравиться императору.

Как всегда во время ее рассказов, он начал ласкать ее. Внимательно слушал и дотрагивался. Возбуждая.

— Ты рассказала, что я приказал его убить, когда он был в тебе?

— Конечно, милорд, — прошептала она.

— Себастьян, — приказал он. — Когда мы в кровати, я не хочу быть императором. Скажи это.

— Себастьян, — тихо произнесла она.

— Он получил удовольствие, прежде чем ты расправилась с ним?

— Нет. Я не хотела ловить его семя. Только твое, Себастьян.

— Ты любишь меня, Лиана? — спросил он, напряженно сжимая одно из ее запястий. Слишком напряженно.

Она глубоко вздохнула и выдохнула:

— Нет.

Он широко усмехнулся.

— Именно поэтому ты моя фаворитка. На третьем уровне у меня есть множество женщин, все они моложе тебя, некоторые из них симпатичнее тебя, все обучены дарить чувственное удовольствие и стремятся мне понравиться. Если бы я спросил, любят ли они меня, каждая не задумываясь ответила бы «да». И все же я жажду тебя, Лиана. Возможно, потому что ты больше всехходишь на меня. Ты безжалостная и страстная, холодная и горячая.

Она хотела завопить «я не похожу на тебя!» Но промолчала. Было бы ошибкой выказать эмоции в присутствии Себастьяна. Начни она поступать так же, как другие, и он станет от

нее уставать. Тогда она лишится своей власти. Но она здесь еще не закончила.

Лиана опустила руку, чтобы снова обхватить его, приласкать пальцами, обученными касаться и возбуждать.

— Любовь для слабых. Ты считаешь меня слабой, Себастьян?

— Ничуть.

— Хорошо, — она облизнула губы, поглаживая его твердую длину. — Я не девочка, способная влюбиться из-за того, что у тебя есть член, и ты умеешь им пользоваться. Я женщина, которая стала солдатом, потому что ты попросил меня об этом, и я сражаюсь во имя тебя. Я убиваю во имя тебя. Я выполняю твои приказы здесь, в твоей кровати, и всюду за ее пределами.

Император перекатился на нее и коленом широко раздвинул ей ноги. Теперь он дышал тяжело, лицо покраснелось.

— Ты солдат, Лиана. Мой солдат. Сегодня ночью ты выполнила мой приказ, и как всегда исполнила его безупречно. Что ты хочешь в награду? — его голос звучал грубо, глаза почти закрылись.

Лиана ответила то, что он хотел услышать:

— Только тебя, Себастьян. Я хочу только тебя.

Он наполнил ее резко и быстро, и Лиана закрыла глаза. Она ненавидела императора Себастьяна. Презирала всей душой. Но давно выяснила, что не может его одурачить. Не здесь, в кровати. Однажды, очень давно, она симулировала оргазм, и он понял. Он ударил ее по лицу и отослал обратно на третий уровень, и лишь спустя месяцы позвал снова. Именно тогда она узнала о силе, скрываемой за его худощавым телосложением. С тех пор прошло много лет, но она не забыла.

Нельзя, чтобы он поймал ее на лжи. Не сейчас, когда она почти достигла цели. Себастьян не доверял ей, но теперь она так близка к нему, как ни один министр, генерал или жрец. Она ближе всех. Когда для него настанут тяжелые времена, а рано или поздно такое обязательно случится, она будет рядом. Он придет именно к ней. И она будет наготове.

Но в этот момент она сосредоточилась на других вещах. Пока Себастьян двигался внутри нее и над ней, касался ее настолько интимно, как только возможно для мужчины вроде него, пока они задыхались, потели и приближались к наивысшему физическому удовольствию...

Лиана думала о женщине, которой могла бы стать, если бы ее никогда не похищали. Представляла мужа, который мог бы у нее быть, их общих детей и простой дом, в котором они бы жили. Она вообразила, будто это он соединяется с нею. Не Себастьян. Вместо жестокого правителя она занималась любовью с обычным мужчиной, который никогда не стал бы делиться ею, тем более по простой прихоти. Возможно, это был бы фермер или ремесленник. Человек, который действительно любил бы и защищал ее.

А потом она вообще не думала, только чувствовала. Его тело, свое собственное, их учащенное сердцебиение и разгоряченное дыхание. Ее тело требовало удовлетворения, и человек, которого она ненавидела больше жизни, подарил ей его.

Лиана закричала от наслаждения, руками и ногами обхватив нависающего над ней мужчину. Она вцепилась в его волосы и не отпускала, пока волна за волной на нее накатывало облегчение. Ее тело взбрыкивало под Себастьяном. Дрожало и сжималось. Она трепетала и задышалась, отчаянно стискивая любовника в своих объятиях. А вернувшись к реальности, встретила устремленный на нее холодный взгляд Себастьяна.

— Теперь ты меня любишь? — хрипло прошептал он.

— Нет, — запыхавшись ответила Лиана, пока он продолжал толкаться в нее.

Себастьян закрыл глаза и задрожал над ней. Она почувствовала, как в нее изливается его семья. Заражая ее. Отравляя.

Закончив, он отстранился и скатился с нее. Вымыть и одеть императора было работой Лианы, и она выполнила ее безмолвно. Взяла кувшин с водой и прекрасные льняные полотенца, приготовленные для использования и сложенные на ближайшем от кровати столе. Искупала его, действуя как можно нежнее. Пока она омывала все его тело, он лежал на кровати, пресыщенный и расслабленный. Лиана не знала о чем он думает, но Себастьян ничего не говорил и не смотрел на нее. Наконец она подняла с пола его одежду и помогла ему одеться. Она даже встала перед ним на колени на матрасе и застегнула за него украшенные плетением пуговицы.

Она тоже собиралась вымыться и одеться, а затем вернуться в свои покои для долгого ночного сна — в конце концов, прошлой ночью ей не удалось как следует выспаться — но Себастьян сел и удержал ее.

— Мне жаль, что ты не можешь быть моей императрицей, — сказал он, схватив ее за волосы и притягивая к себе. Он никогда не говорил ей ничего подобного, и Лиана не знала, что ответить. — Рикка — угрюмая девчонка, которая считает секс неприятной обязанностью, а не удовольствием. Она лежит подо мной вялая и страстная, как груда тряпок, и твердит: «Я люблю тебя, мой великий император. Я так сильно люблю тебя, мой лорд и господин. Ох, ах, я люблю тебя», — он сымитировал писклявый голос бедной девочки.

— Она юная и глупая.

— Если в ближайшее время она не даст мне наследника, то у нее не появится шанса стать старой и глупой.

Лиана прильнула к Себастьяну. Руки закинула на его шею, ногами обхватила талию. Схватила его за волосы и удерживала на месте, вглядываясь в холодные глаза.

— Мы оба знаем, что любовница не может стать императрицей.

— Это мои законы, — заявил он. — Если я захочу, то изменю их.

— Если я застряну на пятом уровне, нянча младенцев, кто же поможет тебе избавляться от врагов?

Поскольку трех отвергнутых императриц уже скинули в тринадцатый уровень, Лиана подозревала, что это сам Себастьян не мог зачать ребенка. Его вторая жена забеременела вскоре после замужества, положив конец сплетням о бездетности Себастьяна. Но у императрицы случился выкидыш, а другого ребенка так и не появилось. Лиана часто задумывалась, не была ли девочка уже беременна, когда выходила за императора.

— В моем нынешнем положении, я могу служить тебе лучше, — добавила она.

— Полагаю, ты права, — уступил он.

Она почти добилась своего. Приблизилась к цели как никогда. Однажды она сможет ходить где захочет. Получит первый уровень в свое распоряжение. Эту спальню, кабинеты императора, бальный зал, где он давал аудиенции своим подданным и слугам. Никакая охрана не посмеет ее останавливать или обыскивать. Она добьется полного доверия императора.

— Я наслаждаюсь своим местом в этом дворце, Себастьян. Я твоя возлюбленная, рабыня и убийца. Я больше ничего не хочу.

Он широко усмехнулся, довольный ее ответом.

— Оставайся некоторое время тем, кто ты есть, мой прекрасный палач. Сегодня вечером Рикка должна ко мне присоединиться, но я не в настроении для ее сопливых объяснений в любви и холодного покаяния.

Лиана облизнула губы и погладила его пенис через одежду. Он уже снова затвердел.

— Когда она придет, скажи ей, что неважно себя чувствуешь.

— Пусть лучше кто-нибудь сообщит ей это вместо меня, — предложил он. — Она страдает, видя тебя здесь, и хотя мне безразлично, страдает Рикка или нет, но ее нытье и стоны сильно раздражают.

Лиана хотела спать. Хотела сбежать от запаха этой комнаты и жестокой улыбки Себастьяна. Но не могла упустить такую возможность. Все, что происходит и будет происходить до того момента, когда она убьет его, не имеет значения. Ее не интересовало ничто, кроме конца игры. Ни то, что она должна ради этого сделать, ни что может случиться с нею потом.

Если он когда-нибудь окажется настолько глупым и заснет в ее присутствии, то она ударит его по голове тем отвратительным бюстом Себастьяна, который стоял в противоположной стороне комнаты. Потом затянет на его шее шнур, украшавший фальшивое окно, и станет сжимать, пока император не перестанет дышать. Ей не хватит сил проделать это, пока он бодрствует, но если удастся застать его спящим...

У нее был лишь один шанс, она знала это. В случае неудачи, второй возможности не представится. Он должен доверять ей. Должен считать ее своим единственным союзником во всем Каламбьяне.

Софи провела утро занимаясь готовкой, как часто делала будучи расстроенной. Обычно их обеды были простыми. Тушеное мясо или овощи из сада, либо сыр с хлебом, приготовленным по ее особому рецепту. Когда же Софи волновалась, еда почти наверняка состояла из искусно прожаренного мяса, трех или четырех гарниров, жареных, вареных или и тех и других одновременно, из особого хлеба и пары десертов. Готовя сегодня утром, она шмыгнула носом не больше пары раз и уронила всего две или три слезинки, позволив себе эту роскошь только потому, что находилась в доме одна. Ни Айседора, ни Жульетт не поймут ее грусти. Она не была уверена, что сама себя понимает.

Софи почти закончила готовить внушительный обед, когда раздался стук в парадную дверь. Она вытерла руки о передник, поспешив на сигнал. Наверное, кто-то приехал к Жульетт попросить зелье или медицинский совет, решила она, усиленно моргая, чтобы высушить слезы. Другие посетители никогда не приходили на гору Файн. Софи распахнула дверь и крайне удивилась, увидев стоящего на пороге Кейна.

Кейн Варден заполнил дверной проем, высокий, широкий и кипящий от гнева. Сегодня вместо прекрасного костюма он надел простую черную рубашку, брюки и те прекрасные кожаные ботинки. Его длинные волосы висели свободно, ничем не связанные.

Вчера он не был вооружен, а сегодня, конечно же, это исправил. На поясе в новых на вид кожаных ножнах висел кинжал с серебряной рукояткой, с другой стороны в таких же сияющих новизной ножнах красовалась короткая сабля с немного изогнутым лезвием.

— Чего ты хочешь? — резко спросила она. — Ты не должен приходить сюда. Ох, это ужасно! Если Айседора увидит тебя, она... она...

— Она что? — рявкнул он.

Софи вышла вперед и глянула за спину Кейна в сторону сарая, где работала Айседора.

— Я сказала, что сожалею. Что еще я могу сделать? — тут ей в голову пришла пугающая мысль. — Ты все еще хочешь?... — Она отступила.

— Жениться на тебе? — закончил он за нее и усмехнулся настолько не похоже на вчерашнюю улыбку, что Софи на мгновение испытала потрясение. В этом изгибе губ не было ни теплоты, ни доброго юмора. — Нет, Ангел, я здесь не для того, чтобы повидаться с тобой, и уж конечно не хочу жениться. Я пришел посмотреть на ребенка. В конце концов, Ариана моя дочь.

— Ты хочешь увидеть ребенка?

Кейн кивнул.

Во рту у нее пересохло. Что ж, такого она не ожидала.

— Ариана спит.

— Я подожду.

— Если Айседора увидит тебя здесь...

— Я могу справиться с твоей сестрой.

Софи облизнула сухие губы.

— Это плохая идея.

— Ты это уже говорила.

— Я могу сегодня принести Ариану в город, как только она проснется. — Это было совершенно логичное решение.

Хотя Кейн не жаловался, она знала, что его головные боли не прошли. Его лоб прорезала внушительная морщинка, и Софи видела боль в глазах. И как он сражается с этой болью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не дождавшись приглашения, он вошел в дом. Софи быстро отступила на несколько шагов.

— Я хочу увидеть, где живет моя дочь. Где она спит. — Каблуки ботинок Кейна четко застучали о пол лестничной площадки, резко и громко. Прошли годы с тех пор как в этом доме раздавался звук мужских шагов.

Софи развернулась и направилась к спальне, где в своей колыбельке спала Ариана.

— Прекрасно. Раз ты настаиваешь, то можешь взглянуть на ребенка. А потом уедешь и никогда больше не вернешься. Никогда.

— Почему? — он последовал за нею, ступая медленнее, шире и громче.

— Потому что Айседора...

— Айседору это не касается.

— Но она...

— Я не боюсь твоей сестры.

Войдя в свою спальню, Софи сморщила нос и на цыпочках подошла к колыбели. Кейн остановился рядом, не отводя зеленых глаз от Арианы.

Все боялись Айседоры. И после того, что она сделала с Кейном, он определенно должен хотя бы волноваться. Но он оставался спокоен. Возможно, думал, что хуже уже не будет.

Он ошибался.

Пока он смотрел на Ариану, его напряжение спало. Мускулы на лице расслабились, и гнев заметно рассеялся. Кейн не улыбался, но, по крайней мере, стал похож на человека, который может улыбнуться в подходящий момент.

— Она спокойный ребенок? — прошептал он.

— О, да, — улыбнулась Софи. — Она уже начала спать всю ночь.

— В самом деле?

— И у нее очень мягкий характер.

Уголок рта Кейна дернулся.

— Должно быть, она унаследовала это от тебя.

— Возможно.

Он изучал Ариану с таким видом, будто она была произведением искусства или бесценным сокровищем.

— У нее твой рот, — тихо сказала Софи.

— Думаешь?

— И твой подбородок, — добавила она. — До вчерашнего дня я не была в этом уверена, потому что... — ох, не стоило напомнить ему о том, что случилось год назад! — Из-за бороды, — быстро закончила она.

Кейн только кивнул.

Мгновение они смотрели на Ариану, молчаливые и возможно даже довольные. Именно Софи нарушила тишину, прошептав:

— Не стоило тебе возвращаться.

— У меня не было выбора.

— Я хотела, чтобы ты был счастлив, и ты был бы, если б только держался подальше.

Кейн больше не смотрел на Ариану. Он так внимательно уставился на Софи, что у той задрожали колени.

— Почему?

— Если бы ты не вернулся, Айседора никогда не узнала бы о чарах, а счастье и удача все еще оставались бы с тобой... и...

— Я спросил о другом, — прервал он. — Почему ты пожелала мне счастья? Почему побеспокоилась об этом? — Такой вопрос не должен был казаться настолько агрессивным, но в тихом голосе Кейна явно слышалась ярость.

— Я не уверена, — прошептала Софи.

Трое вещей произошло одновременно. Кейн так сильно захотел поцеловать Софи, что почти чувствовал на губах ее вкус, ребенок проснулся и хлопнула входная дверь.

Софи побледнела.

— Это Айседора и Жульетт, — прошептала она. — Они пришли пообедать.

— Ты иди, — сказал Кейн. В отличие от Софи, его ничуть не беспокоила старшая из сестер Файн. — Я позабочусь о ребенке. — Он не собирался прятаться, и даже если бы эта мысль пришла ему в голову, во дворе стояла на привязи его лошадь. Сестры узнают, что здесь кто-то есть.

— Ты не можешь о ней позаботиться, — сказала она.

— Почему нет? — если он в самом деле решит забрать Ариану с собой, то должен привыкнуть ухаживать за ней. Хотя он не заметил здесь ничего, указывающего на плохое отношение к ребенку. Дом был очень добротным. Крепким снаружи, хорошо меблированным и чистым внутри. И Софи, определенно, любила дочь. Но из этого не следовало, что она станет хорошей матерью.

— Она хочет есть, — просто ответила Софи.

— О, — да, кормить ребенка как следует он не мог. Пока. В каком возрасте детей отнимают от груди? Сможет ли он оставаться поблизости до тех пор?

Кейн склонился над колыбелью и взял Ариану на руки. Она заставляла его чувствовать себя большим и неуклюжим. Неотесанным и грубым. Таким... недостойным.

— Подержи ее немного, а я займусь Жульетт и Айседорой. Я мигом вернусь. Если она закричит, потормоши ее слегка. Ей это нравится.

Софи выбежала из комнаты. Она думает, что может накормить сестер и ребенка, а потом незаметно выпроводить его через парадную дверь?

Кейн прижал Ариану к плечу, где та весьма уютно устроилась. Ребенок немного заерзал и мяукнул. Это точно не было криком, но несомненно являлось вступлением.

— Ну-ну, не плачь, — тихо сказал он.

Она тут же замерла и замолчала. Это звук его голоса так подействовал? Она признала в нем отца, или Ариану успокоил бы любой глубокий мужской голос?

— Ты такая хорошенькая, — сказал он, легонько ее подбрасывая, как научила Софи. — Твоя мама говорит, что ты спокойная девочка. Можешь сказать папа?

Ариана ответила тихим «гуу», но через мгновение заплакала. Он стал подкидывать ее чуть энергичнее, но это не слишком помогло.

Укачивая плачущую Ариану, Кейн вышел в коридор и направился на звук трех женских голосов. Он не уедет, пока не убедится, что его ребенок в безопасности. И не сможет взять Ариану с собой, пока ее не отнимут от груди, или пока не найдет кормилицу. Раз уж ему

придется слоняться поблизости несколько месяцев, то он не станет скрываться. Ни от Айседоры, ни от кого-либо еще.

— Ты права, — сказал он, заходя в кухню. — Она голодная.

За столом сидели две женщины, обе тут же уставились на него. Взгляд Айседоры был весьма выразительным.

— Ты сказала, что лошадь принадлежит кому-то из города, кто приехал к Жульетт и вышел прогуляться, дожидаясь нашего возвращения.

— Кейну действительно нужно поговорить с Жульетт, — защищаясь ответила Софи. — У него все еще болит голова. — Она смотрела на него, безмолвно умоляя не спорить, тогда как ее лицо приобрело неестественно красный оттенок. — И он действительно пошел прогуляться... в комнату Арианы...

— Это и твоя комната тоже, — кисло напомнила Айседора.

— Он приехал, чтобы повидать ребенка и Жульетт. Не меня, — не сдавалась Софи.

— Это правда, — подтвердил Кейн.

— Головная боль уменьшилась? — спросила Жульетт.

— Притупилась, но не исчезла, — он пытался не обращать на боль внимания, задвинуть ее поглубже. По крайней мере, сегодня боль его не ослепляла.

— Вы голодны? — спросила рыжая. — Еды у нас более чем достаточно. Софи сегодня превзошла саму себя.

Айседора стрельнула в сестру неодобрительным взглядом, но было слишком поздно. Кейн, лишь отчасти из злости, принял предложение и занял четвертый стул за кухонным столом. Еды для троих, действительно, было более чем достаточно, и все выглядело аппетитно. Неужели Софи не только красивая, страстная и очаровательная, но еще и хорошая повариха?

Софи, безусловно, была самой красивой из сестер Файн, но две другие казались поразительными женщинами. Угловатую Айседору никто не назвал бы миленькой, но она была привлекательной, и в ней угадывалось что-то почти королевское. Жульетт была хорошенькой. Она пыталась выглядеть степенной и чопорной, но непослушные рыжие волосы и искорки в теплых карих глазах разрушали этот образ.

Но именно Софи привлекала взгляд и удерживала его. Софи, которая была настолько красивой, что должна вдохновить великих художников и поэтов и навечно привязывать к себе каждого встреченного мужчину. Почему он оказался ее первым любовником? Почему не было других?

Стереть Софи Файн из памяти будет намного сложнее, чем убедиться в благосостоянии Арианы. Возможно, если он найдет в ней недостатки, то быстрее забудет. Конечно же, у нее есть недостатки. И много. У красавиц всегда так. Они лживые, невыносимо тщеславные, не заботятся о чувствах менее привлекательных людей. И они неверные.

— Я поем позже, — сказала Софи, забирая у него из рук Ариану. Ребенок тут же затих и начал вертеться в поисках еды. Софи отвернулась от стола, одновременно расстегивая платье. Кейн следил за ней, пока Софи не завернула за угол и не скрылась из вида.

Тогда он перевел взгляд на ее сестер, сначала на Айседору, потом Жульетт. Первая выглядела рассерженной, вторая скептической.

— Тебе здесь не место, — понизив голос заявила Айседора.

— Нет, сестра, — сказала Жульетт. — Мистер Варден наш гость и отец Арианы. Наименьшее, что мы можем сделать, это накормить его перед отъездом.

Кейн не знал, какой именно отъезд она подразумевала, из их дома или вообще из Шэндли. Хотя, это не имело значения.

— Почему вы думаете, что я уеду?

Что бы он ни решил относительно Арианы, Кейн знал, что должен выяснить, кто предал его отряд и привел их в засаду. Только тогда он сможет спокойно вернуться своему месту в революции. В течение прошлого года и двух месяцев он не участвовал в борьбе. И за все то время не столкнулся ни с кем, кто узнал бы его имя или лицо, ни с другом, ни с противником.

Он знал, что его защищала удача, подаренная Софи. Теперь, когда везение закончилось, придется вести себя осторожнее. Судя по выражению на лице Айседоры Файн, в первую очередь следует проявлять осторожность с ней.

Совершенно неожиданно ее лицо смягчилось. Она почти улыбнулась. Во всяком случае, Кейн постарается вести себя осторожнее, чем когда-либо.

— У меня есть для вас предложение, мистер Варден, — сказала она обманчиво сладким голосом.

— Я знаю, чего вы хотите от меня, — ответил он. — Чтобы я уехал. Что, по-вашему, вы должны предложить взамен?

— Вы наслаждались в прошлом году своей удачей? — она все еще говорила тихо, без сомнения, чтобы не услышала Софи. — Я забрала ее, но могу и вернуть. Отдам все, что отняла, и даже больше. А еще заберу головные боли и воспоминания, — она взмахнула рукой. — Без малейшего труда, мистер Варден.

Он не собирался принимать ее предложение, но все равно спросил:

— Я забуду Ариану и Софи?

— Разумеется, — ответила она, думая, что уже победила.

Но он был не из тех, от кого можно так легко отделаться.

— Нет, спасибо, — Кейн встал, и, не съев ни ложки, направился вслед за Софи. До его ушей долетело одно приглушенное, едкое слово.

Неприятности.

Когда хотел, Кейн мог двигаться очень тихо. Софи не слышала как он шел по коридору, пока не стало слишком поздно. Она передвинула одеяло на плече, чтобы прикрыть груди и голову Арианы.

— Что ты тут делаешь? Ты бы не успел так быстро поесть.

— Я пришел увидеться с Арианой, а не ради неловкого обеда с твоими сестрами.

Софи опустила голову, чтобы не пришлось смотреть на него. Ни в одном из ее снов ей не привиделось, что Кейн может заинтересоваться своей дочерью. Она никогда не знала своего отца, так же как Айседора и Жульетт. Они были порядочными мужчинами, которые захотели бы узнать своих детей? До сих пор она даже не думала о такой возможности.

— Это неприлично, то что ты здесь.

— Я думал, ты не будешь заботиться о приличиях, — сказал он, проходя в комнату. Он не колебался, когда без смущения протянул руку и сдвинул в сторону прикрывавшее ее одеяло. — Кроме того, я уже это видел.

Поскольку Софи и Ариана заняли единственный стул в комнате, Кейн сел на край кровати. Он чувствовал себя там настолько удобно, будто эта комната принадлежала ему. Льющееся через окно солнце падало на золотистые пряди в его волосах, отчего те мерцали.

Вообще-то, сидеть на стуле и смотреть на него оказалось очень приятно. В нем многое

вызывало восхищение. Сильные руки, мускулистые предплечья, длинные ноги и широкие плечи, все решительно мужественное и чрезвычайно сильное. Эту мощь смягчали выразительные зеленые глаза, необычные волосы и самые прекрасные губы...

Софи знала, что Кейн — великолепнейший образчик мужественности, который она когда-либо видела. Решительный, сильный, покрытый шрамами и мускулами... и все же прекрасный. Как это возможно? Как человек может быть настолько мужчиной и в то же время таким симпатичным?

— Никогда не думал, что у меня появятся дети, — сказал он.

— Почему?

Он наградил ее горькой улыбкой.

— Когда я встретил тебя в прошлом году, то ничего не мог предложить женщине или ребенку. Я думал, что моя жизнь кончена.

— Кончена? — прошептала она.

— Вся моя семья умерла. Ферму, где я вырос, несколько лет назад захватили люди императора. Они отдали землю шерифу и сожгли небольшой дом, который показался ему недостаточно хорошим. — Мускул на его челюсти дернулся. — Моя невеста устала меня дожидаться. Я ушел задолго до того, как она от меня отказалась. Возможно, она передумала после тех трех лет, за которые я ни разу не возвращался домой. Как бы там ни было, она вышла замуж за другого. Тем лучше.

Она инстинктивно знала, что это не все, но продолжать Кейн не собирался.

— Я сожалею.

— Не надо, — резко ответил он. По тому как он нахмурил брови, она поняла, что его головная боль усилилась. — Мне не нужна твоя жалость.

— Я испытываю к тебе не жалость, а сочувствие. Это разные вещи. Тебе перепало много страданий, и я об этом сожалею.

Его лицо осталось таким же напряженным.

— В конечном счете все умирают. Все мы теряем людей, которых любим.

Софи открыла рот, собираясь ответить, но Кейн быстро добавил:

— И пожалуйста, не пытайся успокоить мою боль смехотворными рассказами о потусторонних мирах.

— Я надеюсь, что они не смехотворные, — сказала она. Ей действительно нравилось думать о матери и Вильяме, живущих где-то еще, кроме земли мертвых.

— Что касается земли, я никогда не был хорошим фермером, — сказал Кейн, проигнорировав ее заявление. — Мое сердце хотело чего-то другого. И еще... что ж, женщины не постоянны. Я просто получил этот жизненный урок позже, чем большинство мужчин.

— Не все женщины непостоянные, — защищаясь, возразила Софи.

Он не выглядел убежденным.

— Посмотри на себя. Ты говоришь, что найдешь других любовников, когда придет время, или когда у тебя появится настроение. Ни один мужчина недостаточно хорош для тебя. И одного мужчины никогда не будет для тебя достаточно.

— Да, но я всегда честно говорила о своих планах на жизнь.

— Ангел, это не планы, — резко ответил он. — Это странные капризы.

Она перевела взгляд на Ариану, чтобы не видеть лицо Кейна. Как ему объяснить, что этот жизненный план, который он считал неприятным и скандальным, был ее единственным

выбором? Семейное проклятие сделало для нее невозможной нормальную жизнь. У нее не может быть мужа, никогда. Мысль о целой жизни без прикосновений, без объятий, заставляла ее душу съеживаться и чувствовать опустошенность. Она нуждалась в объятиях так же, как земля нуждается в солнце.

— Из меня не выйдет хорошей жены, — тихо сказала она. — Ни для тебя, ни для кого-либо другого.

Комнату заполнила такая глубокая тишина, что Софи подняла взгляд, проверяя сидит ли все еще Кейн на кровати.

— Почему ты это сказала? — спросил он.

— Я не могу отрицать, кто я. Что я.

— Ведьма.

Софи кивнула.

— Если ты настоящая ведьма и можешь колдовать, то почему скрываешься на этой заброшенной горе? Почему не живешь в каком-нибудь дворце, одетая в шелка и украшенная драгоценностями, окруженная людьми, которые тебя обожают или боятся?

В его голосе и глазах таилось столько гнева. В тех зеленых глазах, которые часто виделись ей во сне, раньше и теперь.

— Это мой дом. Я не смогу быть счастлива где-то еще.

— Ты когда-нибудь бывала где-то еще?

— Нет.

— Тогда, откуда тебе знать, что ты не будешь там счастлива?

Его логика ее не поколебала.

— У меня нет особо полезных талантов. Я не могу читать мысли или управлять предметами, а мои способности в традиционных заклинаниях... ну, в общем, не слишком впечатляющие. Одно из десяти, наверное, сработает так, как положено. Я заставляю вещи расти, вот и все. И даже если бы у меня был более важный талант, то я не хотела бы стать чьей-то марионеткой или оружием. Здесь я независимая женщина и... — И чары Айседоры не пускают сюда нежеланных мужчин. Обычно. — Тебе не следовало сюда возвращаться. Мы все были бы гораздо счастливее, если бы ты не вернулся.

— Тогда я никогда не увидел бы Ариану. Даже не узнал бы о ее существовании.

Ее сердце глухо стукнуло, во рту пересохло.

— Едва ли это справедливый обмен. У тебя до сих пор болит голова, удача потеряна. — Она надеялась, что его теперь не постигнет череда неудач, восстанавливающая нарушенное ею равновесие. Но судить об этом пока слишком рано. — И ты помнишь...

— Вчера я потерял то, что мне не принадлежало, — прервал он. — Больно ли это? Черт, еще как! Хочу ли я забыть кое-что из своего прошлого? Можешь даже не сомневаться. Но спроси меня, вернулся бы я, будь у меня выбор. Спроси, обменял бы я возможность найти тебя и увидеть ребенка на возвращение к бессмысленному счастью прошлого года.

Софи сглотнула. Зачем, Кейн так с ней поступает! Зачем, фактически признается, что предпочтет страдать физически и духовно, нежели потерять Ариану, ребенка, о существовании которого до вчерашнего дня даже не знал. Он и не догадывается, насколько это опасно.

— Спроси меня, — снова попросил он.

Софи покачала головой.

— Прекрасно, я все равно скажу. Ариана настоящая, и она моя.

— Ариана не твоя. Она... — Софи собиралась сказать «моя», но поняла, что это неправильно. — Наша, — тихо закончила она.

Кейн покачал головой.

— Когда я вчера увидел вас двоих, то принял решение не колеблясь ни секунды. Мы поженимся, у нас появятся еще младенцы, мы... — он благоразумно замолчал.

— Ты же все еще не планируешь... — начала Софи.

— Нет, — быстро и спокойно ответил Кейн. — Даже если бы я все не вспомнил, то конечно же не хочу жену, которая собирается менять любовников, когда пожелает.

Софи почувствовала, как щеки заливают румянец.

— Мне никогда не приходило в голову выйти за тебя замуж.

— Я это понимаю.

Говорить о том утре, когда они встретились, конечно, неразумно. Ей бы гораздо легче удалось держать Кейна на расстоянии, если бы она не помнила так живо о тех ощущениях, когда их тела прижимались друг к другу, когда он был внутри нее. Но сейчас, сидя рядом с ним и их ребенком, она не могла заставить себя притвориться, будто случившееся ничего для нее не значило.

— Когда я пошла к тебе тем утром, то не была уверена, что мы сделаем ребенка, но позже стало казаться, будто я всегда это знала.

— В течение дня или дольше я думал, что ты мне приснилась.

Она приложила Ариану к другой груди, а Кейн внимательно наблюдал за ней. Разговор об их первой встрече, казалось, заставил его почувствовать себя неудобно. Разумеется, это не помогало ей расслабиться.

— Как долго ты собираешься оставаться в Шэндли? — спросила она.

Он вскинул голову, и когда их глаза встретились, сердце Софи дрогнуло. Она не могла позволить мужчине, любому мужчине, воздействовать на нее подобным образом!

— Я еще не решил, — ответил он. — Я должен вернуться к мятежникам, но сначала необходимо кое-что сделать.

— Что сделать?

После короткой паузы он ответил:

— Наверное, мне не стоит тебе об этом рассказывать.

Она постаралась не обращать внимания на боль, от того, что он ей не доверяет. В конце концов, почему бы он стал ей доверять? Они все еще оставались незнакомцами. Любовниками, родители и незнакомцами.

— В любом случае, тебе действительно не стоит задерживаться тут надолго.

— Переживаешь о том, что скажут люди?

Софи улыбнулась.

— Я перестала заботиться о том, что обо мне говорят, лет в одиннадцать. Когда твоя мать, бабушка и две старшие сестры могущественные ведьмы, люди определенно не станут хорошо о тебе отзываться.

— А ты? — спросил он. — Разве ты не могущественная ведьма?

Она покачала головой.

— Нет. У меня есть кое-какие недавно обнаруженные таланты, но я даже близко не такая одаренная, как сестры. — Она не призналась, что те способности увеличились стократно, когда в ней росла Ариана.

— Почему ты остаешься здесь? — понизив голос спросил он, чтобы никто в доме не

смог его подслушать. — Ты такая красивая, любой был бы счастлив назвать тебя своей женой. Ты можешь уехать отсюда, найти богатого мужчину, создать собственную семью...

— И скрывать, кто я? — Она не сказала Кейну, что ее пугала сама мысль покинуть гору Файн. — Нет. Я здесь всем довольна. У меня есть дом, мой ребенок и...

— Наш ребенок, — поправил он.

— Наш ребенок, — неохотно признала она. — И сестры. Я больше ничего не хочу и ни в чем не нуждаюсь. Моя жизнь полная.

Кейн не стал спорить, но она прекрасно видела, что он ей не поверил. К сожалению, она и сама себе не верила.

Последние пару дней, ее сильно мучил один вопрос. Ответ был неважен, поскольку влюбляться она не собиралась, и все же... она должна знать.

— Сколько тебе лет? — спросила Софи, не отводя взгляда от Арианы.

— Двадцать восемь.

Ее сердце слегка сжалось. Когда она начнет слишком сильно влюбляться в Кейна, придется напомнить себе, что если она допустит ошибку и полюбит его, то Кейн проживет не больше двух лет.

За игрой в вист в таверне, где снял комнату, Кейн убедился, что полоса удач действительно закончилась. Прошлым вечером он потерял все, что выиграл за несколько последних дней, и даже больше. Хуже того, он был почти уверен, что когда незадолго до полуночи поднимался по лестнице, то выпивавший баре шериф следил за ним с подозрением. Целый год его никто не узнавал, но теперь волшебному везению пришел конец, и необходимо стать осторожнее.

Больше никаких азартных игр, по крайней мере, на некоторое время. Нужно приберечь оставшиеся монеты. Их должно хватить, пока он не покинет южную провинцию и не направится на север разыскивать Эрика. Судя по разговорам в таверне, именно там сейчас идут основные бои. В городе Фэлша, близ северного дворца, в котором жила старшая сестра императора Себастьяна со своим мужем.

Прошлым вечером ему отвратительно не везло, поэтому открыв дверь на стук, Кейн даже удивился, увидев там не любопытного шерифа и не партнера по игре, жаждавшего его крови, а Софи Файн, одетую в бледно-зеленое платье, плотно облегающее ее изгибы и показывающее прекрасную фигуру в наилучшем виде. В отличие от ее повседневных нарядов это платье не закрывало шею. Воротник плавно спускался вниз, ниспадая весенне-зелеными складками вокруг ее груди. Сегодня она пришла без ребенка. Кейн никак не мог разобраться, что из-за этого чувствует, то ли разочарование, то ли заинтересованность.

— Заходи, — он отступил, впуская ее в комнату. Она вошла, но сначала бросила подозрительный взгляд на его голую грудь.

— Ты не одет.

— Ты видела меня более раздетым, — ответил он, когда она закрыла за собой дверь. Для женщины, стремившейся, по ее словам, к свободным отношениям и интересующейся только физическими удовольствиями, она слишком ярко краснела.

— Нам нужно поговорить, — заявила Софи, садясь на краешек стула.

— Где Ариана? — спросил он.

— С Жульетт. Я решила, что нам лучше ненадолго остаться вдвоем.

Он поднял брови.

— Чтобы поговорить, — твердо добавила она.

Испытывая неприятное чувство тревоги, Кейн сел напротив нее на кровать и сложил руки на колени.

— Начинай.

Софи распрямила спину и сцепила пальцы рук, сжав их так сильно, что побелели суставы.

— В следующий раз, когда ты захочешь увидеться с Арианой...

— Я собирался заглянуть к ней сегодня днем, — прервал он.

Софи удивленно распахнула глаза.

— Уже? Ты встречался с ней только вчера. Она с тех пор не изменилась и не научилась ничему новому. Я думала, ты захочешь навещать ее раз или два в неделю, и мы устроим все так, чтобы в это время Айседоры поблизости не было, или же мы с Арианой станем сами приходить к тебе в город.

Он улыбнулся ее протестам. Она выглядела такой напряженной и решительной.

— А ты бы захотела видеть своего ребенка один или два раза в неделю?

— Это совсем другое. Я ее мать.

— А я отец.

— Но всего несколько дней назад ты даже не знал о ее существовании!

— Это говорит лишь о том, что мне нужно многое наверстать.

— Но...

— Кроме того, — снова прервал он. — Я не могу оставаться здесь бесконечно. Скоро я уеду, и не знаю, когда вернусь. Пару раз в неделю мне совершенно не подходят.

На это ей нечего было возразить.

— Я не предполагала, что тебя это будет хоть сколько-то заботить, — тихо ответила она.

— Но меня заботит.

— Я вижу, — ее пристальный взгляд переместился вниз на его голую грудь. — Рана все еще болит? — тихо поинтересовалась Софи.

Он мельком взглянул на шрам, о котором почти никогда не вспоминал. Как он умудрялся целый год не замечать такую выразительную отметину?

Магия.

— Нет.

— Как ты ее получил?

Бледный и сморщенный шрам у самого сердца был на его теле не единственным, но самым худшим. Кейн не хотел рассказывать Софи детали, он не сомневался, что она создана не для рассказов о войне и кровопролитии, а для следовавшего за ними утешения.

Единственные военные трофеи, которые он когда-либо хотел получить, это безопасный дом, счастливая семья и женщина, вроде Софи, чтобы объединить все это вместе. Но он давно уже счел свои мечты несбыточными.

— Это скучная история, Ангел. Непригодная для твоих милых ушек.

— Я крепче, чем выгляжу, — заявила она, надменно вздергивая подбородок.

— Не сомневаюсь. — Казалось, в ней совсем нет ничего жесткого. Софи выглядела хрупкой и женственной, воплощала в себе все, что он хотел и никогда не ожидал получить. Она, женщина его мечты, помогала ему пережить трудные времена задолго до того, как они встретились. Его Ангел. Как он мог смотреть на нее и не думать о дне их знакомства?

— Никак не могу вспомнить, целовал ли я тебя, — сказал он, и она подскочила на своем стуле. — Целовал?

Софи отвела взгляд.

— Ну, не в... мм, не в губы, — ответила она.

Он слегка приподнял брови. О каких еще моментах их встречи он забыл?

— А куда я...

Софи резко встала, всколыхнув вокруг себя юбки прекрасного зеленого платья.

— Я пришла сюда поговорить о другом: если ты хочешь видеться с Арианой, мы должны организовать ваши встречи. Тебе нельзя объявляться у нас в доме без предупреждения. Когда Айседора в плохом настроении...

— Я не боюсь Айседоры.

— А должен бы.

Кейн медленно поднялся, сделал глубокий вздох и заставил мускулы расслабиться. Да, он действительно хотел как можно чаще видеться с дочерью, пока еще может. Но в этот

момент, он больше всего на свете, хотел снова заполучить Софи в свою кровать. Всего раз. Сейчас, когда он ясно мыслит и в состоянии запомнить все детали.

— А если я хочу видеть тебя?

Она покачала головой.

— Я буду дома, когда ты придешь навестить Ариану, или сама стану приносить ее к тебе, но...

— Этого недостаточно.

Она отступала от него, пока не уперлась спиной в дверь, а он продолжал наступать, пока не оказался совсем рядом с ней. Невозможно было остаться незатронутым их близостью.

— Должно быть достаточно, — прошептала она.

Он опустил голову, приближая к ней лицо.

— Признайся, Софи. Ты все еще хочешь меня. Нам было хорошо вместе и в следующий раз...

— Следующего раза не будет.

Он проигнорировал ее замечание.

— В следующий раз нам будет еще лучше. Меня больше не мучают похмелье и рана, а ты уже не девственница. Мы сможем заниматься любовью всю ночь на удобной, мягкой кровати.

Она облизнула губы.

— Всю ночь? Это не обязательно или, вернее, невозможно. Ведь так?

— Для женщины, которая интересуется только сексом, ты, кажется, очень мало знаешь о возможностях.

— Я знаю столько, сколько мне нужно, — возразила Софи. Она неплохо притворялась, но в ее голосе слышалось нечто большее, чем легкая неуверенность.

— Правда? — прошептал он. — Ты уверена? — Он просунул палец под ее удивительно сливочный подбородок и вынудил поднять лицо. Голубые глаза блестели, бледные щеки окрасились румянцем, а сочные губы задрожали перед тем, как он прикоснулся к ним своими.

Поначалу Софи целовалась как женщина, которая делает это впервые в жизни. Осторожно. Неуверенно. Она затаила дыхание и замерла. Потом ее губы медленно приоткрылись. Их языки встретились. И она издала короткий горловой стон.

Нет, в тот день, когда они впервые встретились, он ее не целовал. С магией или без, он запомнил бы нечто столь прекрасное и волнующее. Эта женщина целовалась всем своим телом, всей душой. Она манила его к себе каждым вздохом, каждым касанием. И на вкус была, как свет.

Он прервал поцелуй, понимая, что иначе возьмет ее прямо здесь, у двери.

Ее глаза стали мечтательными, губы припухли. Это зрелище было способно пробудить низменные инстинкты любого мужчины и завладеть им. Надолго.

— У тебя дома сегодня днем, — сказал он грубее, чем намеревался. — И мне безразлично, будет там твоя сестра или нет.

— Я могу принести Ариану в город...

— Нет. — Он все еще волновался из-за шерифа, с которым встретился вчера в таверне. Лучше держать его семью подальше от возможных неприятностей.

Его семья.

Сердце Кейна сжалось. Хотел он этого или нет, вот кем были для него Софи и Ариана. Его семьей. Его кровью. Всем, что он оставил в этом мире.

Правда? Ты уверена?

Софи стремительно шагала вдоль дороги. Она не бежала, но ее движение, определенно, нельзя было назвать легкой прогулкой. Она убеждала себя, что торопится к дочери и только поэтому так спешит.

Но сейчас ее мысли занимала совсем не дочь, а отец ребенка. О каких возможностях говорил Кейн? И что это за ерунда про занятия любовью всю ночь? В первый и единственный раз, когда у них был секс, все вполне успешно закончилось в течение минут. Разгоряченная кровь мчалась по ее венам, сердце билось слишком быстро. Она могла думать только о словах Кейна, о том, как реагировала на него, о его поцелуях...

Ее переполняли те же эмоции, что и год назад, когда она впервые встретила Кейна Вардена. Жар. Томление. Желание. О, почему он вернулся? Почему она все еще чувствует вкус его губ? Ощущает странную слабость в коленях...

— Какой сюрприз снова, так скоро, встретить тебя в городе!

Софи остановилась и прежде, чем повернуться лицом к Гэлвину Фарелу, глубоко вздохнула. Она почти добралась до выхода из города. До безопасности. Позади окликнувшего ее мужчины простиралась главная дорога Шэндли, оживленная, как и положено в процветающем городе. Люди гуляли, делали покупки и играли, не обращая на ведьму никакого внимания, если не считать брошенных в ее сторону случайных взглядов, быстрых и подозрительных.

Она знала, что заинтересовала бы их куда больше, если бы шла в город, а не из него.

— Сегодня ты выглядишь особенно прекрасной, — сказал Гэлвин, оглядывая ее внимательным взглядом.

Выбирая одежду, Софи думала о Кейне, хотя доставая платье из шкафа, не призналась в этом даже себе. Она хотела, чтобы он считал ее симпатичной, желанной, достойной привязанности и восхищения. Она наряжалась не для Гэлвина Фарела.

Ей необходимо покончить со своей глупой одержимостью отцом ее ребенка. Разве мама когда-нибудь страдала по какому-либо мужчине? Конечно, нет. Позволяла ли себе такую глупость, как влюбленность? Никогда.

— Мистер Фарел, — произнесла Софи, пытаясь заставить сердце успокоиться. — Как приятно снова вас встретить.

Он расплылся в удивленной и очаровательной улыбке.

— Софи, ты должна называть меня Гэлвином. В конце концов, мы же друзья. Не так ли?

— Конечно.

Он сверху вниз пробежался по ней взглядом, будто оценивал увиденное. Софи не поддалась первоначальному импульсу оскорбиться.

— Завтра вечером состоится городской бал, — сообщил он.

— Я не знала.

— Я боялся, что эта новость не достигнет городских предместий. Надеюсь, ты придешь.

На мгновение Софи растерялась, не зная, что ответить. Никто никогда не приглашал ее или сестер поучаствовать в каком-либо городском мероприятии.

— Там будут музыка и танцы, — продолжил Гэлвин. — Я надеялся, что если попрошу тебя заранее, то ты побережешь для меня танец.

Софи покачала головой. Она знала, какой прием получит от горожан, если окажется настолько глупой, чтобы прийти.

— Это очень мило, но я не могу.

— Пожалуйста, — тихо сказал он. — Я мечтаю потанцевать с тобой.

Софи постаралась посмотреть на Гэлвина совершенно беспристрастно. Да, он никогда ей не нравился, но вдруг она слишком поспешила с выводами. Он обладал некоторыми неприятными качествами, но и хорошими тоже. Красивое лицо, ухоженные волосы, здоровое на вид тело. Если бы Гэлвин и Кейн стояли перед ней бок о бок, сочла бы она отца своей дочери намного привлекательнее? Если участвовавшее сердцебиение и трепет в животе укажут ей, что настало время выбрать другого любовника, не окажется ли Гэлвин так же хорош, как Кейн... или любой другой мужчина? И поскольку она с полной энергией стремится к новой жизни, не все ли равно, нравится он ей или нет?

Как бы там ни было, она знала, что с этим мужчиной, ей не придется переживать из-за угрозы в него влюбиться.

— Наверное, я ненадолго зайду, — согласилась она наконец.

— И потанцуешь со мной?

— Да. — Софи попыталась забыть о поцелуе Кейна. Она взрослая женщина, слишком сильная, чтобы ее волю можно было сломить таким простым способом.

— Я знаю, в прошлом ты никогда не участвовала в городских мероприятиях, но пришло время исправить это упущение. Во время летнего бала леди, достигшие брачного возраста и желающие выйти замуж, надевают белые платья, сообщая тем самым, что готовы к столь важному шагу. Если ты наденешь белое...

— У меня нет белого платья, — поспешно прервала она. — И в любом случае, я бы его не надела.

— У меня в магазине есть несколько готовых белых платьев. Одно из них, думаю, смотрелось бы на тебе особенно прекрасно. Я пришлю его тебе сегодня после полудня.

— Никто не пойдет к нашему дому, — возразила она. — Это слишком далеко.

— Пойдет, если я попрошу.

Софи быстро покачала головой. Она определенно не собиралась изображать поиски мужа, когда совсем этого не хотела!

Гэлвин подошел ближе.

— Платье будет моим подарком. В качестве благодарности я прошу лишь оказать мне честь и позволить после танцев проводить тебя до дома.

Сердце Софи тревожно сжалось. Несомненно, ее мать никогда не вступала в связь с мужчиной, который ей даже не нравился. Кроме того, Гэлвин уже не единожды упомянул брак. Поощрять его в любом случае не стоит.

— Вообще-то, я не уверена, что смогу прийти.

Несмотря на ее протест, он выглядел весьма довольным собой.

— И потом, возможно, завтра вечером зайдет шериф Кинин. Знаешь, он мой старый друг.

— Кажется, я об этом слышала.

— Он был бы рад встретиться с тобой. В столице нет женщины, способной сравниться с твоей красотой.

Она отвела взгляд.

— Уверена, это не так.

— Конечно, так, — Гэлвин оглянулся через плечо. Его магазин располагался в этой части города. Возвращаясь домой, она прошла как раз мимо него. Гэлвину также принадлежали платная конюшня, магазин сладостей и еще несколько предприятий, хотя ими он управлял не сам. Он купил их, когда бывшие владельцы переживали тяжелые времена, и теперь платил им гроши, оставив работать в качестве управляющих, тогда как сам забирал всю прибыль.

— Мне пора возвращаться в магазин, — сообщил он. — Когда я увидел тебя, то захотел спросить о завтрашнем вечере.

Чувствуя облегчение от того, что их встреча почти закончена, Софи сказала:

— Уверена, у тебя много важных дел, а я действительно должна вернуться домой.

— Тогда до завтра, — ответил он, разворачиваясь. — Я отправлю тебе сегодня то платье, на всякий случай, вдруг ты передумаешь.

Качая головой, Софи выдавила улыбку.

— Пожалуйста, не надо. Твое радушное приглашение уже достаточный подарок.

Глупо проявлять такое легкомыслие там, где дело касается Гэлвина Фарела. Но разве очутиться в объятиях мужчины — это не лучший способ выбросить из мыслей другого?

Несомненно, в жизни матери было больше трех любовников. Не каждое же ее свидание заканчивалось беременностью? Так же будет и с Софи. С некоторыми мужчинами она станет встречаться исключительно ради удовольствия.

Софи сморщила нос. Когда она попыталась представить себе такое, то ничего не почувствовала. Ни волнения, ни желания. И все же, свидания без любви были ее единственной возможностью.

И нельзя забывать о последствиях, к которым приводят такие встречи. Интересно, подойдут ли ей травы, которые Жульетт давала женщинам из города, желавшим избежать беременности? Софи в этом сомневалась, слишком уж сильно она отличалась от тех женщин.

Так ли это существенно? Между Айседорой и Жульетт было четыре года разницы, и два года между средней сестрой Файн и Софи. Но ей не обязательно так точно следовать примеру матери. У ее детей может быть и меньшая разница в возрасте, стоит только представить, как весело им будет расти вместе!

Приблизившись к повороту, за которым начиналась извилистая тропа, ведущая на гору Файн, Софи замедлила шаг. Она могла дурачить себя лишь до определенной степени и понимала, что не готова родить еще одного ребенка. Софи пнула валявшийся под ногами камень. И не она ли недавно обещала себе, что следующий любовник не узнает, как ее найти? К тому же, Гэлвин уже выразил свой интерес к браку. Сделать его своим любовником было бы безмерно глупым.

Она никогда не грезила о его темно-карих глазах.

Откровенно говоря, она была не готова лечь с другим мужчиной. Пока. Но, возможно, если Кейн поверит в то, что она собирается это сделать, то прекратит одаривать ее поцелуями, от которых собственная одежда начинает казаться тяжелой и колючей, перестанет смотреть на нее так, будто знает что-то ей неизвестное. Не станет предлагать всю ночь заниматься любовью и говорить... о возможностях.

Правда? Ты уверена?

Каким-то образом Софи удалось избавиться от сестер. Кейн не стал спрашивать как. Его

это не интересовало. Сегодня они трое — его женщина, их ребенок и он сам — остались одни. Только на сей раз не в спальне, а в гостиной.

— Ариана много спит, — заметил он, покачивая дремлющего младенца.

— Ей три месяца, — тихо ответила Софи. — Разумеется, она много спит.

Насколько Кейн помнил, именно этого он всегда хотел. Дом, незатронутый войной, женщина, ребенок.

Но дом принадлежал не ему. Как и эта женщина. Зато ребенок был его. Прекрасное и трогательное доказательство, что вопреки всему, жизнь продолжается.

Он уже знал, что не сможет забрать ее у Софи. Сестры Файн были ведьмами, и здесь, в этом доме обитала магия, но они любили Ариану. Кроме того, потеря ребенка разрушила бы Софи. А он никогда не сделает с ней такого.

— Меня пригласили на городской бал завтра ночью, — Софи произнесла это слишком быстро, чтобы ее голос звучал небрежно. — Местный джентльмен попросил прибереечь для него танец.

— Кто он?

Она покраснела.

— Очень важный местный торговец. Хороший друг шерифа.

— Этот торговец станет твоим следующим любовником?

Софи колебалась, но не очень долго:

— Возможно.

Он не мог вынести мысли о Софи с другим мужчиной. Его реакция не имела никакого смысла, поскольку кроме Арианы их ничто больше не связывало. Но разве нынче хоть что-то имеет смысл?

— Сделаешь для меня одолжение? — нежно спросил он.

— Если смогу.

— Не встречайся с другим мужчиной, пока я не уеду. Я не хочу наблюдать, как ты с кем-то танцуешь, и уж тем более, думаешь о... — Кейн остановился. Нет, он не мог этого вынести. — Я не заставлю тебя ждать очень долго. — Он покачивался в такт с биением своего сердца.

— Куда ты поедешь? — тихо спросила Софи. Он ожидал услышать в ее голосе счастье от новости, что скоро уедет и не долго будет доставлять ей беспокойство и раздражать сестер, но Софи выглядела почти расстроенной.

— Я должен найти лидера мятежников. Эрика.

— Ты пропал больше чем на год. Разве они не заинтересуются, где ты был?

Кейн слегка рассмеялся.

— О, да. Они заинтересуются.

Он поднял взгляд, чтобы посмотреть на женщину, которая сидела всего в паре шагов от него, сложив руки на колени и не отрывая глаз от спящего в его руках ребенка. Почему он настолько уверен, что будет всем сердцем тосковать по Софи Файн, хотя едва ее знает?

— Я хочу, чтобы перед отъездом ты поговорил с Жульетт, — торопливо произнесла Софи. — Позволь ей подержать тебя за руку, и она расскажет, где поджидают опасности. А Айседора, возможно, сможет наложить на тебя защитные чары. Если я приготовлю что-нибудь особенное, и мы заверим ее, что ты действительно уезжаешь, то, наверное, сумеем уговорить. Не знаю, насколько эффективными окажутся те чары, когда ты значительно удалишься от горы Файн, но стоит попытаться.

— Почему?

Она прямо посмотрела ему глаза.

— Я мало знаю о войне, но понимаю, насколько она опасна. Если ты будешь знать о подстерегающих опасностях, то сможешь их избежать. И, возможно, простые защитные чары вернут тебе немного удачи, которой ты наслаждался последний год. Если все сложится хорошо, то однажды ты сумеешь вернуться сюда. Чтобы увидеться с Арианой, конечно, — быстро добавила она. — Я никогда не знала своего отца. Но поскольку ты все равно уже разыскал нас, то теперь мог бы стать частью жизни нашей дочери.

Софи не призналась, по крайней мере вслух, но она хотела, чтобы он выжил. Он сожалел, что не может заверить ее в такой вероятности.

— Сомневаюсь, что твои сестры захотят защитить меня.

— Они сделают это, если я...

— Я не хочу, чтобы ты просила обо мне. Я достаточно долго выживал без волшебства. Возможно, продержусь и еще какое-то время.

Она не выглядела убежденной.

— Хотя бы попроси Жульетт дать тебе одно или два предостережения о будущем.

Гадни называл ее видящей. Если Жульетт Файн действительно пророчица, то почему живет здесь, на склоне горы, вдали от всего значимого? В больших городах волшебство уважали, а не боялись, как здесь, среди простых людей, которые при каждой возможности унижали сестер Файн. Жульетт могла заработать состояние, если бы нашла нужных людей. Возможно, ее таланты были слабыми. Или она вообще не была пророчицей.

— Меня куда больше интересует прошлое, а не будущее, — рассеянно ответил Кейн. Если он узнает, кто предал его отряд, то найдет и доказательство своей невиновности. И вскоре снова заслужит благосклонность Эрика.

— Жульетт говорит, что увидеть прошлое намного легче, чем будущее, — сказала Софи. — Будущее иногда можно изменить, а вот прошлое высечено в камне. Совершенно и закончено, как она говорит. Но зачем тебе понадобилось заглядывать в прошлое?

Наверное, стоит попытаться. Хуже, уж точно, не будет.

— Прежде чем я присоединюсь к мятежникам, мне необходимо кое-что выяснить.

Ее лицо сильно побелело. Софи волнуется? Почему? Ведь она сама заявила, что он ей совершенно безразличен.

— Когда я впервые тебя увидела, на тебе был плащ с эмблемой мятежников.

— Я потерял его, вскоре после отъезда отсюда.

Разумеется, он его потерял. Любой, увидевший ту метку, понял бы, что он мятежник, и это быстро положило бы конец его полосе удач.

— Почему ты хочешь снова присоединиться к ним? — почти нетерпеливо поинтересовалась она. — Основные сражения, кажется, идут в северной и западной провинциях, поэтому я очень мало слышала о революции, и честно говоря, совсем ничего не знаю о войне. Но я знаю, что твоих сил недостаточно, чтобы победить армию императора. Это проигрышное дело, Кейн. Неужели ты хочешь пожертвовать своей жизнью в безнадежной битве?

Год назад, он не задумываясь ответил бы «да». Теперь, держа на руках Ариану, Кейн заколебался:

— Да.

— Это... это глупо.

— Глупо?

— Ты не сможешь победить, — серьезно сказала она. — Глупо жертвовать своей жизнью, потому что внебрачный сын старого императора думает, будто на троне должен сидеть он, а не его законный единокровный брат. Какая для тебя разница, кто правит из королевского дворца?

— Ты ни о чем не знаешь, — тихо сказал он.

— Тогда расскажи мне, — прошептала Софи. — Заставь меня понять.

Он никогда ни с кем не делился мрачными моментами своей жизни. В последние несколько лет они с Дарэном перестали говорить о Валдисе и Стэфане. Не упоминали Лиану и не размышляли жива ли она еще. Слишком давно ее от них забрали. Узнают ли они свою сестру, если вдруг встретят?

Не они, больше нет. Дарэн тоже ушел. Дарэн, который сражался усерднее их всех. Дарэн, который плакал, когда после сражения они хоронили Валдиса, а потом, с каждым последующим днем, бился все отчаяннее.

Дарэн, который лишился головы от клинка императорского пехотинца, собиравшегося выставить ее на всеобщее обозрение.

— Ты действительно хочешь знать? — спросил он.

Софи кивнула.

— Пообещай, что не станешь встречаться с тем мужчиной до моего отъезда, и я расскажу тебе все.

Она быстро согласилась, даже раньше, чем он успел закончить свое предложение. Глядя в ее яркие голубые глаза, Кейн начал говорить.

Софи с ужасом рассматривала белое платье, разложенное на кровати чудовищное, и радовалась, что пообещала Кейну не ходить на танцевальный вечер.

Жульетт дотронулась до широкой рюши с таким видом, будто в складках тяжелой, жесткой ткани могли прятаться змеи.

— Оно очень... вычурное, — настороженно закончила она.

— Наверное, некоторые женщины посчитали бы его красивым, — предположила Софи, пытаясь проявить снисходительность. Разумеется, никто из ее знакомых не счел бы это платье красивым, но с другой стороны, у нее было мало знакомых женщин, и она не знала их вкусы. Айседора зарыдает от хохота, только представив младшую сестру в этом чрезмерно декорированном, разукрашенном шнурками пышном безобразии с закрытой шеей.

Хорошо, что Кейн ушел раньше, чем посыльный Гэлвина принес подарок. Ну, не совсем принес. Он бросил сверток с платьем на пороге, громко постучал и сбежал. Софи не хотела рассказывать Кейну, что Гэлвин предложил ей выйти за него. Она не хотела, чтобы за оставшийся короткий промежуток времени между ними возникло хоть малейшее раздражение.

— Я верну его завтра, когда пойду в город к Кейну.

Жульетт вздохнула.

— Айседоре не нравятся визиты отца Арианы. Я понимаю, что тебе лучше встречаться с ним не в доме, но очень не хочу отпускать тебя в Шэндли так часто. Особенно, если Гэлвин Фарел посылает тебе подарки и приглашает на городские мероприятия.

— Разве у меня есть выбор? — спросила Софи.

— Отошли его, — предложила Жульетт. — Чем скорее, тем лучше.

Софи согласилась бы с сестрой, если бы теперь не знала о Кейне больше, чем хотела. И это только ее вина. Она сама спросила. Более того, она действительно хотела знать.

В его жизни было слишком мало счастья, поэтому Софи не сожалела о подаренном ему годе удачи. Не сожалела, что нашла его под деревом линара и соблазнила. И уж конечно она не могла поторапливать его с отъездом, поскольку для него это означало возвращение к безрадостной жизни.

— Если Кейн задаст тебе несколько вопросов о прошлом, ты сможешь ему ответить?

— Какого рода вопросы?

Софи не хотела делиться с Жульетт всем рассказом. Кейн с трудом раскрывался перед другими людьми, она знала это. Пока Софи не будет уверена, что сестра сумеет помочь, она не станет пересказывать историю его жизни, подобно какой-то сплетне.

— О поступках других людей, которые сильно повлияли на его жизнь.

— Возможно. Я никогда не могу сказать заранее, что увижу. Ты же знаешь.

— Да, знаю. — Она должна была задать еще один вопрос. И сделать это оказалось непросто. — Если я решу снова лечь с ним, ты сможешь приготовить мне зелье, предотвращающее зачатие?

Жульетт еще раз вздохнула, но удивления не выказала.

— Я не уверена. Мы можем попробовать, но боюсь, тебе понадобится нечто особенное.

— Я забеременела в первый же раз, когда легла с мужчиной. Это необычно? Это означает, что каждый раз, когда...

— Я не знаю, — прервала Жульетт, слегка скривив губы.

— Ты над этим подумалась? — спросила Софи. Она испытывала сильнейшее предчувствие, что до того, как Кейн уедет, они с ним снова будут вместе. Ее тело говорило об этом каждый раз, когда Софи смотрела на Кейна.

— Ты его любишь? — спросила Жульетт.

Ей следовало быть готовой к такому вопросу, но она растерялась. Надлежащим ответом было бы твердое «нет», но с губ рвались другие слова.

— Он мне очень нравится, но как тебе хорошо известно, я не должна в него влюбляться.

Жульетт обняла сестру за плечи.

— Мне жаль. Это несправедливо.

— Ни для одной из нас, — стоически ответила Софи.

— Мне нравится такая жизнь, — возразила Жульетт. — Я в самом деле не хочу, чтобы в ней появился какой-то мужчина. Я прекрасно понимаю, что Айседора ужасно переживает потерю Вильяма, но по крайней мере она познала настоящую любовь. Но ты... Софи, иногда я бываю настолько уверена, что ты пришла в этот мир, чтобы любить и быть любимой.

Это была мечта, одна из тех, которой не суждено осуществиться.

— Кейн действительно нравится мне сильнее, чем следовало. — Софи выскользнула из объятий сестры, пока та не успела ощутить сомнения в ее мыслях и сердце. — И я снова видела сны. — Прекрасные, длинные, реалистичные, волнующие сны. — Пожалуйста, не сомневайся, наши с ним отношения не приведут к браку. Кейн просто... я нужна ему. — Она не хотела бы беспокоиться о нем, когда он покинет южные земли, но знала, куда он направляется и к какой жизни возвращается.

— Меня влечет к нему так же сильно, как год назад, но я еще не готова к появлению второго ребенка. Неужели ты ничем не сможешь мне помочь?

— Я не уверена.

— Зато у меня есть кое-что действенное.

Софи с Жульетт повернули головы и увидели входящую в комнату Айседору. Старшая сестра Файн поглядела на колыбель, где спала Ариана, затем на кровать с разложенным на ней белым платьем. И широко усмехнулась.

— Если ты наденешь это платье, то вряд ли тебе придется волноваться о беременности. Оно отвратительно. О чем ты думала?

Пока Софи рассказала сестре, что платье ей подарил Гэлвин Фарел, а также объясняла значение белого наряда на летнем празднике, улыбка Айседоры увяла.

— Вильям никогда ему не доверял, — тихо заметила она, когда Софи закончила.

Софи взяла руку сестры и крепко сжала, но через мгновение та нежно отняла у нее свою ладонь. Она никогда не выказывала знаков привязанности, но это не значило, что Айседора не любила сестер.

— Тебе действительно известна микстура, которая сможет предотвратить беременность, если я решу снова лечь с Кейном?

Айседора вздохнула.

— Да, — неохотно ответила она.

— Что это? — Софи пришлось немного запрокинуть голову, чтобы посмотреть в лицо сестры. Темные глаза Айседоры отличались от ее собственных, как ночь и день. Откровенно говоря, у них со старшей сестрой было очень мало общего.

— Немного магии и щепотка трав, смешанных в нужных пропорциях, — ответила

Айседора.

— И ты мне поможешь?

Сестра снова вздохнула.

— Как ты прекрасно знаешь, я не одобряю Кейна Вардена. Связавшись с таким мужчиной, как он, ты приведешь в наш дом неприятности. Но ты взрослая женщина, способная самостоятельно принимать решения, и если он именно то, чего ты хочешь, то я не буду стоять у тебя на пути.

— Да, я хочу его, — прошептала Софи.

— Когда?

Софи подумала о реакции своего тела, когда смотрела на Кейна, о снах, приходивших к ней в последнее время, о том, как просыпалась по ночам, ощущая пустоту и томление, от которых хотелось плакать.

— Завтра, — сказала она. — Завтра ночью.

Пока сестры и племянница спали, Айседора выскользнула из коттеджа, который назвала своим домом. Она переделалась ко сну несколько часов назад, поэтому была босиком и в тонкой льняной сорочке, не защищавшей кожу от прохладного ночного бриза. Чем дальше она уходила от дома и семьи, тем легче и спокойнее становилось на сердце. Ожидание было одновременно замечательным и ужасным чувством.

Сегодня в небе не было ни единого облачка, полумесяц сиял ярко, освещая ей путь. Она шагала по каменистой земле, потом через густые заросли деревьев, пока не добралась до полянки, на которой провела множество беспокойных ночей.

Возможно, он придет сегодня, но она не знала наверняка. Он приходил все реже, и встречи становились все короче. Сколько ночей в прошлом году она просидела на камне, ожидая его появления? Ожидая, ожидая и ожидая. Погода и время года не имели никакого значения. Она вытерпела бы все, что угодно, лишь бы снова увидеть Вильяма, пусть даже на несколько мгновений.

Айседора села на плоский камень, подняла руки к небу и посмотрела на луну, шепча имя мужа. Тьма осталась безмолвной, призрак так и не появился. Тогда она начала читать заклинание, которым уже не раз призывала его. Она тихо бормотала слова на древнем языке, которому научила ее мать, и взмахами рук направляла порожденную ею энергию. Эти движения, которыми она повелевала потоками силы, почти напоминали танец. Айседора просила мужа вернуться, а когда это не сработало, стала требовать его появления.

Раньше, когда она хотела умереть от горя, чары работали бесперебойно. Но шли месяцы и годы, и ей стало казаться, что Вильям ей сопротивляется. Чары перестали срабатывать каждый раз.

Сегодня ночью они не подействовали, и Айседора опустилась на камень. По лицу потекли слезы, сердце в груди колотилось слишком быстро.

— Мне нельзя было в тебя влюбляться. Как ты мог меня оставить? — воскликнула она, сердито смахивая слезы. — Мы же хотели никогда не расставаться. — Два года казались слишком короткими по сравнению с «никогда». Мимолетные годы ее брака закончились слишком скоро.

Пять лет с момента смерти мужа прошли в мучительной пустоте.

Айседора легла спиной на плоский камень, устремив взгляд на луну и звезды.

— Если бы я знала, что моя любовь убьет тебя, то выгнала бы прочь в первый же раз,

когда ты пришел и постучал в дверь. Глупый, — прошептала она, — большинство мужчин не рискнули бы ухаживать за ведьмой, но не ты. Ты был... бесстрашным.

Вильяма не беспокоили ее способности, и она позволила себе удовольствие редко использовать магию. Муж любил ее как женщину, а не ведьму, и в течение тех двух драгоценных лет...

— Софи не понимает, почему мне так не нравится ее Кейн Варден, — произнесла Айседора, обращаясь к небу, поскольку Вильям так и не появился. — Она не знает, как ей будет больно, если вдруг влюбится в него, а он уйдет так же, как ты. Как мне объяснить ей это, не сломавшись и не заплакав? — Она должна быть сильной, ради сестер и самой себя, поэтому не станет рыдать и завывать словно старуха. — Как объяснить, снова не пережив ту ужасную, чудовищную боль? — Айседора скрестила на груди руки. — Я пойду на все, лишь бы помешать ей испытать ту муку, которую почувствовала, когда ты меня оставил.

— Не плачь, Иззи, — прошептал ветер голосом ее мужа.

Айседора быстро села, осматривая поляну. Поначалу она ничего не видела, но затем он появился. Вильям улыбался, стоя на расстоянии пятнадцати футов ^[3], одетый так же, как в свой последний день: в белую рубашку, коричневые рабочие штаны и те поношенные ботинки, которые она ненавидела, а он обожал. Одно мгновение он казался телесным, затем начал исчезать.

— Нет! — она соскочила с камня и стремительно побежала к нему. — Не уходи!

Но Вильям, как всегда, исчез раньше, чем она успела до него добраться, оставив после себя лишь дразнящий шепот ветра.

— Не плачь, Иззи.

Софи спешно шла к городу и слушала приглушенные звуки музыки. Танцы должны были состояться на складе Элмира Кадмэна в другом конце города, поэтому Софи надеялась, что никто не заметит, как она идет в Шэндли второй раз за день.

При первом же визите в город она вернула белое платье удивленному и расстроенному Гэлвину Фарелу, а потом они с Арианой провели некоторое время с Кейном. Они встретились в его комнате над таверной, а когда им стало там слишком тесно, отправились на долгую прогулку. Подальше от города. Они нашли милое, тихое местечко у бурлящего ручья, струившегося по сверкающим камням, с полевыми цветами и густой травой на берегу. Они просидели там много часов, разговаривая. И она смеялась, глядя как Кейн играет с дочерью.

Он любил своего ребенка, она в этом не сомневалась.

Сегодня вечером Софи пришла одна. За уже заснувшей Арианой присматривали Жульетт и Айседора.

Софи вертела в пальцах лежащий в кармане пузырек, а сердце в груди замирало. Зелье предназначалось не ей, как она ожидала, а Кейну. Айседора предупредила, что после того, как он его выпьет, им придется подождать не меньше четверти часа прежде, чем соединиться.

Кейн не знал, что она собиралась прийти к нему сегодня ночью. А если его не окажется в комнате? Или он не захочет ее?

Софи решительно отбросила сомнения. Его могло не оказаться в комнате, но он несомненно ее хотел. Об этом говорили его глаза, прикосновения, движения тела. Да, он желал этой ночи так же сильно, как она.

Всю ночь, сказал он. Возможности...

По такому случаю она оделась в нечто куда более подходящее, нежели нелепый расфуфыренный наряд Гэлвина Фарела. Ее бледно-голубое платье с глубоким вырезом мягкими волнами спускалось до середины икр. Слоистый подол с неровными, треугольными краями и при ходьбе струился вокруг ног. Рукава были такими же слоистыми, как юбка. Сегодня вечером она оставила волосы распущенными, прекрасные шлепанцы отлично подходили платью.

Она не решилась пройти через таверну, где отдыхали и выпивали те, кто не захотел идти на танцевальный бал, а вместо этого направилась к задней двери. На черной лестнице музыка звучала тихо, но все еще оставалась слышна. Струнные и флейты играли в безупречной гармонии, без фальши, насколько могла различить Софи. С другой стороны, она мало понимала в музыке. На их горе не было музыкальных инструментов, и в прошлом она никогда не осмеливалась спуститься с холма, чтобы побывать на городском празднестве. Мелодии оказались удивительно приятными. Поскольку ночь была теплой, возможно, Кейн оставил окно открытым, и они смогут заниматься любовью под музыку. Всю ночь.

Кейн ответил на стук так быстро, что она задумалась, не подозревал ли он о ее планах прийти к нему. При виде нее его глаза немного расширились.

Он оделся во все черное: рубашку и брюки и ботинки — и, похоже, не брился с утра. Скулы покрывала грубая вчерашняя щетина. Она протянула руку и пробежалась ладонью по этой грубой растительности.

— Ты выглядишь удивленным. Но ведь ты догадывался, что я приеду к тебе.

Он взял ее за запястье, втянул в комнату и закрыл дверь. Кейн действительно оставил окно раскрытым, и ночной бриз доносил в комнату нежную мелодию.

— Мне приснилось это прошлой ночью, — хрипло ответил он. — Играла музыка, — добавил он. — И ты была в голубом платье.

Софи прижала руку к груди Кейна, не отталкивая, а просто касаясь. Его жар просачивался сквозь рубашку в ее ладонь, и эта близость, сам его аромат, заставили ее внутренне задрожать. Она позволила своим рукам скользнуть вокруг его тела и припала к нему. Прижалась щекой к его груди и обняла за талию.

Она могла подарить ему только свое тело, а взамен получить лишь физическое удовольствие, которое Кейн обещал своими взглядами и прикосновениями. Этого достаточно, потому что по-другому быть не могло.

Он водил руками по ее спине, одновременно успокаивая и возбуждая. Внезапно, она почувствовала робость. Этой ночью она хотела быть идеальной.

Кейн нежно запрокинул ее голову, и когда их губы встретились, она ощутила жар, наслаждение во всем теле, от пальцев ног до макушки головы. В поцелуе не было ни капли поспешности. Он был неторопливым. Замечательным.

Он оставил ее губы, опустил голову и прижался ртом к горлу. В ответ Софи задрожала. Один поцелуй, а ее колени уже подгибаются.

— Я никогда не встречал такую женщину, как ты, — сказал он, его голос почти полностью заглушался у ее шеи. — Даже не знал, что такая существует.

— Неужели я настолько отличаюсь от других?

Он медленно поднял голову и посмотрел ей в глаза.

— Ангел, разве ты не знаешь?

Вместо ответа она обхватила его лицо ладонями и снова поцеловала. Он притянул ее к

себе так близко, что она ощутила его возбуждение. И вообразила, как почувствует себя, когда он станет толкаться в нее, а она в ответ сожмется вокруг.

Он вел ее к кровати не переставая целовать, одной рукой обхватил ее грудь и нежно поддразнил сосок. Они упадут в кровать, избавятся от одежды и через миг действительно будут вместе. Софи прервала поцелуй и, покопавшись в глубоком кармане, вынула пузырек, который дала ей Айседора.

— Я хочу, чтобы ты это выпил, — сказала она затаив дыхание. — Потом, прежде чем соединиться, нам придется подождать еще четверть часа.

— Зачем? — спросил Кейн, забирая у нее бутылочку.

— Чтобы я снова не забеременела, — прошептала Софи.

Кейн мгновение смотрел на пузырек, затем открыл и одним длинным глотком проглотил игристое зеленое варево. Без вопросов о содержимом, без видимых сомнений. Он доверял ей.

Кейн поставил пустую бутылочку на ночной столик и откинул покрывала с белых простыней.

— Четверть часа, говоришь.

Она кивнула и глянула на часы на каминной полке.

— Я не собираюсь тратить впустую ни одной из тех пятнадцати минут, Ангел, — он расстегнул пуговицы на ее плечах, затем развязал шелковый шнурок на талии. Голубое платье упало на пол, оставив ее голой. Она скинула обувь и принялась расстегивать рубашку Кейна.

— Я правда тебе снилась? — спросила она, занимаясь пуговицами.

— Так часто, что и не счесть.

— Наверное, среди твоих предков была ведьма, — предположила она. — Дар пророчества весьма распространенный... — Она взвизгнула, когда он поднял ее и уложил в кровать.

— Кейн! — он приземлился рядом с ней, и она рассмеялась. — Четверть часа только началась. Может, пока мы ждем, ты расскажешь мне о своем сне.

Он снял ботинки и отбросил их в сторону, так, чтобы они бухнулись на пол, потом растянулся рядом с ней одетый в одни брюки.

— Есть куда лучшие способы провести эти минуты, чем разговоры.

Поцелуй. Много поцелуев. Они перекатились на бок лицом друг к другу, и их рты встретились. Они целовались на мягком, удобном матрасе, ее голая грудь прижималась к его голой груди. Сегодня она не удивилась власти поцелуя, и застенчивость, охватившая ее, когда она вошла в эту комнату, прошла. Когда Кейн просунул язык в ее рот, она скопировала его движение. Когда он пососал ее нижнюю губу, она сделала то же самое. Вскоре она обернулась вокруг него всем своим телом, он сжал руками ее ягодицы, удерживая на месте.

Она поглядела на часы. Нет, пятнадцать минут еще не прошли.

— Насколько ты сможешь остаться? — спросил Кейн.

— Я должна вернуться домой к восходу солнца.

Он усмехнулся и снова поцеловал ее, затем опустил голову к горлу Софи и отыскивал там губами чувствительное местечко.

— Тогда можно не спешить, — шепнул он в ее шею. — Ангел, сегодня ночью я собираюсь заставить тебя кричать.

— Зачем тебе такое делать?

Кейн поднял голову и посмотрел на нее сверху вниз.

— Поверь мне, это хороший крик. — Он проследил большим пальцем линию ее подбородка, и ей показалось, будто кожа стала чувствительнее, чем когда-либо прежде. Ее всюду покалывало, Софи чувствовала, как кровь бежит по венам. Кейн провел рукой вниз по ее горлу, грудям, животу и раздвинул ей ноги. Погладил с внутренней стороны бедра, сначала одну ногу, потом другую, позволяя своим пальцам совсем легонько касаться там, где она хотела его больше всего.

— Закрой глаза, — прошептал он, и она послушалась. — Расслабься. — Она снова подчинилась его указанию, насколько могла. Матрац прогнулся, когда он переместился у ее бока. Она облизнула губы и, изнывая, немного передвинулась, пока Кейн ласкал ее возбуждающими, нежными пальцами.

Он прижался к ней губами, его язык дразнил ее способом, о существовании которого она даже не подозревала. Подобно лентам солнечного света внутри нее начали нарастать ощущения, куда более сильные и приятные, чем в любом из ее снов. Тело покачивалось, бедра приподнимались, и Софи забыла обо всем на свете. Ее вели потребности тела и наслаждавшийся ею мужчина.

В мире остались только их тела, ночной бриз и далекие звуки музыки. Все остальное ушло. Заботы, планы, все желания, кроме того, которое удовлетворял Кейн.

Она закричала, как он и обещал. Закричала от желания, страсти и изумления. Тогда касания Кейна поменялись, она разлетелась на части, и ее крик тоже изменился. Она выкрикнула его имя, тело рванулось вверх. Софи издавала звуки, которые не слышала никогда прежде, странные стоны, крики благоговения, восхищения и удовлетворения, содрогаясь от невероятного наслаждения.

Но мир так и не вернулся. За пределами этой кровати ничего не существовало. Не сегодня ночью.

С дерзкой и обаятельной улыбкой Кейн отодвинулся от нее, словно кот.

— И это, любовь моя, только начало.

Она обняла его за шею и посмотрела на часы на каминной полке.

— Еще три минуты.

— Как же нам распорядиться этими тремя драгоценными минутами? — хрипло спросил он.

Софи опустила руки и потянулась вниз, чтобы расстегнуть его брюки. Несомненно, двенадцать минут почти все равно, что четверть часа! Она хотела ощутить Кейна в себе... и тоже хотела заставить его кричать.

Она дышала с трудом, руки действовали неуклюже. И все же он позволил ей заниматься пуговицами его брюк самостоятельно. Он не помогал, но и не торопил, пока она стягивала с него штаны и откидывала их прочь. Вскоре он остался таким же замечательно голым, как она. Софи обхватила ногами бедра Кейна и направила его в себя.

— Софи, — он прошептал ее имя и закрыл глаза. — Что-то не так.

Нет, все было так. Этой ночью ничто не имело права быть неправильным.

Кейн содрогнулся и отключился, упав на нее.

— Кейн. Кейн! — Софи перекатила его на спину. Это оказалось трудной задачей, поскольку он был без сознания. Она склонилась над ним, проверяя его сердцебиение и дыхание. Они были нормальными.

Софи не сомневалась, что это проделки Айседоры. Все ее слова о том, что младшая

сестра готова сама принимать решения, оказались ложью. Отвратительной, коварной ложью. Софи снова приложила ладонь к груди Кейна. Сердце продолжало биться ровно. Сильно. Она опустила голову, чтобы послушать его дыхание. Равномерное и глубокое.

Как долго он проспит? Если Айседора задумала это как шутку, Кейн может проспать как несколько минут, так и всю ночь. Конечно, сестра не налила бы в тот пузырек смертельный яд! Нет, такого она бы не сделала.

Софи хотелось одеться и стремглав побежать домой, чтобы встретиться с Айседорой, но она этого не сделала. Она легла рядом с Кейном и опустила голову на его плечо.

— Мне так жаль, — прошептала она. — Мне следовало догадаться, что она выкинет что-то в этом роде. — Но ей даже в голову не пришло, что Айседоры решит схитрить. Ложь была совершенно чужда Софи, поэтому она не видела обмана в других.

Она поцеловала Кейна в плечо и вздохнула.

— Возможно, ты проснешься через несколько минут или пару часов, и мы сможем начать все заново. Ты упоминал о возможностях, и теперь показал мне, что имел в виду. Я хочу больше, Кейн Варден. Я хочу получить от тебя все. — Все, кроме любви, которая разрушит ее жизнь. И его.

Гэлвин стоял под окнами гостиницы и смотрел вверх, чувствуя больше, чем просто гнев. Он сжимал и разжимал кулаки. Ему хотелось что-то ударить. Нет, кого-то. Он хотел бить снова и снова, пока не спадет ярость.

Когда он мельком выглянул на улицу и увидел, как Софи огибает таверну, то на минуту решил, что обознался. В конце концов, она сказала, что не сможет прийти на танцы.

Но те светлые, мерцающие в лунном свете волосы невозможно было перепутать. Он пробрался к таверне, остановился под окном Кейна Вардена и стал прислушиваться. Гэлвин не смог разобрать слова, но услышал достаточно. Более чем достаточно.

Софи ему солгала. Она улыбнулась, поблагодарила за подарок, который несмотря на его мольбы отказалась оставить у себя, и сказала, что не сможет посетить бал. А потом пришла сюда. К Вардену.

Софи принадлежит ему. Он так много сделал для нее, а она не оценила ни одно из его стараний! Как и другие мужчины в городе, он всегда восхищался ее красотой. Конечно, не настолько, чтобы рискнуть заработать клеймо друга ведьмы, но за прошлые годы она стала героиней больше чем одной его эротической фантазии.

Гэлвин всегда знал, что женится на женщине с политическими связями. Его амбиции распространялись далеко за пределы этой маленькой деревеньки. Однажды, случайно узнав тайну Софи, он понял, что именно она станет его женой. Она была его возможностью навсегда вырваться из Шэндли.

Он проделал большую работу, добиваясь, чтобы однажды она стала его женой. Встречался с ней всякий раз, когда она приходила в город, и проявлял чудеса галантности. Он начал защищать Софи перед горожанами, представляя ее невинной жертвой старших сестер. Чтобы, когда он сделает решительный шаг, местные жители оказались к этому готовы. Гэлвин собирался стать спасителем Софи, ее другом... ее героем.

Но если тот план не сработает, а, судя по всему, так оно и будет, то придется поступить по-другому.

И он это сделает. Софи Файн еще не знает, но она станет его тропой к власти, высокому положению и богатству, намного превосходящему все, что он мог получить здесь, в Шэндли.

Она проложит ему дорогу к столице, ко дворцу. И там он, наконец, займет достойное положение.

Он устал ждать.

Софи бежала к дому вверх по холму, злясь на сестру не меньше, чем когда поняла, что та подсунула Кейну снотворное. До рассвета оставалось меньше часа, а Кейн все еще спал глубоким неподвижным сном. Она провела большую часть ночи, проверяя жив ли он. Ариана скоро проснется и захочет есть, поэтому Софи не могла больше оставаться в городе подле опоенного мужчины.

Но как только она заберет и накормит дочь, они обе отправятся к Кейну в его комнату над таверной.

Софи не знала, вернется ли когда-нибудь в коттедж, в котором провела всю жизнь. Она больше не ощущала его своим домом. Айседора ее обманула, и какими бы благородными ни были ее намерения, она совершила настоящее предательство. Хорошо, хоть Жульетт в этом не участвовала, но вторая сестра, наверняка, знала, что микстура Айседоры не предотвращает беременность. Она должна была сказать ей. Ведь сестры не предают друг друга, не важно по какой причине.

Гостиная и кухня оказались темными, поэтому Софи зажгла лампу. Дом казался зловеще тихим. Не слышалось никаких движений, ни сопения, ни скрипов матрасов. Направляясь к своей спальне и заглядывая внутрь, Софи не старалась соблюдать тишину. Соскучившись по дочери после столь долгой ночи, она хотела посмотреть на Ариану прежде, чем предстанет перед Айседорой. И объяснится с ней. Да, сестра на шесть лет старше, гораздо сильнее, на пол фута выше и бесконечно упрямее, но это не значит, что Софи не может при необходимости отстоять свои интересы.

Пусть она никогда прежде и не противоречила Айседоре. По столь серьезному поводу.

Колыбель пустовала, но Софи не слишком встревожилась. Хотя весь последний месяц Ариана спала всю ночь, возможно, видимо, сегодня она проснулась раньше и теперь отдыхает в кровати с одной из своих теток. Скорее всего, с Жульетт. Софи уже не раз находила их вместе, свернувшимися в уютный теплый комок и спящими в обнимку. Жульетт все же стоит справиться со своим страхом перед мужчинами и нарожать несколько собственных младенцев.

Кровать сестры тоже оказалась пустой, хотя в ней явно спали. Покрывало было смято, одна подушка валялась на полу.

Осталась только комната Айседоры, расположенная в конце коридора. Софи направилась туда, настроившись высказать все, что думает, и забрать дочь. Если все трое ютились в кровати Айседоры, то Ариана вела себя необычно. Возможно, ребенок не давал им заснуть всю ночь. И Софи их ничуть не жалела.

Но в кровати Айседоры, похоже, вообще никто не ночевал. Покрывало было аккуратно расправленным, все подушки лежали на месте.

Сердце Софи тревожно забилося. Что-то тут не так.

— Жульетт! — позвала она, разворачиваясь и возвращаясь к спальне средней сестры. — Айседора! Где вы?

Она еще раз остановилась в дверном проеме комнаты Жульетт и на сей раз услышала слабый звук. Тихий, болезненный стон.

Софи кинулась в комнату, обогнула кровать и нашла Жульетт, лежащую на полу лицом вниз. Софи опустилась на колени, поставила лампу на пол и тут разглядела на голове

Жульетт глубокую кровоточащую рану.

Айседора не ответила на зов. Софи успокаивала себя мыслями, что старшая сестра забрала ребенка и как следует заботиться о ней, где бы они сейчас ни были. Это было единственным предположением, которое она позволила себе сделать.

Жульетт снова застонала, и Софи коснулась лица сестры. Она боялась ее переворачивать. Это Жульетт была целительницей, Софи же понятия не имела, что надо делать.

— Что случилось? — шепотом спросила Софи. — Пожалуйста, очнись.

Звук ее голоса, казалось, заставил раненную женщину прийти в себя. Жульетт попыталась поднять голову, ахнула от боли и прижалась лбом к полу.

— Ты дома, — прошептала Жульетт. — Я уж думала, что ты никогда сюда не доберешься.

— Да, я дома, — тихо ответила Софи. — Где Айседора и Ариана? Как ты поранила голову?

Невозмутимая, практичная Жульетт вдруг заплакала.

— Они забрали ее, — прорыдала она в пол. — Я пытался их остановить, но один из мужчин ударил меня чем-то по голове, и я отключилась.

— Кто-то забрал Айседору?

— Ребенка, — шепнула Жульетт. — Они забрали ребенка.

Жульетт продолжала говорить, но Софи уже не слышала ничего, кроме шума в ушах и грохота собственного сердца. Жульетт просто не в себе. Она несет чепуху из-за раны на голове. Она ошибается.

Софи оставила сестру лежащей на полу и побежала осматривать комнаты, выкрикивая имя Арианы. Она искала повсюду, хотя с каждым шагом все яснее понимала, что Жульетт не ошиблась. Кто-то похитил ее ребенка. Забрал Ариану.

Софи оглядывала гостиную, когда входная дверь медленно открылась, и в дом прокралась Айседора. Старшая сестра Файн была одета одну ночную сорочку, волосы, заплетенные в косу, растрепались, и она шла босиком на цыпочках как женщина, которая не хочет, чтобы ее поймали.

— Где ты была? — закричала Софи.

Пораженная Айседора повернулась лицом к сестре. Справившись с удивлением, она вызывающе вздернула подбородок и ответила:

— Я гуляла.

— Всю ночь?

Айседоре удалось выглядеть грозно даже в ночном белье.

— Ах да, ты видимо сводишь со мной счеты. Ваше свидание с мистером Варденом не удалось? — она улыбнулась.

Софи покачала головой.

— Кто-то похитил Ариану и ударил Жульетт. Где ты была? Почему не осталась тут?! — Айседора сумела бы остановить злоумышленников. Она могла спасти Ариану и Жульетт взмахом руки. — Где ты была?

Айседора тут же перестала улыбаться.

— Если ты так шутишь...

Жульетт спотыкаясь вошла в комнату, одной рукой она опиралась на стену, другую прижимала к раненой голове.

— Это был Гэлвин Фарел и еще один жестокий человек, которого я никогда раньше не видела, — слабо сообщила она. — Софи, Гэлвин просил меня передать для тебя сообщение.

Айседора поспешила к Жульетт и помогла ей сесть в кресло-качалку.

— Если ты хочешь снова увидеть Ариану, то должна отправиться во дворец в Арсизе, представиться там министру обороны и попросить у него разрешения выйти замуж за Гэлвина Фарела.

— Зачем мне спрашивать разрешения у министра... — начала Софи.

Жульетт подняла руку, призывая к тишине.

— Ты должна надеть белое платье, которое он подарил тебе, — продолжила она. — Гэлвин оставил его в твоём шкафу.

Софи покачала головой.

— Я не понимаю. В этом нет никакого смысла! — она побежала к двери. — Я заставлю Гэлвина передумать, вразумлю его. Возможно, я успею перехватить их, если поспешу.

— Остановись! — хором воскликнули Айседора и Жульетт.

Софи повернулась к сестрам, из-за слез их лица расплывались у нее перед глазами.

— Я не могу остановиться. Он забрал моего ребенка.

— Ты вернешь ее, — сказала Жульетт. — Но не так. Иди сюда, — она протянула руку.

Софи вернулась в комнату, опустилась перед сестрой на колени и взяла липкую от крови ладонь Жульетт. Сестра ответила на пожатие с неожиданной силой.

— Ариана будет в порядке. Он боится причинять ей боль, хотя я не уверена почему. Что-то, насчет силы, но... — она покачала головой. — Тебе нельзя пускаться в путь одной.

— У меня нет другого выбора. Айседора должна остаться здесь и позаботиться о тебе, — заявила Софи. — Я справлюсь.

Жульетт покачала головой.

— С тобой поедет отец ребенка. Он солдат, умеет путешествовать и знает, как не попасть по дороге в неприятности. Он тебе понадобится.

— Я не могу...

— Без него ты не переживешь эту поездку, — настаивала Жульетт. — Не пытайся догнать Гэлвина, потому что у тебя ничего не получится. Ты не увидишься с Арианой, пока не доберешься до дворца. — Жульетт продолжала сжимать руку Софи. — Скажи Кейну, что ответ на его вопрос — колдовство. Генерал Корэн, один из наиболее приближенных людей императора, взял себе в любовницы провидицу. В течение нескольких месяцев она предсказывала для него. Это она рассказала, где в тот день разместились солдаты Кейна. Мятежники знают о провидице и ее участии в той и других засадах. Они... убили ее, всего несколько дней... нет, несколько недель спустя. Кейн напрасно опасается, что его могут посчитать предателем. Тем не менее, мятежники будут удивлены, увидев его, — добавила она. — Они думают, что он погиб вместе с остальными.

Кейн получит ответ на свой вопрос, хотя ни о чем не спрашивал у Жульетт.

— Теперь я должна идти, — сказала Софи, — к Кейну... — Она яростно глянула на Айседору. — Я никогда не прощу тебя.

— Ты беременна? — резко спросила Айседора.

— Конечно, нет!

— Значит, микстура сработала.

Софи провела обеими руками по волосам, приказывая себе не разваливаться.

— Я не вернусь сюда, — сказала она, вставая и направляясь в свою спальню, чтобы

упаковать ужасное белое платье, не важно, понадобится оно ей или нет.

— Вы с Кейном отправитесь в путь сразу из города? — крикнула ей вслед Айседора, начав осматривать рану Жульетт. — Да, так лучше.

Софи не отвечала, пока не переделалась для путешествия и не упаковала вещи. Она надела рубашку и свободные брюки, подвернутые в высокие ботинки, и стянула волосы сзади в свободный узел. Потом вошла в комнату с сумкой в руке.

— Ты меня не поняла, — спокойно сказала она. — Я никогда не вернусь сюда. Это больше не мой дом, а ты мне не сестра.

Айседора пронзила ее взглядом, но в ее темных, сердитых глазах Софи заметила кое-что необычное. Страх, почти равносильный ее собственному.

— Только потому, что на несколько часов погрузила твоего кавалера в сон...

— Если бы я осталась здесь, то смогла бы остановить Гэлвина! — закричала Софи. — У меня не похитили бы ребенка, и не ранили бы Жульетт. И я была бы здесь, если бы не твое мелочное желание настоять на своем!

У Айседоры хватило совести побледнеть.

— Даже если бы я не вмешалась вчера в твои планы, тебя все равно могло здесь не быть, Софи. Не спеши с выводами.

— Я спешу с выводами? Как ты смеешь...

— Ты в любом ушла бы из дома, — слабо прервала Жульетт. — Не обвиняй Айседору. Все, что случилось, было predetermined.

Софи покачала головой. Ей нужно было кого-нибудь обвинить, на кого-нибудь накричать, а Айседора помешала ее планам.

— Я не могу поверить, что это судьба забрала у меня дочь, — прошептала она. По лицу потекли слезы, хотя она и пыталась сдержать их. Она должна быть сильной. Ради Арианы.

— Шшшш, — произнесла Жульетт, когда Софи начала рыдать. — Тебе также предназначено вернуть ее. Поверь мне, милая.

— Тебе понадобятся травы, чтобы не пропало молоко, пока ты не доберешься до Арианы, — благоразумно заметила Айседора. — Даже если вы выберете самую короткую дорогу и направитесь через бесплодные земли, то поездка в Арсиз займет не меньше двух недель.

— Две недели!

— Три, — прошептала Жульетт.

Софи закрыла глаза. Три недели казались целой вечностью, слишком долгим временем вдали от дочери.

— А что Кейн? Когда он проснется?

— Я дам тебе противоядие, — сказала Айседора, направляясь к шкафчику, в котором хранила лекарства. — Две капли на язык, и он проснется бодрым и отдохнувшим. От прошлого зелья не останется ни следа.

— Он будет чувствовать себя прекрасно, — горько сказала Софи, — пока я не расскажу, что его дочь похитили, и я не знаю почему.

— Твои способности, — прошептала Жульетт. — Ты должна держаться за них, Софи. Гэлвин не причинит вреда Ариане, она нужна ему. О ней хорошо позаботятся.

Жульетт закрыла глаза руками. Видения часто вызывали у нее головную боль.

Вооружившись противоядием к зелью Айседоры, сохраняющей молоко травяной смесью, запасом еды на три дня, водой и проклятым белым платьем, Софи побежала вниз с

горы Файн.

Она не знала что сделает, когда снова прижмет к себе Ариану, зато знала, что никогда не вернется сюда. Гора Файн перестала быть ее домом.

Айседора убедилась, что бандаж на голове Жульетт держится крепко, и кровотечение остановилось.

— Я должна была остаться вчера дома, — бормотала она, нежно стирая с виска сестры засохшую кровь. — Я могла их остановить.

— Да, ты могла, — с трудом проговорила Жульетт. — Подозреваю, что именно поэтому тебя здесь не оказалось.

— Снова судьба.

— Да.

Она ненавидела ту легкость, с которой Жульетт воспринимала все случившееся, называя это судьбой или роком. Принимать все с таким спокойствием было неестественно... и потом, согласиться с ней, означало признать, что им с Вильямом никогда не было предназначено провести вместе больше тех двух драгоценных лет.

Айседора помогла Жульетт встать. Сейчас не время для споров.

— Давай переоденем тебя и отмоем от оставшейся крови, а потом ты немного поспишь.

— Как я могу спать? — возразила Жульетт.

— Тебе нужно выздороветь и окрепнуть, — убеждала Айседора. — И отдохнуть.

Они медленно шагали вдоль коридора и, проходя мимо комнаты Софи, Айседора не могла не заглянуть туда. Колыбель пустовала, одежда, которую Софи посчитала непригодной, пока собиралась в дорогу, валялась разбросанной по комнате. Голубое платье лежало на полу, красивое, очаровательное и забытое ради более важных вещей.

— Я должна была остаться дома, — повторила она.

— А где ты была? — спросила Жульетт. — Я знаю, что ты часто гуляешь по ночам, но обычно не пропадаешь на всю ночь.

— Я заснула. — Она уходила на поиски духа Вильяма две ночи подряд, и обе ночи видела его. Совсем недолго. Неотчетливо. Но за те доли секунды, когда он выглядел совсем реальным, она снова чувствовала себя хорошо. Целой, счастливой и полной надежд.

Но, разумеется, Вильям был мертв, и не осталось никакой надежды. Не для нее.

— Не стоило мне обманывать Софи. Я не собиралась причинять вред Вардену, — горячо сказала Айседора. — Я лишь хотела дать ей еще одну ночь, чтобы она смогла пересмотреть свои намерения.

— Как, по-твоему, можно пересмотреть любовь? — поинтересовалась Жульетт, усаживаясь на край кровати.

Любовь. Сердце Айседоры сжалось.

— Все настолько серьезно?

— Боюсь, что так. Софи еще не осознает всей глубины своих чувств, но любовь уже живет в ней.

К женщинам Файн вместе с любовью приходили боль и смерть.

Но те два года с Вильямом были настолько чудесными. Она отдала бы все что угодно, лишь бы вернуть его... но не отдала бы тех в двух лет.

Айседора вздохнула.

— Возможно, я действительно совершила ошибку. Я просто хотела сделать лучше для Софи. Она ребенок, и я обязана присматривать за ней. Я заменяла ей мать, с тех пор как

Софи исполнилось четырнадцать, и не хочу, чтобы она страдала.

— Я знаю, что ты старалась ради нас обеих.

— Софи вернется, правда? — спросила она, помогая Жульетт переодеть ночную рубашку. Странно, но когда Айседора задавала этот вопрос, ее сердце сжалось. Она не обладала даром Жульетт, но, казалось, уже знала ответ.

— Наша маленькая сестренка больше никогда не увидит этот дом, — прошептала Жульетт, в ее глазах стояли слезы. — Никогда.

Восседая на самой прекрасной из всех своих лошадей, Гэлвин впился взглядом в орущего младенца. Если бы только он не нуждался в этом избалованном отроде... если бы только не боялся повредить хоть волосок на ее маленькой пушистой голове...

Рядом на собственной лошади ехал Борс, помощник шерифа, который не брезговал взяточничеством, воровством и похищениями. Он вез ребенка в отрезе ткани, перекинутой через его грудь. Оглушительный звук, казалось, совершенно его не беспокоил. Хотя, ведь у здоровяка дома осталось шесть или семь детей.

— Ты можешь заставить это замолчать?

— Малыш голоден, — спокойно ответил Борс. — Как только заберем кормилицу, девочка успокоится. Мы доберемся до фермы через час или около этого.

— Может, лучше кормить это прямо из бурдюка?

Борс многозначительно посмотрел на Гэлвина.

— И где мы достанем молоко, когда поедем по той длинной дороге, вдоль которой на много миль нет ни одного поселения?

Гэлвин пожал плечами. Они могли бы выбрать более людную дорогу, которая на много миль уходила на юг, прежде чем снова повернуть на север и запад. Вдоль той дороги ютилось множество городов, деревень, ферм и ранчо. Но это растянет их поездку с двух недель до целого месяца, если не больше. Все же, лучше укоротить путешествие, поехав через бесплодные земли.

Уродливый представитель снова сосредоточился на ребенке, которого забрал из колыбели, после того, как ударил по голове Жульетт.

Гэлвин смотрел на дорогу, размышляя о событиях сегодняшнего утра. Возможно, Жульетт умерла. Борс, определенно, ударил ее достаточно сильно, чтобы убить. Жаль, что Айседоры в доме не оказалось. Если бы обе старших сестры погибли, о Софи больше никому было бы заботиться. Кроме него.

В ней было все, что он хотел видеть в жене. Разумеется, красота. Мягкость, которая, несомненно, превратится в покладистость, как только они поженятся. Сочное тело, обещавшее, что как жена она окажется еще и возбуждающей.

Но главным аргументом для него стали политические связи, о существовании которых она не подозревала. Он получит идеальную жену и место во дворце императора.

Здоровяк, который вез ребенка Софи, добавил:

— Кормилица также позаботится о чистоте ребенка и будет укачивать, когда девочка захочет спать. Или ты хочешь заниматься этим сам?

— Нет, — лаконично ответил Гэлвин.

Поездка в Арсиз в компании с ребенком, Борсом и кормилицей обещает быть долгой. Но то, что ожидает его в конце пути, стоит любых страданий.

Кейн медленно открыл глаза. Что случилось? Только что за окном была ночь, и он занимался любовью с Софи, как вдруг наступило утро, а она стоит склонившись над ним со слезами в глазах.

Когда она успела переодеться и собрать волосы? Куда делась ночь?

Он отбросил все свои вопросы, когда Софи обхватила его лицо ладонями и повторила:

— Слышишь? Гэлвин Фарел похитил Ариану!

Он сел, чувствуя себя странно бодрым. По крайней мере, физически.

— Зачем? Чего он хочет?

— Он хочет меня, — тихо призналась Софи. — Он увез Ариану во дворец в столице и оставил точные указания, что я должна сделать, когда доберусь туда.

— Когда он уехал? — Кейн спрыгнул с кровати и потянулся за своей одеждой. — Возможно, мы поймаем его...

Софи положила ладонь на его руку.

— У нас не получится, — мягко возразила она. — Жульетт сказала, что мы не поймаем его в дороге, которая займет у нас три недели, и...

— Две, — прервал он. — Может, на пару дней больше.

Она покачала головой.

— Нет. Кейн, послушай же. Мне нужно, чтобы ты проводил меня в Арсиз, но как только мы доберемся до дворца, я сделаю то, что требует Гэлвин, и спасу Ариану. Одна.

— Думаешь, я отвезу тебя во дворец императора и просто оставлю там? — он сел на край кровати, чтобы обуться.

— Ты сможешь вернуться к мятежникам. Ты ведь этого хочешь, я знаю. Они никогда не считали тебя предателем, хоть и сочли мертвым, — бесстрастно ответила она.

— Опять Жульетт. — кратко заметил он.

— Да. Она сказала, что твое местоположение выдала провидица, которая была любовницей и советником у генерала Корэнна. Теперь провидица мертва.

— И что ты собираешься предпринять, когда я вернусь к повстанцам? — поинтересовался он.

— Пойду к министру обороны и попрошу у него разрешение выйти замуж за Гэлвина Фарела.

Он покачал головой. Учитывая потерянную ночь, он чувствовал себя великолепно, но слова Софи не имели никакого смысла.

— Зачем тебе спрашивать разрешение у министра обороны?

— Я не знаю, — тихо сказала она.

Он встал, заключил ее лицо в ладони, наклонился и быстро поцеловал.

— Мы поедem в Арсиз, и я обещаю доставить тебя туда меньше чем через три недели. Если хочешь, можешь поговорить с министром обороны, но я убью Гэлвина Фарела, как только увижу. А потом мы заберем Ариану и уедем из того проклятого места. Вместе.

Она закрыла глаза и, казалось, почувствовала облегчение. Что бы она ни говорила, но Софи боялась оставаться одной.

— Кейн, я хочу вернуть своего ребенка.

— Я знаю, Ангел. — Он пристегнул к поясу меч и нож, еще один клинок засунул в правый ботинок. Потом забрал из угла комнаты лук и колчан со стрелами. Фехтовал он лучше, чем стрелял, но Кейн давно понял, что когда приходится браться за оружие, желательно быть готовым ко всему.

— Я пойду на все, чтобы вернуть ее. — В широко распахнутых глазах Софи таился страх, но настроена она была решительно.

— Клянусь, тебе не придется выходить за того жалкого похитителя, чтобы вернуть себе дочь.

Она покачала головой.

— Как Гэлвин связан с министром обороны? Я никогда о нем не слышала, даже не знала о существовании такого звания, но сомневаюсь, что он имеет какое-то отношение к заключению браков.

— Я никогда лично не встречал министра Сулейна, но он, определенно, крепкий орешек, раз все еще жив, хотя служит уже второму императору. У отца Себастьяна была мерзкая привычка избавляться ото всех, кто с ним не согласен, и его сын унаследовал эту черту.

— Министр Сулейн, — повторила Софи, наблюдая, как Кейн собирается в дорогу.

Он умел собираться быстро, за считанные минуты не оставляя в комнате и намека на собственное пребывание. Перед отъездом, нужно купить новую лошадь, поскольку поездка обещает быть слишком длинной, чтобы ехать в одном седле. Все его мысли уже полностью занимало предстоящее путешествие. Какую дорогу выбрать, когда и где остановиться, чтобы дать лошадям передохнуть.

— Думаешь, этот Сулейн знакомый или родственник Фарела? Гэлвин всегда хвастался связями с высокопоставленными людьми и даже с самим императором.

— Возможно, — ответил Кейн, — Хотя насколько я слышал, у Мэддокса Сулейна нет семьи.

Он повернулся к Софи, готовой оставить Шэндли. Мгновение назад она боялась, но была полна решительности. Как вдруг смертельно побледнела, и ее руки задрожали.

— Мэддокс Сулейн?

— Да.

— О, — ее прелестные голубые глаза закатились, и она упала в обморок ему на руки.

Купальня на третьем уровне была у Лианы любимым местом отдыха, особенно когда она приказывала всем удалиться и оставалась в огромном, затихшем зале одна. Она плавала в главном бассейне. Выложенная мрамором заводь была больше, чем ее первая спальня во дворце. Лиана жила в той комнате с пятью другими испуганными девочками, такими же пленницами, как она. И она единственная пережила первый год плена.

Над водой парили шары нежного пламени, отбрасывая мягкий, мерцающий свет на воду, стены и даже немного на высокий потолок. Вокруг плавали цветы, благоухающие и прекрасные. Лиана погладила кончиками пальцев один бархатный белый лепесток, когда тот проплывал мимо.

Она не часто вспоминала о других девочках, хотя в те первые ужасные месяцы они стали ее подругами. Казалось, будто это происходило с каким-то другим человеком. Она больше не позволяла себе такой роскоши, как страх или слезы, а тот перепуганный ребенок, похищенный из родного дома только потому, потому что попался на глаза императорскому солдату, давно умер. Сейчас, оглядываясь назад, все они казались такими наивными детьми. Такими дурочками.

Все они были так уверены, что семьи спасут их из этого ада. Даже Лиана. Хотя знала, что ее отец простой фермер, который понятия не имеет, как сражаться с солдатами императора, братья и сами были еще детьми, а мать не смогла бы бороться за нее, даже если бы не болела. Но Лиана все равно ждала...

Она закрыла глаза и приказала себе выбросить из головы все мысли о том времени. Лиана, которой она стала, ни от кого и ничего не ждала.

— Могу я к тебе присоединиться?

От удивления она со звонким всплеском вынырнула из воды, быстро нащупала ногами дно бассейна, но не стала стоять по пояс в воде, а присела так, чтобы вода касалась подбородка. Боже, она позволила себе настолько забыть, что даже не заметила, как кто-то вошел в комнату! Увидев, кто ее побеспокоил, Лиана расслабилась.

— Министр Сулейн, — произнесла она. В голосе не проскользнуло даже намека на удивление. — Рада видеть вас, как всегда.

Он усмехнулся и начал расстегивать свою темно-красную одежду.

— С чего вдруг ты сегодня столь формальна?

Она глянула на дверной проем. Он не оставил там своих охранников и закрыл дверь. И запер? С ее места невозможно было проверить.

— Мы одни?

Он кивнул, сбросил одежду движением плеч и ступил в воду. Она уже видела его голым, как и он ее, но с тех пор прошли годы. Давно, когда она жила на третьем уровне, он стал ее другом. Именно благодаря ему она выжила. Единственная из всех тех напуганных девочек.

— У тебя есть своя комната для купаний, Мэддокс, — заметила она, подплывая к нему.

— Да, но в ней не плавают красавица.

Лиана вернула ему улыбку. Мэддокс Сулейн стал министром обороны всего в тридцать два года, двадцать лет назад. Он продержался не только семнадцать лет царствования Себастьяна, но и три года изменчивого режима предыдущего императора. Первые несколько лет правления Себастьяна оказались беспокойными. Тогда ему не исполнилось и

тринадцати, еще не мужчина, но уже и не ребенок, за которого все решения приходится принимать советникам. Жрецы, в то время вовсю, старались манипулировать юным императором, но им никогда не удавалось полностью подчинить его себе. Себастьян всегда был упрямым, независимым и не поддавался чужому влиянию.

В те первые годы несколько министров и генералов, вздумавших манипулировать тринадцатилетним правителем, были казнены или сосланы на тринадцатый уровень. Мэддокс оказался слишком умен, чтобы угодить в эту ловушку.

Он был красивым мужчиной, не слишком высоким, но здоровым и всегда ухоженным. В ярких светлых волосах не виднелось ни малейших признаков седины или залысин, а необыкновенные голубые глаза искрились совсем по-юношески. Он всегда проявлял требовательность в своих сексуальных потребностях, и за прошедшие годы его восхищение женщинами ничуть не уменьшилось.

— Как дела? — спросил он приглушенным голосом, когда Лиана оказалась рядом. Во дворце никогда не мешало проявлять осторожность.

— Прекрасно, — так же тихо ответила она. — А у тебя?

— Я жив, — Мэддокс протянул руку и дружески погладил ее по щеке. — Нынче это настоящий подвиг.

Она понимающе кивнула.

— Зачем ты пришел? Правду, Мэддокс.

Он снова улыбнулся. Эта теплая усмешка пленяла сердца по всему Каламбьяну, вокруг глаз образовались красивые морщинки, придавая ему веселый и безобидный вид. Вот только министр Сулейн, определенно, никогда не был безобидным.

— Я уезжаю в Северную провинцию на встречу со своими генералами.

— Когда?

— Утром. Планирую отбыть на рассвете.

— Почему твои генералы сами сюда не приедут?

— Потому что там сейчас идут сражения, и они не хотят покидать солдат.

Из-за стен дворца война больше казалась досадной неприятностью, нежели какой-то значимой проблемой. Но Лиана очень хорошо понимала о существовании реальной угрозы.

— Мятежники не настолько агрессивны, чтобы возникала необходимость присутствия не только четырех генералов, но и самого министра обороны, — возразила она.

— За последние семь месяцев они стали намного энергичнее и гораздо организованнее. Лиана покачала головой.

— Убей Эрика и от революции ничего не останется.

Он снова улыбнулся ей.

— Раз ты такой эксперт в войне, наверное, следует сделать тебя генералом.

— Мэддокс, оставь свою снисходительность. Эрик — движущая сила этого безобразия. Убей его, и мятежникам не за что будет бороться.

— Мы бы его убили, если б смогли найти, — он отвел прядь влажных волос с ее лица, нежно, но без сексуального подтекста. — Боюсь, мятежники превратились в нечто большее, чем легкая неприятность. Месяц назад они победили армию, превосходящую их по численности. И что совсем неслыханно — поймали и убили ясновидицу, с которой советовался генерал Корэн, а теперь еще и захватили Северный дворец.

Она выскочила из воды, встав в полный рост.

— Что? Император знает?

Мэддокс схватил ее за руку и потянул вниз.

— Нет, — прошептал он. — Себастьян знает только то, о чем я ему рассказываю, но если я доложу, что Эрик захватил Северный дворец, император велит отрубить мне голову. Или придумает еще чего похуже. К моему возвращению, дворец снова окажется во владении императора, поэтому нет никаких причин вообще ему что-то говорить.

Если она сообщит Себастьяну об этом предательстве — а удержание столь важной информации, несомненно, было серьезным предательством — то Мэддокса или казнят, или сошлют на тринадцатый уровень. Зато она, поделившись столь важными сведениями, приблизится еще на шаг к тому, чтобы стать единственным другом Себастьяна. И к убийству этого ублюдка.

— Тогда, желаю удачи, — тихо ответила она. — Все это очень интересно, но совсем не объясняет, зачем ты пришел сюда.

— За женщиной, разумеется, — сказал он. — Я хочу как следует отдохнуть перед долгим путешествием.

— Тебе нужна какая-то конкретная?

На мгновение его голубые глаза сверкнули, и он подмигнул ей, но Лиана знала, что это лишь поддразнивание. Они были друзьями, не любовниками. Те времена давно прошли.

— Выбери мне кого-нибудь сама.

— Значит, какую-нибудь ненасытную, — улыбаясь, предположила она.

Неожиданно, он по-дружески поцеловал ее в лоб.

— Лучше двоих.

Она рассмеялась, а Мэддокс поплыл к лестнице бассейна.

— Если ты когда-нибудь решишь удалиться со своего поста, я буду рада заполучить тебя в качестве Мастера третьего уровня.

— Ах, это мое истинное призвание, — отозвался он, поднимаясь по ступенькам. Влажные мускулы поблескивали в свете огней.

Министр Сулейн был грозным генералом и уважаемым министром. Он хорошо понимал войну, интеллектуально и эмоционально, генералы его обожали, и он умел обращаться с Себастьяном.

Наверху лестницы он обернулся, взял пушистое полотенце и начал вытираться, наблюдая за ней. Он уже был впечатляюще твердым. Да, даже в своем возрасте из него вышел бы прекрасный Мастер третьего уровня.

Мэддокс никогда не был женат. Он не рассказывал ей почему остался холостым, когда любая женщина с радостью согласилась бы стать его женой, но Лиана не возражала против того, что он не раскрывает все свои секреты. Возможно, он не женился, потому что не сумел бы хранить верность какой-то одной женщине. Когда хотел, он наслаждался множеством женщин, слишком часто, чтобы связать себя с одной-единственной. С другой стороны, может когда-то он испытал большую любовь, и они расстались, или она вышла за другого. Нет, такое маловероятно. Она никогда не встречала человека, который горевал бы меньше, чем Мэддокс Сулейн.

Лиана тоже подплыла к лестнице. Она выберет для Мэддокса двух женщин, а потом отправится спать. Сегодня вечером она уже навестила Себастьяна, и он ее отпустил.

— Уверена, что у тебя все в порядке? — тихо спросил он.

— Конечно. — Лиана протянула руку, не к Мэддоксу, а к собственному полотенцу, и аккуратно высушила свою кожу. — У меня есть все, что только может пожелать женщина.

Слуги, одежда, вкусная еда и роскошная спальня. — Она указала на бассейн позади нее. — Это и многое другое, а взамен я делаю не больше, чем любая жена для своего мужа.

Мэддокс удивил ее, наклонившись и поцеловав в щеку. А потом прошептал ей в ухо:

— Он не в своем уме, Лиана. Возможно, никогда и не был, но ему становится хуже. Ты так близка к нему и, наверняка, это заметила. Будь осторожна.

Она затаила дыхание. Если утаивание сведений о захвате Северного дворца не было изменой, то это уж точно было.

— Пришли мне трех, — добавил он, уходя прочь.

— Трех?

— Трех женщин, но только не новеньких.

Хотя министр миновал тот возраст, когда мог получить удовлетворение три раза за столь короткий промежуток времени, он проследит, что бы все три леди остались полностью довольны. Мэддокс всегда получал огромное удовольствие от сексуального наслаждения своих партнерш, не меньшее, чем от своего собственного.

— Уверена, три леди заставят тебя моментально уснуть.

Он оделся и вышел из комнаты раньше, чем она успела облачиться в свой красный наряд. Лиана не спеша расчесала волосы и разгладила складки на платье.

Потом отправилась в жилые комнаты третьего уровня и выбрала трех энергичных девочек для Мэддокса: высокую, низенькую и пухлую. Все они обожали Мэддокса и были счастливы, что выбрали именно их. Он пустится в дорогу полностью удовлетворенным, как и желал.

Оттуда Лиана пошла в свои покои. Она была единственной любовницей императора, имевшей собственную спальню. Она заработала ее, так же, как заработала все остальное, что называла своим.

Комната была отделана в серебряных и синих тонах, также как спальня Себастьяна, и украшена с минимумом женских безделушек. Роскошью тут служили мягкий матрас, зеркало во весь рост, туалетный столик с расставленными на нем маслами и бальзамами, обитый тканью стул с подушкой такого же цвета, теплое одеяло на зиму и тонкое для лета. Пол, разумеется, был каменным, но на нем повсюду лежали роскошные коврики, чтобы ее босые ноги никогда не ступали на холодные плиты. Ее одежда заполняла не один, а целых два массивных шкафа. Один предназначался только для темно-красных нарядов всевозможных фасонов и тканей.

Если бы Лиана пожелала, чтобы слуга помог ей подготовиться на ночь, то тот явился бы по первому ее зову. Но сегодня, как и в большинство других ночей, она предпочла остаться в одиночестве.

Она надеялась заснуть сразу, но ничего не получилось. Мысли продолжали вертеться вокруг планов и тайн, воспоминаний и перспектив на будущее. Лиана металась в кровати, спя урывками, слишком короткими чтобы выспаться, и встала еще до рассвета.

Окно оставалось открытым всю ночь, чтобы впускать ночной воздух, Лиана подошла к нему и выглянула на раскинувшийся внизу город. Она очень долго не покидала дворец, поэтому город был для нее совсем чужим. Она выжила здесь, но сильно сомневалась, что сможет уцелеть там.

Лиана глубоко вздохнула и задержала дыхание. На первом уровне не бывало свежего ветерка. Специальные машины непрерывно размахивали опахалами, чтобы пригнать воздух к покоям императора, но он сильно отличался от того, который она вдыхала, высунувшись из

окна. Несколько раз, теплыми ночами, ей удавалось уговорить императора прийти к ней, чтобы когда они прижимались друг к другу телами, жар не казался столь удушающим. Однако, не этим летом. Прошло уже больше года, с тех пор как он приходил в ее спальню.

Когда он навещал ее тут, то часто поглядывал на окно, словно солнце могло появиться на ночном небе и исполнить пророчество волшебника. И его не успокаивало, что окно было тщательно закрыто плотными занавесками, сейчас распахнутыми навстречу воздуху.

Неужели действительно лишь вопрос времени, прежде чем Себастьян прикажет заложить кирпичом все до единого окна во дворце? Но тогда это место станет почти непригодным для жилья, даже с огнями и опахалами, работающими благодаря установленному на одиннадцатом уровне устройству. Нет, такого не случится. Мэддокс ошибается, император не сумасшедший. Он жестокий и безжалостный, но его поступки не безумны.

Лиана стояла у окна, размышляя и наслаждаясь свежим воздухом, пока не увидела Мэддокса, отъезжавшего вместе со своей свитой. Они восседали на самых сильных и быстрых лошадях, его охраняли самые прекрасные мужчины. Она наблюдала, как министр храбро и неторопливо едет по городу.

Мэддокс Сулейн был единственным человеком в этом мире, которого она называла другом. Если бы не он, она бы давно умерла. Он научил ее выживать, помог стать женщиной, способной оставаться на верхних уровнях. На третьем уровне Мастера открыли для нее удовольствия, показали как получать его самой и дарить мужчинам, которых она развлекала. Зато Мэддокс научил отделять любовные фантазии юной девочки от секса. Именно он объяснил ей, что тело — это такое же оружие, как любое другое, и если она научится правильно его использовать, то останется жива.

Мэддокс подсказал ей, как стать необходимой. Она превратилась в настоящее олицетворение третьего уровня — падшую женщину и источник наслаждения. И она никогда, ни на миг не путала секс с любовью.

Иногда она сожалела, что солдаты ее не убили, а привезли сюда, но только не сегодня. Сегодня у нее была цель. Цель настолько важная, что ничто не могло сбить ее с пути или остановить.

— У меня нет выбора, — прошептала она, следя за удаляющимся Медоком.

День прошел как обычно. Лиана занимала на третьем уровне важную должность. Старая карга неплохо управляла имуществом и многочисленными слугами — большей частью молодыми девочками — обучающимися стать любовницами с единственной обязанностью угождать и развлекать. От Лианы же ожидали личного присутствия, чтобы при необходимости давать указания и распоряжения. Другие девочки боялись ее или завидовали ей, поэтому среди них она не могла бы найти подруг. Но она внимательно следила, чтобы они понимали те истины, которые когда-то спасли ее саму.

После полудня она немного вздремнула. Сегодня вечером Себастьян ожидал ее прихода, и ему не понравится, если она явится сонной и с темными кругами под глазами. Да, она должна поговорить с ним, но поскольку Мэддокс уже уехал, то можно не спешить. Сегодняшний вечер как раз подойдет.

Она не позволяла себе думать, что попросту дает Мэддоксу возможность отъехать подальше от Арсиза, чтобы Себастьян не отправил за ним погоню.

Лиана начала готовиться к вечеру с императором и решила надеть сегодня не красное, а темно-зеленое прозрачное платье. Зачем притворяться, будто она идет в его спальню не для

секса, а по какой-то другой причине? В дополнение к зеленому наряду она украсила шею золотыми цепочками разной длины, вдела в уши изысканные золотые кольца и закрепила волосы золотым венком.

Сегодня она могла не торопиться. Этим вечером Себастьян собирался встретиться с женой, в надежде зачать ребенка. Рикка пробыла императрицей два года, но так и не забеременела. Терпение Себастьяна висело на волоске. Его первая жена продержалась почти четыре года, вторая — три, а третья и того меньше. Время Рикки истекало, если только она не предоставит императору причину сохранить ей жизнь.

Рикка не задержится в спальне мужа дольше, чем необходимо, и Лиане предстояло дожидаться, когда Себастьян будет готов принять ее.

Закончив с приготовлениями, Лиана выпила эликсир, который всегда держала возле кровати. Все сексуально активные женщины на третьем уровне ежедневно принимали это зелье, чтобы не заполнить дворец ублюдками. Себастьян страстно хотел получить наследника и так же отчаянно нуждался в том, чтобы тот был законным. В конце концов, он отрицал право Эрика на трон на том основании, что его мать жила на третьем уровне.

Его ребенок не мог быть потомством шлюхи.

Лиана пила эликсир долгие годы и ничуть не сомневалась, что уже никогда не сможет иметь ребенка. Ее месячные были настолько короткими и нерегулярными, что порой пропадали на многие месяцы. Она никогда не родит ребенка, и хотя дети ее не интересовали, и она никогда не мечтала стать матерью, это была еще одна причина ненавидеть Себастьяна.

Она внимательно изучила свое отражение, выискивая недостатки во внешности. Губы сегодня выглядели слишком бесцветными, поэтому Лиана подкрасила их помадой. Еще раз расчесала волосы, поскольку Себастьян всегда ожидал, что ее прическа будет для него безукоризненной.

Лифт нес ее на первый уровень. До приезда сюда она и понятия не имела о существовании столь хитроумного изобретения. Во дворце императора имелось много чудес. Свет, который исходил не из пламени, а из стеклянных жезлов, приводимых в действие шумной машиной на одиннадцатом уровне. Работавшие при помощи все той же машины лифт, позволявший путешествовать от десятого уровня до первого, и опахала, сделавшие первый уровень пригодным для жилья.

Она вышла из лифта, очутившись перед тремя хорошо знакомыми стражами: двумя молодыми и одним довольно старым. Все они были одеты в изумрудно-зеленые униформы и хорошо вооружены. Лиана улыбнулась и широко раскинула руки. Прозрачное платье ясно показывало, что она не вооружена.

Тэнэли, один из юных стражей, дослужившихся до важного положения, настоял на том, чтобы тщательно осмотреть ее, заставил повертеться вокруг себя и похлопал по местам, где и так было совершенно очевидно, что она ничего не скрыла.

— Ты действительно думаешь, что меня необходимо обыскивать? — улыбаясь поинтересовалась она.

— Это приказ императора Себастьяна, — ответил Тэнэли. — Мы даже императрицу обыскиваем, когда она к нему приходит, — он указал на закрытую дверь.

— Она все еще там? — спросила Лиана.

Он кивнул.

Лиана старательно прислушалась, но за дверью было тихо.

Ослепительно улыбаясь, она обернулась к молодому стражу.

— Ты осматриваешь императрицу так же внимательно, как меня?

Он продолжал пялиться на ее груди.

— Гм, конечно.

— И почему я в это не верю? — она подошла к молодому солдату ближе, и тот вспыхнул. — Ты наверняка бегло похлопываешь ее тут и там, но никогда не лапаешь за грудь. И я даже представить не могу, чтобы ты просил ее раздвинуть ноги и просовывал между ними свои неуклюжие руки.

Он покраснел еще сильнее, и его левый глаз задергался.

— Ну, она же императрица.

Лиана глубоко вздохнула. За последние шестнадцать лет она пережила трех императриц.

— Подумаешь, — тихо пробормотала она, прежде чем обернуться и рывком распахнуть дверь спальни Себастьяна.

Она надеялась застать их в постели, но, похоже, они уже закончили. Императрица застегивала платье, а голый Себастьян лежал на кровати со скучающим выражением на лице.

Когда Лиана ему улыбнулась, его лицо прояснилось.

— Я устала ждать, — не обращая внимания на Рикку объяснила она и направилась к Себастьяну.

— Ты никогда не отличалась терпением, — император протянул к ней руку. — Я рад, что ты здесь. Обязанности выполнены, и пришло время побаловать себя одним из моих многочисленных истинных удовольствий.

Лиана попыталась притвориться, будто не заметила как Рикка бросила в ее сторону яростный взгляд. Фактически, она приложила все усилия, чтобы полностью игнорировать девочку. Рикка действительно влюблена в Себастьяна? Если так, то она дура.

Закончив одеваться, императрица быстро направилась к двери, высоко подняв голову и распрямив спину. Но добравшись туда, остановилась и повернулась лицом к кровати. Лиана сидела возле Себастьяна, протянув руку к его голой груди. Он рассматривал скудно одетое тело Лианы, а его физический отклик оказался именно таким, как она надеялась.

— У меня снова перехватывает из-за тебя дыхание, — прошептал он. Он обхватил прохладной ладонью одну грудь и поддразнил сосок, ясно видимый сквозь прозрачную зелень. Лиана приникла головой к его плечу и прижалась губами к шее.

— Я заслуживаю уважения, — негромко заявила Рикка.

Вздохнув, Себастьян посмотрел на жену.

— Что ты сказала?

— Я сказала...

— Ты не видишь, что мы заняты? — нетерпеливо прервала Лиана, подняв голову и впившись взглядом в императрицу. Ей не нравилась эта глупая девочка, но если Рикка начнет возмущаться и выдвигать Себастьяну требования, то очень скоро окажется на тринадцатом уровне вместе со своими предшественницами, если кто-либо из них еще остался в живых. Себастьян опять начнет поиски новой подходящей невесты из именитых семей Каламбьяна. Этот поиск всегда оказывался таким утомительным и скверно сказывался на его настроении. Сейчас эти осложнения ей ни к чему. Не теперь, когда она так близка к достижению всех своих желаний.

Императрица выбежала из комнаты, и один из стражей закрыл за ней дверь.

Лиана легла на кровать рядом с Себастьяном и приблизила рот к его уху.

— Я рада, что она ушла, — шепнула она.

— Я тоже, — Себастьян запустил пальцы в ее волосы и крепко сжал. — Если она не забеременеет в течение месяца, я избавлюсь от нее. Потом поеду в...

Лиана прижала пальцы ко рту Себастьяна.

— Не хочу говорить о ней, и не хочу, чтобы ты о ней говорил. Она ничего не значит, а ты — молодой, зрелый мужчина, у которого есть еще много-много лет, чтобы произвести наследника.

Он отвел ее волосы назад и поцеловал в горло.

— Ты, конечно, права. Ты всегда права. Боже, ты сегодня так прекрасна!

Она вздохнула и улыбнулась, но прежде, чем Себастьян успел перейти к дальнейшим действиям, обхватила его лицо ладонями и посмотрела ему в глаза.

— Я должна рассказать тебе кое-что очень важное. — Слова, которые она собиралась произнести, застревали в горле. Она убивала предателей, шпионила за людьми, верившими, что она о них заботится, использовала мужчин для удовольствия и позволила им использовать ее. Какое значение будет иметь еще одна подлость?

На третий день пути Софи начала плакать. Слезы полились совершенно внезапно. Сначала беззвучно, потом с рыданиями и снова беззвучно. Беспрестанные, горькие слезы. Кейн умел обращаться с мечом и ножом, знал, как выживать за счет земли, как бесшумно подкрасться к врагу и убить без единого шороха. Но он понятия не имел, как ободрить женщину, до боли желавшую вернуть своего ребенка.

Она проплакала большую часть недели, но всякий раз, когда Кейн предлагал остановиться, отказывалась. Они останавливались во встречах городах, чтобы купить провизии, давали лошадям передохнуть и устраивали перевал тут и там, чтобы немного поспать.

Но из-за разбитого сердца Софи они ни разу не задержались даже на пять минут.

Ее женский цикл немного замедлил их путешествие, хотя она пыталась не допустить этого. Однако в течение нескольких дней им часто приходилось останавливаться ради женских дел, о которых Кейн ничего не хотел знать. Из-за этих задержек Софи, похоже, сердилась на собственное тело, будто то ее предало.

На первый взгляд, Софи Файн казалась хорошенькой девочкой, которой суждено всю жизнь провести под чьей-то защитой. Сейчас сестер, потом заботливого мужа или внимательного любовника, раз уж она утверждала, что не собирается выходить замуж. Но за ее голубыми глазами, красивым лицом и соблазнительным телом — за слезами — в ней скрывались стальной стержень и решительность солдата. Она оказалась таким же воином, каким когда-то был он.

Кейн пытался убедить себя, что его любовь к Софи — это лишь иллюзия, порожденная жалостью, сочувствием и сексуальной неудовлетворенностью. Как только она вернет ребенка, и он проведет ночь в ее постели, эта нездоровая потребность заботиться о ней, утешать и никогда не отпускать пройдет. Должна пройти.

Софи полагала, что министр Сулейн — ее отец, хотя Кейн все еще в этом сомневался. Ее доказательства звучали неубедительно: общее имя и требование Гэлвина Фарела представиться Сулейну по прибытии в город. Она сказала, что узнает правду, встретившись с министром лицом к лицу. По-видимому, мать говорила ей, что у нее отцовские глаза.

Если Софи действительно дочь министра Сулейна, то это объясняло внезапную заикленность Фарела на Софи. Для честолюбивого торговца женитьба на дочери столь уважаемого и высокопоставленного человека, несомненно, станет большим шагом вперед.

Софи заслуживала лучшего, чем брак во имя амбиций.

— Уже можно остановиться на ночь, — объявил Кейн. Софи, как порой бывало, обогнала его на дороге. Она часто подстегивала свою кобылу, устремив глаза на горизонт, словно ожидала, что перед ними вот-вот предстанет дворец императора.

— Не сейчас, — не оглядываясь ответила она. — У нас еще есть время до темноты.

При таком темпе, чтобы добраться до столицы, им потребуется не меньше еще одной недели, но уж точно не полные три, как предсказала Жульетт. И хотя Кейн не был готов верить каждому слову ведьмы, он постоянно оставался настороже, выискивая неприятности, которые могли вызвать задержку. Пока поездка проходила без приключений. Возможно, Жульетт просто ошиблась.

— Тут неподалеку есть хорошее место для лагеря, — объяснил он. — Пища для

лошадей, маленькая пещера для нас. — Он глянул на серое небо. — Стемнеет меньше чем через час, и сегодня вечером пойдет дождь.

Софи тоже посмотрела наверх с таким видом, будто небеса ее обманули.

— Из-за погоды нам придется двигаться медленнее, да?

— Возможно.

— Это задержит нас на целую неделю?

— Вряд ли, — даже если дождь окажется сильнее, чем обещало мрачное небо, то он, без сомнений, задержит их лишь на день-два, не больше.

Софи не говорила ни слова о пропавшей Ариане, но он видел муку на ее лице. Если бы мог, Кейн с радостью принял бы ее боль на себя.

Его собственные физические страдания уменьшались с каждым днем. Мигрени все еще иногда накатывали, но уже не были столь интенсивными, как поначалу, и проходили быстрее. Боль, которую он сейчас испытывал, очень походила на ту, что одолевала Софи. За прошлые несколько дней она обосновалась в его груди, засела там, подобно тяжелому камню. Он едва знал свою дочь, тогда, как же могло случиться, что ее потеря так ранила? Кейн пытался не обращать внимания на свои чувства, сосредоточился на заботе о Софи и утешении ее печали. Это было легче, чем признаться в собственном неожиданном горе.

Он проследит, чтобы Гэлвин Фарел умер за то, что сделал. Только эта мысль и поддерживала его изо дня в день.

Когда они достигли места разбивки лагеря, Софи извинилась и ушла сполоснуть лицо в пруду, пока Кейн расседлывал лошадей. Он знал, что она собирается там поплакать. В последние дни она старательно сдерживалась, видя, что он наблюдает за ней, но когда ненадолго оставалась одна, ее глаза потом всегда были красными, а лицо опухшим сильнее, чем прежде.

Кейн хотел остановить Софи. Хотел обнять и заверить, что все будет хорошо, успокоить простыми прикосновениями. Не поцелуями, не сексуальными ласками. Он просто хотел сжать Софи в объятиях и забрать ее боль, хотя для него это желание было совершенно незнакомым. И он сомневался, что оно ему нравится. За всю свою жизнь он никогда не испытывал такой беспомощности.

Но все-таки он не остановил Софи, а позволил уйти к водоему и выплакаться.

Кейн же тем временем строил планы мести. Нет, правосудия. Он хотел убить Фарела не только за то, что тот забрал Ариану, хотя одно это уже было достаточной причиной. Кейн хотел заставить его страдать так же, как страдала Софи.

Возможно, она не останется его женщиной навсегда. Их разделяло слишком много препятствий, чтобы даже мечтать о совместной жизни, но она была его женщиной сейчас, а значит, он имеет полное право защищать ее от мужчин вроде Фарела.

Он только закончил расседлывать вторую лошадь, когда услышал вскрик. Короткий и резкий, будто Софи начала звать на помощь и внезапно остановилась. Кейн побежал к пруду. Может, она увидела змею или испугалась какой-то другой дикой твари. Поблизости не осталось ни одного поселения и прошло уже больше двух дней, как они перестали встречать других путников. В этих местах людям нечего было делать. И все же, тот крик звучал испуганно. Все стихло.

— Софи? — позвал он.

Тишина встревожила его куда больше, чем резкий возглас, и он побежал быстрее.

— Софи! — он прорвался сквозь высокую траву, добрался до края водоема и глянул

вниз. По некогда неподвижной воде пробежала легкая рябь. Кейн обернулся, острым взглядом осматривая местность. Софи не могла просто исчезнуть, неважно ведьма она или нет.

Его сердце начало биться чаще, дышать стало труднее. Он бывал в сражениях, терял любимых, смотрел в лицо смерти. Но никогда не боялся так, как сейчас, когда внезапно обнаружил, что необъяснимым образом остался у пруда один, а на воде растаяли последние волны.

— Софи!

Озадаченная Софи открыла глаза. Вокруг было темно, и она не могла пошевелиться, поскольку оказалась связана по рукам и ногам. Она лежала на плоском, твердом и холодном камне, и пока к ней возвращалось сознание, поняла, что видеть ей мешает закрывающая глаза полоска мягкой ткани.

Она помнила, как плескала на лицо прохладную воду, потом обернулась и оказалась перед широкой, обнаженной грудью. Софи закричала, но большая и определенно мужская рука сунула ей под нос что-то душистое. А потом... ничего.

Софи застонала. Это не правильно. Сейчас она должна ехать за своей дочерью. Каждая минута, проведенная без Арианы, казалась слишком долгой.

Глубокий, приятный голос произнес:

— Я уж думал, ты никогда не проснешься.

Софи повернула лицо по направлению к голосу. Ей следовало испугаться, но в настоящий момент для страха у нее не оставалось ни времени, ни терпения.

— Кто ты? Что ты сделал? Кейн не позволит тебе причинить мне вред, поэтому немедленно меня отпусти. И когда он нас найдет, возможно, я смогу убедить его не делать тебе больно. — Она пыталась казаться уверенной. Когда он нас найдет. Не «если». Ни в коем случае не «если».

Софи ахнула, когда мужчина резко поднял ее в сидячее положение, прижал нос к ее шее и сделал долгий, глубокий вдох. Она ничего не могла видеть, но, определенно, чувствовала его близость и дыхание.

— Прекрати!

— Возможно, ты не та, — заявил ее похититель. Сквозь его глубокий, бархатный голос, словно мед, просачивалось разочарование. — Когда я унюхал твое приближение, то решил, что ты она, но я мог ошибиться.

— Ты унюхал мое приближение?

— Два дня назад.

Да, с тех пор, как она уехала из дома, купание занимало не высокое место в списке ее приоритетов, но откровенно говоря... Софи была оскорблена.

— Сейчас я сниму с твоих глаз повязку, — сказал похититель. — Не бойся.

Софи кивнула, и он начал развязывать шелковистую ткань. В любом случае, она должна не растеряться и убедить этого человека сейчас же освободить ее. Кейн, наверняка, сходит с ума. Как давно ее похитили? Минуты или часы прошли с тех пор, как она плескала на лицо прохладную воду, чтобы скрыть слезы?

В глаза ударил солнечный свет, ответив на этот вопрос. Часы. Когда она пришла к водоему, близилась ночь. На вечер Кейн предсказал дождь, и до сих пор он ни разу не ошибся в своих прогнозах. Сейчас не было ни дождя, ни туч, только солнце и голубое небо.

Софи моргнула один раз, второй, затем остановила взгляд прищуренных глаз на похитившем ее мужчине. Когда он схватил ее, все случилось так быстро, что она успела увидеть лишь его грудь и большую руку. Теперь, получив возможность разглядеть его целиком, она поняла, что он оказался еще крупнее, чем она думала. Он был широкоплечим и, несомненно, выше шести с половиной футов ^[4]. А еще весьма мускулистым, что трудно было не заметить, поскольку он носил лишь... короткую клетчатую юбку, похоже, сделанную из шкуры коричневого животного. Странно, но его угловатое лицо было чисто выбритым.

А может, он и не брился. На его широкой, мускулистой груди волос тоже не было, наверное, они не росли ни там, ни на челюсти. Он, определенно, не походил на человека, который провел утро перед зеркалом в заботе о своей внешности.

Его лицо, резкое и мужественное, в то же время было красивым: с полными губами и носом прекрасной формы. Хотя на его лице и груди отсутствовала всякая растительность, волосы на голове были такими же длинными, как у нее, и почти такими же светлыми, хотя и более золотистыми. Они свисали неопрятными, запутанными прядями по плечам и закрывали половину лица.

Его глаза, глубокого, потрясающе золотистого цвета, казалось, видели ее насквозь. В них не отражалось ни страха, ни беспокойства о том, что Кейн или кто-либо еще сумеет их здесь найти.

— Я не могу тебя освободить, пока не удостоверюсь, что ты не та.

Ее сердце замерло.

— Разумеется, можешь. Я никому не расскажу о тебе. Откровенно говоря, у меня совсем нет времени. Я должна как можно скорее добраться до столицы. — Знает ли этот дикий человек о том, что такое сочувствие? Если да, то он не станет удерживать женщину вдали от ее ребенка. — У меня есть ребенок, — объяснила она.

— Я знаю. — Он принялся к воздуху вокруг нее. — Я чувствую в тебе запах молока и страха.

Ее нижняя губа задрожала.

— Ариану похитили больше недели назад, и я собираюсь ее вернуть.

— Мужчина, который с тобой путешествует, кто он?

— Отец ребенка, — ответила Софи, — Он придет за мной. Если ты меня отпустишь, я могу встретить его и увести от тебя.

— Я не боюсь с ним встретиться.

Софи посмотрела на большие, покрытые рельефными мускулами руки своего похитителя. Да, он не из трусливых, предположила она.

Если страх не способен его мотивировать, возможно, это сделает дружба.

— Как тебя зовут?

— Рин.

— Я Софи. Пожалуйста, развяжи меня. Вряд ли я смогу от тебя сбежать, даже если попытаюсь.

Рин согласился с разумностью этих слов и начал развязывать узлы на ее лодыжках. Он воспользовался не грубой веревкой, а чем-то почти шелковистым. Выходит, он тщательно спланировал свое преступление. Он должен убедиться, что она не та? Что он имел в виду?

— Чем ты воспользовался, чтобы меня усыпить? — спросила она, когда Рин повернул ее спиной к себе и начал развязывать узлы на запястьях.

— Почему ты спрашиваешь? — для такого дикого на вид существа, он разговаривал

слишком культурно.

— Если не ошибаюсь, ты прижал к моему носу какой-то лист, и я тут же потеряла сознание. Я интересуюсь растениями и их свойствами. — Все еще сидя, Софи повернулась к нему лицом. Она потерла запястья, задумчиво изучая его мужественное лицо. Испугается ли он правды? — Я ведьма.

— Знаю. — Он встал, обхватил своей большой рукой ее запястье и помог Софи подняться на ноги. — Я чувствую на тебе запах ремесла.

Софи попыталась резко выдернуть руку, но потерпела неудачу.

— Может, ты уже прекратишь упоминать о том, как я воняю! Я путешествовала, и, разумеется, у меня не было времени, чтобы принимать по пути ароматные ванны.

Его губы изогнулись в полуулыбке.

— Я сказал, что ты пахнешь, а не воняешь. Это, знаешь ли, разные вещи.

— Листок, — кратко напомнила она. — Что это было за растение?

Он сунул руку в висевшую у него на талии маленькую сумку, сделанную из шкуры животного, и вынул лист странной формы. Тот оказался маленьким, блестящим и насыщенно-зеленым.

— Говорят, дерево тэнни растет только в северных горах. Возможно, поэтому ты никогда о нем не слышала. Если сломать лист и вдохнуть аромат, это вызовет краткую потерю сознания.

— Краткую? Я проспала всю ночь!

— На разных людей растение действует по-разному.

Склонившись к его руке, Софи изучила невинный на вид листочек, даже протянула руку и осторожно коснулась грубого края. Потом резко выхватила у Рина лист, сломала двумя пальцами, и сунула ему под нос.

Он улыбнулся, забрал у нее сломанный листок и выбросил.

— Листья тэнни не действуют на энвинцев.

Кейн вел за собой лошадей, изучая следы. Он отстал от Софи и похитившего ее человека на несколько часов и был совершенно не способен выслеживать их ночью. Тогда как они продолжали от него удаляться.

Долгое время он находил следы лишь одной пары ног. Расположенные на длинном расстоянии друг от друга отпечатки голых, крупных ступней, вели от края водоема к северным холмам. Легкий ночной дождь замедлил его продвижение, но не остановил и не уничтожил следы полностью.

Прежде чем пойти дальше, Софи и похититель сделали передышку на скалистом выступе, и, начиная с этого места, отпечатков ног стало двое. Кейн не обнаружил признаков насилия, но это ничуть не умерило его тревогу. Если бы не те два года, что он прослужил в разведке у мятежников, то ни за что не смог бы сейчас идти по этим следам.

Всего несколько недель назад он считал Софи лишь сном и даже не подозревал о существовании Арианы. Теперь же ему казалось, что без них он станет ничего не стоящим, бесполезным человеком. Он уже потерял все... и не мог потерять еще и их.

Он глянул на безоблачное небо. Прошлой ночью дождь быстро пронесся дальше. Сейчас они с Софи могли бы хорошо продвинуться по пути к столице. Вместо этого он направлялся в дикие земли... прочь от дворца и своей дочери.

Вдали показались горы, голубые, серые и суровые. Даже с такого расстояния они

выглядели бесконечно высокими. В таких краях мужчина мог скрываться годами, а женщина — исчезнуть навсегда.

Земля постепенно делалась более каменистой, и выискивать следы становилось все сложнее. Он едва не запаниковал, подумав, что может вообще их потерять. Если такое случится, как он должен поступить? Продолжить поиски в горах или направиться в Арсиз, чтобы спасти дочь? Нет, Бог, несомненно, не заставит его выбирать.

Как раз когда он едва не оставил всякую надежду, Кейн увидел это: цветное пятно, не вписывающееся в окружающий пейзаж. Он побежал к нему и заулыбался, увидев лоскуток желтой ткани. В день похищения Софи носила желтую блузу, заправленную в коричневые брюки. Разорванная ткань могла бы обеспокоить его, если бы не была завязана аккуратным маленьким бантиком.

Он посмотрел вниз и в грязи, под ногами, увидел метку. Бороздку, возможно, сделанную каблуком ботинка.

Нацарапанная на земле стрелка указывала на север.

— Моя девочка, — тихо сказал Кейн, вскочил в седло и направился в подсказанном направлении.

— Пожалуйста, — уже не в первый раз взмолилась Софи — отпусти меня.

— Я еще не решил, как с тобой поступить.

От этих сухих слов вдоль по позвоночнику пронесся озноб.

— Тебе никак не нужно со мной поступать, только освободить, — сказала она.

Рин тянул Софи за шелковую веревку, которой снова связал ее запястья. Он простил ей неудавшуюся попытку усыпить его листом дерева тэнни, но все еще таил недовольство из-за того, что потом она дернула его за волосы и попыталась сбежать.

Глупый поступок.

Она никогда не выезжала за пределы Шэндли и горы Файн, а окружающий ее сейчас пейзаж сильно отличался от привычного. На севере их ждала внушительная цепь гор. На западе простирались плоские, безжизненные и, казалось, бесконечные равнины.

Она слышала о бесплодном сердце Каламбьяна, о жестких землях, столь недружелюбных к фермам и ранчеро, что ни одно поселение не продержалось здесь больше нескольких лет. А за последнюю сотню лет никто даже не пытался сделать сердце страны пригодным для жилья. Земля тут действительно была твердой. Суровой и неприветливой, но чего Софи совсем не ожидала — в то же время по-своему великолепной.

Она уставилась на спутанные волосы Рина. Какая магия освободит ее? Сердечное пожелание, традиционные чары... она не могла решить. Ей следовало чаще и более старательно учиться у Айседоры. Софи не знала заклинание, которое помогло бы ей в такой ситуации.

Если Жюльетт не сумела остановить Гэлвина, то каковы шансы у Софи? Сестры никогда не изучали колдовство, способное защитить от насилия, поскольку не предполагали, что у них возникнет такая необходимость.

— Твой аромат все еще дразнит меня, словно ты — она. И время пришло.

— Время для чего? — резко спросила она.

— Ты задаешь слишком много вопросов.

— Так может, тебе стоило похитить кого-то другого!

На сей раз Рин проигнорировал ее замечание.

Слезы обожгли ей глаза. Когда Жульетт предупредила, что ехать одной небезопасно, она должна была высказаться конкретнее. Когда она предсказала, что поездка займет три недели, а не две, ей следовало присмотреться получше и узнать почему. Предостережение об огромном, упрямом энвинце весьма бы пригодилось.

Но Жульетт предупредила бы, если б увидела. Софи это знала. И все же...

— Ты слишком много плачешь, — бесстрастно заметил Рин, почувствовав ее состояние, даже не оглядываясь.

— Я не нуждаюсь в критике от... от... существа, которое меня похитило.

Рин обладал настоящим даром ее игнорировать.

— Твои чувства всегда лежат на поверхности. Они словно трепещут прямо на коже, вместо того, чтобы затаиться в глубине души, как им положено.

— Рассуждаешь как человек, который понятия не имеет, что такое чувства, — пробормотала Софи.

— Они тебя ослабляют, — продолжил он. — В твоих переживаниях есть сила, но ты теряешь ее с каплями воды, вытекающими из глаз. Тебе следует научиться удерживать ту силу и выплескивать ее более полезным способом. Я тебе помогу, — тихо добавил он.

— Я не хочу твоей помощи и не нуждаюсь в ней, — возразила Софи, гнев осушил глаза.

Рин не обратил не ее слова никакого внимания, и они продолжили неуклонно двигаться вперед. Неужели длинные ноги этого человека никогда не болят? И он не нуждается в пище, воде или отдыхе? Он двигался с небывалой легкостью, под бронзовой от загара кожей перекачивались мускулы, а ветер слегка ерошил длинные волосы.

Софи не понимала, почему Рин ее похитил, но это его обещание помочь ей использовать свои эмоции... похоже, он вовсе не собирался ее освободить. А вдруг Кейн никогда их не найдет?

— Мне нужно ненадолго уединиться, — с наигранной скромностью сообщила она.

Он остановился, медленно повернулся и впился в нее взглядом:

— Опять?

— Я нервничаю, — защищаясь сказала она. — Сам виноват.

С тех пор, как они начали свой путь, она требовала уединения уже пять раз. Наверное, этот человек обладал зачатками цивилизованности, поскольку еще ни разу ей не отказал. Тем не менее, он заворчал.

Посмотрел на нее с подозрением, но, наконец, освободил и указал на маленький скалистый выступ.

— Не задерживайся.

Софи направилась в указанном направлении. Вдогонку ей донеслось предостережение:

— Если попытаешься сбежать, я сильно рассержусь!

Она даже помыслить не могла, чтобы сильно рассердить человека с комплекцией Рина. До сих пор он только раздражался и, возможно, бывал немного сбит с толку. Спрятавшись за камнями, Софи развязала блузу и оторвала от нее тонкую полоску, как делала уже пять раз за этот долгий день. Самым трудным был первый лоскуток. Она проткнула ткань острым камнем, потом потянула и оторвала узкий, длинный кусочек. С тех пор стало легче, поскольку подол рубашки превратился в лохмотья.

Земля становилась все более пустынной, поэтому поблизости не нашлось ни одной ветки, чтобы привязать к ней ткань. Софи сделала маленький бантик, положила его на небольшой камень и взмолилась, чтобы Кейн его заметил. Они с Рином, определенно,

направлялись к ближайшей горе, и она каблуком ботинка нарисовала стрелку, указывающую в том направлении.

Софи улыбнулась, обогнула скалу и едва не врезалась в массивную обнаженную грудь Рина. Ее подбородок находился лишь немного выше его пупка.

— Я надеялась на уважительное отношение к моему уединению, — сказала она, как только ее сердце снова забилося почти нормально.

Рин издал звук, подозрительно похожий на рычание, и зашел за скалу.

— Стой! — воскликнула Софи.

Слишком поздно. Рин нашел желтый бантик и стрелку на земле.

В течение одного долгого момента он был абсолютно неподвижен и просто изучал бант с оставленной ею меткой.

— В который раз? — спокойно спросил он.

— Я не понимаю, что ты...

Для столь крупного человека Рин невероятно быстро протянул руки и расправил ее блузу. Он осмотрел подол, откуда она отрывала лоскутки, чтобы направить Кейна по следу.

Неожиданно Рин вернул бантик туда, где нашел. Затем стер сделанную ею стрелку и приказал:

— Нарисуй другую. В ту сторону, — он указал запад.

Софи покачала головой.

— Нет, — если Кейн отправится через пустынные равнины, то никогда ее не найдет!

Рин буравил ее взглядом, словно верил, что это заставит пленницу передумать. Софи покачала головой. В животе возникло неприятное чувство, во рту пересохло. Одно дело стоять на своем, но совсем другое, когда это означает неподчинение человеку, который, возможно, вдвое крупнее ее и, определенно, более чем в два раза сильнее.

Он ожидал капитуляции, но Софи не сдавалась. Поняв, что свирепый взгляд ее не поколеблет, Рин присел, схватил Софи за лодыжку, силой стянул ботинок и воспользовался каблуком, чтобы нарисовать собственную стрелку, которая указывала на запад. Потом медленно встал, посмотрел на равнины и улыбнулся.

Второй, обутой ногой, Софи пнула его в голень.

— Ты ублюдок! Отпусти меня сейчас же! Я заставлю тебя пожалеть. Кейн заставит тебя пожалеть. Он все равно меня найдет, какие бы хитрости ты не придумывал.

Рин наклонился, приблизив к ней свое лицо. Его улыбка исчезла.

— Знаешь, я ведь мог убить его только за то, что он к тебе прикоснулся. Это позволено.

Софи внезапно почувствовала головокружение. Нет, предполагалось, что Кейну не причинят никакого вреда.

— Это полная бессмыслица, — она старалась заставить себя говорить спокойно, но ее голос дрожал. — Как такое может быть позволено?

— Нам пора идти, — невозмутимо отозвался Рин.

Софи уперлась в землю ногами. Одной обутой, второй защищенной только грязным чулком.

— Нет.

Он поднял ее и забросил себе на плечо с такой легкостью, будто она весила не больше одного из его листьев дерева тэнни.

— Сегодня ночью я узнаю, та самая ты или нет. Если окажешься ею, то мы поженимся

прежде, чем твой бывший любовник успеет нас найти.

— Поженимся? Я никогда не выйду замуж. А если и выйду, то не за полуголового дикаря, который похищает женщин.

— Если ты окажешься той самой, мы поженимся, — спокойно повторил Рин.

— Той, — презрительно выпалила Софи. — Да кем той?

— Моей парой, — ответил он.

— Я не... это смешно... какой абсурд...

— Энвинцы узнают свою пару по запаху.

Опять запах.

— Ну, значит с твоим носом что-то не так.

— Я знаю, — тихо согласился он. — Ты пахнешь правильно и в то же время не совсем. Сегодня ночью я смогу убедиться моя ты пара или нет.

— Нет, — кратко ответила она, хотя ее сердце сжалось.

— Ты должна научиться принимать меня, Софи, будет правильно, если ты так поступишь.

Она оглянулась на скалу, возле которой Кейна поджидал ложный сигнал. Почему она ничего не может сделать? Почему не в состоянии освободить себя? Что хорошего в магии, если она не способна даже сбежать от одного большого монстра-громадины? Она оказалась абсолютно беспомощной ведьмой, умеющей только...

Софи подняла голову и словно новыми глазами изучила бесплодную, каменистую землю. Возможно ли это? Она сосредоточилась на сухом участке грязи и прошептала несколько слов.

Ничто не произошло.

Софи попробовала снова, на сей раз, даже жестикулируя одной рукой и концентрируясь настолько старательно, что перестала замечать все вокруг. Ничего.

Спустя еще несколько минут усилий, она вздохнула.

— Поставь меня. Я заработаю головную боль, вися в таком положении.

— Дай мне слово, что не сбежишь.

— Ты же просто опять меня поймаешь, — проворчала она.

Он осторожно поставил ее на ноги, и Софи отбросила с лица спутанные волосы. Может, снова попытаться убедить его?

— Я все равно ни за что за тебя не выйду, — продолжила она упорствовать, — И даже если ты заставишь меня вступить в какой-нибудь примитивный вид брака, я с тобой не останусь.

— Разумеется, останешься, — спокойно ответил он. — Энвинцы находят себе пару на всю жизнь.

— Я не энвинка! — убеждала она. — Зачем тебе похищать для себя жену? Разве ты не можешь жениться на одной из ваших женщин?

Он усмехнулся:

— У энвинцев рождается только одна девочка раз в пятьдесят лет или около того. Но это не имеет значения. Мы находим свои пары...

— По запаху, — закончила Софи. — Знаю. Я очень не хочу быть той, кто тебе это скажет, но кажется, твой нос испорчен, Рин. Я не твоя пара.

— Я выясню это сегодня ночью, — зловеще заявил он.

— Как? Что случится сегодня ночью?

— Полнолуние.

Едва она решила, что Рин позволит ей идти свободной, как он схватил ее за запястья и быстро связал их.

Он чуть не пропустил его: лоскуток ткани оказался не привязанным к ветви, а лежал на выступе скалы. Желтая вспышка привлекла внимание Кейна, и он спешил.

Через несколько часов стемнеет, и Софи проведет вторую ночь в плену. Эта мысль на мгновение вызвала у него приступ паники, поддаться которой он не мог себе позволить. Поскольку Софи и ее похититель шли пешком, а он ехал на лошади, к настоящему времени он уже должен был их догнать. Но Кейн передвигался по столь ухабистому ландшафту, что, возможно, быстрее было бы идти на своих ногах, а он не только ехал верхом, но также вел за собой черного мерина, которого купил для Софи, когда они покидали Шэндли.

Стрелка на земле указывала на запад, и на мгновение Кейн обратил взор в том направлении.

Метка сильно походила на другие знаки, оставленные для него Софи, но что-то было так. Он скорее почувствовал, нежели увидел разницу. Вместо того, чтобы поспешить в указанном направлении на поиски потерянной им женщины, он присел и изучил борозду. Та выглядела глубже остальных и не такой прямой. Кейн поднял голову и посмотрел на простиравшиеся перед ним равнины. Прищурившись и полностью замерев, он открыл не только глаза и ум, но и сердце. Там ничего не было. Ничего.

Нутро подсказывало, что эту стрелку начертила не Софи. А значит, она была в беде, и похититель знал о преследовавшем их Кейне.

Он посмотрел в противоположном направлении, ища какой-нибудь знак... и нашел его. Земля уже многие мили оставалась бесплодной, но тут странным узором неожиданно выросла маленькая группа полевых цветов лаванды. Он подошел к ним. Казалось, будто цветы образуют... стрелку.

Кейн направился в указанную дикими цветами сторону. Через несколько футов он нашел следы. Снова одной пары ног, но глубже тех, которые видел у пруда.

Ублюдок нес ее.

Лиана поднялась на седьмой уровень, где наряду с другими колдуньями жила ведьма, готовившая зелья для третьего уровня — микстуры, предотвращающие зачатие, и эликсиры, усиливающие удовольствие. Отец императора Нечтина когда-то полностью запретил магию, но позднее его сын смягчил тот указ. Выгоды перевесили риски.

Лиану не страшило это место. Здесь было темно, почти так же как на первом уровне, а в воздухе всегда витал странный запах. Muskusная и таинственная вонь кипящих смесей и сухих трав напоминала ей о тех днях, когда она еще не имела столько привилегий, как сейчас. Первую дозу противозачаточной смеси ей влили в горло силой, отчего у нее вырвался крик и перехватило дыхание.

Теперь, проглатывая ее, она вздрагивала не так сильно.

Лиана быстро отыскала Джедру, старуху, поставлявшую им микстуры. Чем скорее она покончит со своим делом и вернется к себе, тем счастливее себя почувствует.

Для Джедры выделили ряд комнат, что указывало на ее важное положение во дворце. Тут была спальня, видеть которую Лиана совсем не желала, большая комната, где ведьма встречала посетителей и давала уроки ученикам, и своего рода кухня, служившая источником запаха на уровне. Пройдя в нее, Лиана прикрыла нос. Теперь, прежде чем

явиться к Себастьяну, ей придется искупаться. Возможно, дважды.

Женщине, наделенной властью, следует одеваться получше, думала Лиана, здороваясь с Джедрой. Даже при том, что ведьма была меньше пяти футов роста ^[5], невероятно древней и такой же неотесанной, как большинство виденных Лианой мужчин или женщин, все равно возникала мысль, что старуха могла надеть что-нибудь приличнее лохмотьев.

Ее одежда действительно выглядела не лучше неподдающегося определению тряпья: то ли это было платье, то ли блузка с юбкой или же какая-то накидка. В любом случае, оно было свободным, рванным и грязным.

Итак, к делу.

— Император неважно себя чувствует. Ему нужно что-нибудь для улучшения настроения.

Джедра приподняла одну бровь.

— Себастьян не принимает мои микстуры. Никогда. Он боится, что я могу забыть о своей преданности и отравлю его, или кто-то другой подмешает в напиток лишний ингредиент до того, как он его выпьет. Я совершенно уверена, что Себастьян не изменил своего мнения.

— Прекрасно, — рявкнула Лиана. — Это мне нужно поднять настроение.

Старая ведьма улыбнулась и покачала головой.

— Будь я глупой, не прожила бы так долго. Разумеется, я могу дать тебе эликсир, но если ты попытаешься убедить мальчика принять зелье, он узнает о твоей попытке его обмануть и очень рассердится.

— Император Себастьян не мальчик, — произнесла Лиана своим самым холодным тоном.

Ведьма не выглядела ни удивленной, ни обеспокоенной гневом Лианы.

— Для меня он всегда будет мальчиком, а ты девочкой.

Лиана не сказала старухе, что перестала чувствовать себя девочкой в пятнадцать лет.

— Просто дай мне что-нибудь.

С тех пор, как она поведала Себастьяну о Мэддоксе, император то злился, то впадал в уныние, или же испытывал и то и другое одновременно. Еще когда он был слишком юн, чтобы править без советника, Мэддокс стал его правой рукой, и известие, что самый надежный союзник солгал ему... Себастьян воспринял это тяжелее, чем она ожидала. Он погружался в длительные периоды молчания, а когда его характер прорывался на волю, последствия оказывались сокрушительными и непредсказуемыми. Когда он вел себя подобным образом, Лиана не могла на него влиять. Нужно как-то успокоить его нервы, это все, в чем она нуждалась.

— Мне доставить его, или ты подождешь?

— Подожду, — ответила Лиана.

Джедра быстро собрала ингредиенты для микстуры, которую просила Лиана. Работая, она что-то бубнила, как если бы наслаждалась своим занятием. Она побросала в небольшую серебряную чашу капельку того, щепотку этого и размешала смесь деревянной ложкой. Потом мгновение изучала ее прежде, чем добавить еще одну порцию сухой травы со своей полки. Закончив, Джедра вылила прозрачную янтарную жидкость в маленькую бутылочку, закрыла ее и едва ли не подскочила к Лиане.

— Вот, возьми, — сказала ведьма, передавая пузырек.

Лиана забрала его, готовясь сбежать. Она бы попросила доставить микстуру ей на

третий уровень, но чем меньше людей узнают о ее связи с Джедрой, тем лучше.

Когда Лиана отвернулась, Джедра добавила:

— Мальчик не примет лекарство из твоих рук. Он тебе не доверяет.

Лиана обернулась к старухе.

— Это не так.

Джедра покачала головой. Пряди седых волос дико разметались во все стороны.

— Так, но, может, однажды все изменится. Думаю, такое возможно... да.

Лиана подошла к ведьме поближе.

— Ты видишь что-нибудь из будущего?

— Пророчество не мой дар, — ведьма пожала плечами. — Я варю зелья и учу. Вот и все.

Испытывая отвращение, Лиана отвернулась и направилась к выходу. Закрывая дверь, она услышала, как старуха пробормотала:

— Но иногда я вижу очень реалистичные сны...

С приближением заката Рин ускорил шаг, неуклонно направляясь к небольшой горе, служившей вступлением к холмистому, казалось, простиравшемуся в бесконечность пейзажу. Вдали вырисовывались горы, намного более крутые и величественные, чем те, которые она называла горами дома. Эти скалы производили весьма пугающее впечатление.

Когда они повернули и начали взбираться по узкой тропе, Софи посмотрела вверх. За последние несколько часов земля перестала быть полностью пустынной. Тут и там появлялись корявые деревья и низкорослые кустарники, а вдали виднелись признаки зеленых лесов, отмечающих конец бесплодного сердца. Холм, на который так легко поднимался Рин, местами выказывал первые признаки растительности.

— Это твой дом?

— Нет. Пospеши.

— Я не приближаюсь к своей дочери. Фактически, ты уводишь меня от нужной дороги! И я устала, — запротестовала Софи. — Мои ноги изранены, плечи болят, и я хочу есть.

С тех пор как она обнаружила, что Гэлвин Фарел похитил Ариану, Софи впервые вспомнила о еде. Время от времени Кейн уговаривал ее поесть, однажды ночью даже заставил, когда она чувствовала себя особенно подавленной. Но до этого момента она не ощущала голода.

— Мы поедем после, — резко ответил Рин.

Софи замедлила шаг. После?

— Поторопись!

Рин дернул за веревку, и Софи пришлось побежать за ним, чтобы удержаться на ногах. Если она упадет, он просто потащит ее за собой? Вполне возможно, учитывая, как он торопится. Дикарь свернул на еще более узкую дорожку, ведущую вверх холма и очень похожую на ту, по которой Софи много раз возвращалась домой. Но это была не гора Файн, и здесь в конце долгого пути ее не ждали ни дом, ни сестры.

Они отправились не к вершине, а сошли с тропы на полпути. Рин, похоже, отлично знал, куда идет. Шагая быстро и уверенно, он нырял под ветви и разводил перед ней густую листву. Он явно торопился, и хотя больше не подгонял ее, она чувствовала нетерпение в каждом его движении.

Ничто не взволновало ее так сильно, как его уверенное обещание поесть после. Рин ошибочно принимал ее за свою пару, и Софи прекрасно понимала, что это значит.

Любая истинно свободная, раскованная женщина могла бы найти занятие любовью с энвинцем интересным и приемлемым. Рин не знал, где она живет, поэтому в будущем не мог доставить проблем. И по-своему он был весьма примитивно-привлекательным.

Но она не хотела, чтобы он к ней прикасался. Ее дочери грозила опасность, Рин не предоставил ей выбора... и еще был Кейн. Она не передумала насчет своих планов на жизнь, но сейчас Кейн принадлежал ей. А она ему. Софи знала, что долго это не продлится, не могло продлиться, но пока неожиданно для самой себя она хранила ему верность.

Они наткнулись на широкий вход в пещеру, и Рин почти втокнул ее внутрь.

— Нет, Рин, пожалуйста, — взмолилась она, когда он последовал за ней. Последний дневной луч почти погас, и в темноте пещеры все казалось черным. Софи заставила себя поднять взгляд и посмотреть в лицо Рину, и обнаружила, что его глаза пылают во тьме золотым светом.

Она ахнула.

— Не бойся, — велел он. Его голос, на красоту которого она не раз обращала внимание, звучал глубже. Более хрипло. Ритм дыхания изменился, став чаще и громче. — Я не сделаю тебе больно. — Это обещание сопровождалось звуком, подозрительно похожим на рычание. — Сядь.

Софи настолько изумило произошедшее, что она немедленно подчинилась приказу. Вжимаясь спиной в холодную каменную стену пещеры, она наблюдала, как к ней приближаются ярко горящие золотые глаза. Она могла видеть только их, и теперь они парили прямо перед ней.

Рин глубоко вдохнул и наклонился к ней. Он обнюхал Софи точно так же, как этим утром — втягивая воздух возле ее шеи, лица и вдоль руки. А потом сделал нечто совершенно неожиданное.

Он провел языком по ее горлу. Медленно. Праздно... и как-то еще, что она даже не могла охарактеризовать, настолько это было ей чуждо. Потом начал покусывать кожу, которую совсем недавно пробовал на язык. Он не причинил Софи боли, но, определенно напугал. Она задрожала, но не той приятной дрожью, которая накатывала на нее от поцелуев Кейна.

— Рин, пожалуйста... — Софи пыталась сохранять спокойствие, но в голосе отчетливо проступала паника. Он продолжал грызть ее шею, поэтому она принялась его отталкивать. Рука уперлась ему в грудь.

Очень волосатую грудь, которая до этого момента была гладкой и мускулистой, без единого волоска. Теперь же под ее ладонью оказались волосы. Густые, шелковистые и определенно не человеческие.

Она застряла в ловушке здесь, в пещере. Спина упиралась в каменную стену, а впереди... впереди... она не знала, кто стоял... перед нею. Софи подняла руку, чтобы прикоснуться к лицу Рина, и выяснить, какое изменение ощутит там. Но он каким-то образом узнал, что она делает, и остановил, быстро и сильно сжав рукой ее запястье. Рукой и в то же время не рукой. Ладонь тоже оказалась волосатой. И только когти могли так впиваться в ее плоть, пока он отодвигал ее руку от своего лица.

— Ты не та, — проворчал Рин.

Едва ли она была в состоянии заметить, что предупреждала его.

— Но ты близка, — прошептал он. — Так близка. — Рин снова лизнул ее горло, медленно провел кончиком языка от одной стороны до другой и закончил исследование

прикусив изгиб плеча. — Помни, — сказал он. Его голос звучал настолько грубо, что теперь стал неузнаваемым. — Не плачь.

И он ушел.

Полная луна в безоблачном небе позволила Кейну продолжить путь ночью. Сейчас он ехал на лошади Софи и вел за собой собственную. Он и дальше станет менять животных в течение ночи и завтра.

Впервые он задал себе вопрос, которого избегал с тех пор, как обнаружил исчезновение Софи. А если я не найду ее? Или еще хуже, если не найду вовремя?

От одной мысли столкнуться с лежащим на скалистой земле безжизненным телом Софи, он задрожал как ребенок, который никогда не сталкивался с опасностью. Раздумывать над этим чудовищным предположением было совершенно невыносимо. Он уже терял любимых и хоронил друзей. Но никогда прежде так не боялся.

Софи была самым воплощением жизни, и мысль, что кто-то мог забрать у нее эту жизнь, казалась невероятной. Она должна иметь возможность состариться, приобрести седые пряди в золотых волосах и морщинки от смеха в уголках глаз. У нее должны родиться другие дети и внуки. Софи любила детей и должна прожить до глубокой старости, окруженная ими. Но если она умерла...

Кейн не представлял, как будет жить без нее, но разве он может оставить Ариану Гэлвину Фарелу? Нет. Если он не разыщет их дочь, призрак Софи станет преследовать его вечно.

Когда-то он сам подумывал забрать у Софи Ариану, но это было до того, как он по-настоящему ее узнал. До того, как понял, что она за человек. Ведьма или нет, она была замечательной женщиной, любящей своего ребенка. Казалось немыслимым, что ему, возможно, придется воспитывать дочь одному.

После отъезда от валунов с ложной стрелкой и странным пучком полевых цветов, он больше не нашел ни одного знака. Возможно, стрелка все же предназначалась не для того, чтобы сбить его с пути, и он ушел в неверном направлении. Возможно, цветы были всего лишь цветами, выросшими необычным узором. Он потерял способность выслеживать Софи и ее похитителя задолго до наступления полной тьмы. Земля стала каменистой, вокруг появились ручьи, которые его добыча могла пересечь, не оставляя следов. Поскольку всегда оставалась вероятность того, что они могли развернуться и замести следы, Кейн сомневался в каждом повороте и каждом своем решении.

Некоторое время назад Кейн наткнулся на узкую скалистую тропу, выглядевшую так, словно ее недавно потревожили. По ней он пришел к этому месту. Дорожка вела к близлежащим зеленым холмам, за которыми простирались серые горы. Человек мог скрываться там многие годы, да так и остаться ненайденным.

Он потерял ее. Правда пронзила болезненно и глубоко, словно оружие. Кейн продолжил идти вперед, лошади, на которой он ехал и которую вел за собой, двигались медленным темпом. Теперь найти ее поможет только чудо. Чудо... или магия. Софи владела магией, но он нет. Он мог полагаться только на себя. Свой ум и навыки. И они подвели его, так же как в день гибели Дарэна и всех остальных.

Внезапно его внимание отвлек от дороги звук, настолько тихий, что Кейн заставил лошадь остановиться и напрягся, прислушиваясь. Мгновение все оставалось тихим, а затем до ушей снова донесся звук, слабый и милый.

Это был голос. Женский голос. За весь день Кейн не встречал тут других живых существ за исключением нескольких птиц, букашек и похожих на крыс созданий. Он закрыл глаза, стараясь определить, откуда идет звук и идентифицировать его.

Это была Софи, и она находилась неподалеку.

Кейн спешил, отвел лошадей в сторону от дороги и быстро привязал их к низкой ветке корявого дерева. К огромному его облегчению, Софи, казалось, не была испугана, но Кейн сомневался, что ее похититель готов ему сдать. Он вынул меч и притаился у обочины. Похоже, Софи шла к нему, а не удалялась, но она находилась слишком далеко, чтобы разглядеть ее. Дорога виляла и изгибалась, а густая листва древних деревьев скрывала от глаз тропу и людей впереди.

Он так обрадовался, услышав ее голос, что почти улыбнулся. Это позволило ему удержаться и не кинуться по дороге к ней на встречу. Но это было бы глупо и опрометчиво. А не смотря на все его недостатки, беспечностью он никогда не отличался.

Она приближалась. До него доносился только ее голос. Либо Софи говорила сама с собой, либо похититель слушал ее молча.

— Жульетт оказалась права, — бормотала Софи. Кейн начал различать ее шаги, твердые и уверенные. — Эта задержка, несомненно, обойдется нам в несколько дней. Дней, вдали от моего ребенка. Это ужасно несправедливо.

А потом он услышал звук, полностью завладевший его вниманием. Она запела. Это была колыбельная, возможно, та, которую она напевала Ариане. Ее голос звучал умиротворенно, без гнева или страха, а поступь гармонировала с нежной мелодией о птицах, бабочках и солнечном свете.

Когда она почти поравнялась с ним, Кейн отошел в тень, скрывшись среди деревьев. Рукоятка меча уютно покоилась в правой руке. Левой он планировал выхватить спрятанный в ножнах на талии клинок. Если понадобится. Он не двигался, ожидая когда покажутся Софи и ее захватчик. Ублюдок мог идти рядом с ней или держаться позади на случай появления врага. Кейн решил пропустить их мимо и напасть с тыла.

Софи вышла из-за поворота, спокойно шагая в такт своей песне, в лунном свете ее волосы серебрились. Похоже, она не пострадала и даже пребывала в хорошем настроении, во всяком случае, так казалось. Кейн ждал, когда вслед за ней выйдет безмолвный похититель, но Софи прошла мимо, а никто так и не объявился.

Кейн ступил на дорогу и окликнул ее по имени. Софи резко обернулась. Секунду она молчала, ошеломленная его внезапным появлением. Но через миг побежала к нему, кинулась ему на шею и сжала так сильно, что он едва мог вздохнуть. Кейн обнял ее в ответ и приподнял от земли.

— Я знала, что ты найдешь меня, — тихо бормотала она. — Я знала! Я загадала на луну, чтобы ты меня нашел, и ты это сделал. Сделал.

— Я думал, что потерял тебя, — признался Кейн, изо всех сил сжимая ее в объятиях.

— Меня похитили! — взволнованно и торопливо заговорила она. — Энвинец, можешь себе такое представить? Я считала их всего лишь легендой, но они существуют, Кейн. Существуют! И он... он...

— Он тебя обидел? — тихо спросил Кейн.

Софи покачала головой.

— Нет, он принял меня за свою пару, но, разумеется, ошибся и... Я не могу сейчас об этом говорить. Я хочу только обнимать тебя. Можно? Просто обнимать тебя?

Того же хотел и он. Укачивать Софи в объятиях, снова и снова уверяя себя, что она здесь, в безопасности, и можно перестать воображать, каков будет этот мир без нее.

— Давай найдем место для ночлега. Наши лошади тут неподалеку. А утром вернемся к главной дороге и продолжим путь в Арсиз.

Она кивнула и немного отстранилась, продолжая цепляться за него руками. Он отступил ровно настолько, чтобы вложить меч в ножны, и снова притянул ее к себе.

— Я ни минуты не сомневалась, что ты меня найдешь, — сообщила Софи, когда они двинулись по дороге. Она обнимала его рукой за талию, он ее за плечи.

— Я тоже. — Это была незначительная ложь. Он только-только начал сомневаться. В последние несколько часов. Ужасных, безнадежных часов. Луна освещала им путь, и внезапно он увидел красоту этого места. Деревья, ночное небо, даже грязь на дороге — все казалось прекрасным, потому что Софи была рядом и в безопасности. Какой же он болван! У него нет ни дома, ни работы, ни денег за исключением тех, которые он выиграл благодаря магии Софи. Он абсолютно ничего не мог предложить этой женщине и в то же время не мог представить свою жизнь без нее.

— Софи, — сказал он, когда дорога повернула, и они увидели лошадей, — Думаю, я люблю тебя.

Она вздохнула. Определенно, он надеялся не на такой ответ. А на какой? Улыбку? Ее собственное признание?

— Любовь опасна, — тихо сказала она. — И потом, ты знаешь меня недостаточно долго, чтобы убедиться любишь ты меня по-настоящему или нет. Может, я не тот человек, за которого ты меня принимаешь. А вдруг, я открыла тебе только часть себя, ту, которую желала показать. Мужчине и женщине могут потребоваться годы, чтобы как следует разобраться друг в друге и выяснить, возможна ли для них настоящая любовь. С другой стороны, может, говоря о любви, ты подразумеваешь физическую страсть, которая, несомненно, великолепная и волнующая, но она отличается от долгой, романтической любви.

— Похоже, ты много над этим размышляла, — пробормотал Кейн.

— Разумеется, — Софи еще раз вздохнула. — Думаю, я тоже тебя люблю.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ отправиться к Себастьяну, Лиана искупалась, переделалась и натерла кожу бальзамом и маслами. Тем не менее, зловонье седьмого уровня все еще раздражало и жгло ей нос.

Приводя себя в порядок, она часто поглядывала на пузырек, стоящий на туалетном столике. Среди кремов и лосьонов он выглядел невинно, словно был одним из них. Он стоял возле ее расчески, простой и милый. Так почему его близость разъедала ее?

Она могла просто рассказать Себастьяну, что находится в бутылочке, и попросить его выпить снадобье.

Но он не станет.

Она могла попробовать уговорить императора, но учитывая его настроение, Лиана сомневалась, что он легко поддастся, да и сама попытка грозила навредить ее положению.

Если бы зелье не воняло как дерьмо, она натерла бы им свое тело в надежде, что в ходе вечера Себастьян слижет достаточное количество, и лекарство подействует.

Но оно действительно воняло отбросами, и если император когда-нибудь заподозрит ее в обмане, то вряд ли она проживет так долго, чтобы увидеть тринадцатый уровень.

Если бы Лиана думала, что Джедра даст ей яд, то намазала бы им все тело и позволила

Себастьяну облизывать ее до самой его смерти. Но старая ведьма никогда бы такого не сделала. Она испытывала странную нежность по отношению к императору, хотя тот терпеть не мог ее ремесло и отказывался лично встречаться с колдуньей в течение последних лет десяти или около того.

Он ненавидел магию, но еще больше боялся ее.

Джедра намекнула, что однажды Себастьян начнет ей доверять. Есть ли в снах старухи хоть немного правды?

С тех пор, как она рассказала о Мэддоксе, император стал сам не свой. Его самый большой страх — предательство изнутри — стоял на пороге, и он это понимал. Кошмар Себастьяна ожил и разъедал его изнутри. Он не примет эту микстуру из ее рук, и она не осмелится его обмануть. Даже ради его собственного физического и умственного здоровья.

Лиана схватила бутылек и подошла к окну. Де давая себе времени передумать, она кинула его в ночь. И через мгновение услышала, как тот приземлился с отдаленным, приглушенным звоном разбитого стекла.

Они разбили лагерь в лесу, неподалеку от того места, где Кейн оставил лошадей, и проспали несколько часов. Лежа рядом, они цеплялись друг за друга, как будто иначе снова оказались бы в разлуке. Софи спала, опустив голову на грудь Кейна и обнимая одной рукой, он заключил ее в кокон своих рук и ног.

Они больше не говорили о любви, но воспоминания о словах остались, витая вокруг подобно безмолвному эху. Они произнесли признания, которые теперь не покинут их до конца путешествия и после него. Возможные последствия пугали сильнее, чем массивный энвинец, который изменялся в полнолуние и кусал ее горло так, словно мог счесть его вкусным.

Она не хотела признаваться Кейну, что ее любовь станет причиной его смерти. Не сейчас. Если бы она могла спасти его, разлюбив, то сделала бы это, но ее чувства были слишком сильными, чтобы отрицать их или как-то на них повлиять.

И она сомневалась, что разлюбив Кейна, спасет его. Помочь им может только уничтожение проклятия, а сколько ведьм Файн пытались это сделать? Снять трехсотлетнее проклятие невозможно.

Но вдруг, только вдруг... нет ничего невозможного.

Софи медленно села. Еще не рассвело, но она крепко проспала несколько часов и была готова идти дальше. Они потеряли так много времени. Лес оставался совершенно темным, но на востоке небо едва начало окрашиваться в серый цвет.

В темноте леса мелькнула какая-то вспышка. Золотой мерцающий огонек, маленький и яркий. Она наблюдала, как свет приближается, и вскоре поняла, что привлекших ее внимание огоньков на самом деле два, а не один.

Глаза. Глаза Рина?

На поляну, где спали Софи и Кейн, вышел большой золотой волк, самый крупный из всех, что она когда-либо видела, хотя это ни о чем не говорило. Софи встречала такое животное только раз в жизни, на горе, которую называла домом, и оно было гораздо меньше. Льяная шерсть этого волка выглядела длинее, чем у того.

В стоящем перед ней животном не было ничего среднего.

Если бы она не прикоснулась к Рину в темноте пещеры и не почувствовала когти, то никогда не поверила бы в то, что видела перед собой. Она не боялась.

— Не двигайся, — прошептал Кейн. Она услышала тихий скрежет металла о металл, когда он вытаскивал свой меч. Рин тоже это услышал. Волк зарычал, но не шевельнулся и не отступил.

— Он не причинит нам вреда, — сказала она.

— Ты не можешь знать наверняка...

— Но я знаю, — возразила она. — Поверь мне.

Кейн неохотно опустил оружие, но не стал вкладывать меч в ножны, оставив его наготове.

Медленно и изящно, волк направился к ним. Под светлым мехом плавно двигались мускулы, глаза не отрывались от лица Софи. Она улыбнулась, и золотые глаза сверкнули. Софи знала, что оказалась в присутствии великолепного создания, благородного, мистического и невероятно прекрасного.

— Софи, — прошептал Кейн. — Я хочу, чтобы ты держалась позади меня.

— Не вздумай убивать его.

Он сел, очень медленно.

— Убить его будет нелегко, но возможно.

Рин перевел взгляд на Кейна и снова зарычал.

— Можно справиться с ним, перерезав горло.

Она снова слышала шорох стали о кожу, когда Кейн вытянул нож откуда-то на своем теле. Он носил так много оружия, и она понятия не имела, какое именно он достал, но знала, что он держал меч в одной руке и нож в другой.

Рин остановился.

— Видишь? Ты напугал его.

— Он не способен нас понимать, и я серьезно сомневаюсь, что этот монстр может чего-то испугаться.

— Он не монстр, он просто... другой. — Кейн понятия не имел, насколько особенным было это животное. Она протянула руку ладонью вверх, и Рин снова шагнул вперед.

— Софи! — проигнорировав ее просьбу, Кейн вскинул меч и направил его между нею и Рином.

Так и не успев добраться до протянутой руки Софи и оберегающего ее лезвия, волк перевел золотой взгляд на восток, где небо постепенно становилось все светлее. Мгновение он казался пригвожденным к месту, а потом со вспышкой повернулся и убежал, скрывшись в лесу.

Когда животное исчезло, Кейн повторно убрал оружие, обнял Софи обеими руками и вздохнул с очевидным облегчением, прижавшись губами к ее шее.

— Я знаю, что ты доверчивая женщина, — тихо сказал он, — Но Софи, никогда не протягивай руку волку. Он мог укусить тебя или того хуже.

Рин не причинил бы ей боли, Софи в этом не сомневалась, но как ей рассказать Кейну, что существо в лесу и ее похититель — одно и то же лицо? Объяснение займет слишком много времени, а она торопилась вернуться к дороге. Ариана нуждается в ней.

— Возможно, в сердце каждого человека живет зверь, — сказала она.

— Но это не значит, что в сердце каждого зверя... или человека есть доброта, — возразил Кейн.

Скоро станет достаточно светло, чтобы ясно видеть поляну. Софи поднялась на ноги и потянула затекшие мускулы. Она не привыкла к долгим поездкам, многочасовой ходьбе или

сну на земле. Однако, ничто и никто не заставил бы ее задержаться даже на минуту. Поездка была трудной, но то, что ждало в конце пути, стоило любых жертв.

Кейн тоже встал и потянулся. По утрам со спутанными волосами, проступающей щетиной и сонным взглядом, он выглядел странно привлекательным.

— Вчера ты не стала говорить о похитителе, — сказал он.

— Я очень устала, — и была так рада видеть Кейна, что хотела лишь сжимать его в объятиях.

— Если бы не Ариана, я разыскал бы его сегодня и убил, но мы не можем терять время.

— Нет, не можем.

У Кейна ушла минута на то, чтобы проверить все его оружие. Ножи, меч, лук и стрелы.

— Но я должен знать, нужно ли ждать от него проблем. Он попытается снова поймать тебя?

Софи покачала головой.

— Нет. Понимаешь, похищение было ошибкой. Бедняга Рин больше не доставит неприятностей.

— Как ты можешь называть похитителя беднягой?

Он казался сердитым и озадаченным, и Софи, разумеется, понимала почему.

— У нас нет времени на долгие объяснения. Мы нужны нашей дочери, Кейн.

Его лицо выглядело натянутым, на шее проступили жилы, словно все тело сковало напряжение.

— С твоей стороны было очень умно сделать стрелку из цветов. Это ведь твоя работа? Возле скал с ложной меткой?

— Я думала, у меня не получилось! — почва была твердой, и, похоже, цветы выросли после того, как участок земли скрылся у нее из вида. — Если бы я знала, то оставила бы больше знаков.

— Мне жаль, что ты не знала, — тихо сказал он. — Некоторое время я думал...

— Думал что? — поторопила она, когда он замолчал.

— Ничего.

Не ничего, предположила она, а нечто, чем не хотел делиться. Она не станет его расспрашивать. Не сейчас.

— Можно мне немного проехать с тобой? — попросила она, — А по пути я расскажу одну невероятную историю.

— Вдвоем на одной лошади? — скептически поинтересовался он.

— Совсем недолго. Это сделает разговор немного легче.

И, кроме того, она все еще чувствовала потребность держаться за Кейна. Опустить голову ему на плечо, прикоснуться к его волосам и обнимать обеими руками, словно лишь он один мог подарить ей тепло и безопасность.

Она собиралась рассказать о Рине, но сомневалась, что Кейн ей поверит. Мужчина, которого она начинала любить, был по-своему упрямым и имел склонность верить только в то, что мог видеть и объяснить. Он был благоразумным человеком. Но за его красоту и благородство она прощала ему этот недостаток.

Лиана наблюдала, как Себастьян шагает по внушительному, величественному бальному залу, который сейчас казался еще более огромным, поскольку в нем находились только они двое. Не стоило ей рассказывать о предательстве Мэддокса. Новость о вероломстве одного из самых надежных министров вызвала у Себастьяна ярость. А также усугубила паранойю.

Но сделанного не воротишь.

Лиана отказывалась верить, что допустила ошибку. Она уже не могла изменить решение предать своего единственного настоящего друга, поэтому должна использовать сложившуюся ситуацию наилучшим образом. Они с императором находились одни в бальном зале, где он господствовал на важных собраниях, выслушивал просьбы и встречался со своими высокопоставленными подданными. Министрами с четвертого уровня и жрецами со второго. Он позвал ее сегодня, как поступал в последние дни очень часто. В это тяжелое время он просил ее находиться здесь, с ним. Не жену, не министра или жреца. Ее.

Лиана направилась к нему, ткань ее темно-красного одеяния развевалась позади. Ее одежда была тоньше, чем у него. Он перегреется в этом наряде, который больше подходил для зимы, а не лета. Она скажет ему об этом в ближайшее время. Совет прозвучит так, будто она заботится о его комфорте и здоровье.

— Себастьян, дорогой, сядь, — тихо позвала она. С тех пор как она сообщила об обмане Мэддокса, прошли дни, но император все не успокаивался.

К счастью, она не рассказала о том, что Мэддокс считал его безумным.

Он продолжил шагать:

— Я не хочу сидеть.

— Я велю, чтобы нам прислали немного вина и хлеба. Ты слишком мало съел за завтраком.

— Мне вообще не стоило есть, — возразил он. — Кто-то пытается меня отравить, я это знаю.

— Я лично попробую и вино, и хлеб, — пообещала она. На кухне дежурили преданные стражи, следившие, чтобы никто не подсыпал императору яд, поэтому она не слишком рисковала. Лиана положила ладонь на руку Себастьяна. Почувствовав ее прикосновение, он остановился. — Позволь мне позаботиться о тебе, — тихо попросила она.

Он посмотрел на нее сверху вниз, и она увидела в его глазах отчаяние. Потерю. Гнев.

— Почему? — спросил он. — Ты не обязана обо мне заботиться. Для таких прозаических дел у меня есть слуги.

Слуги, которым он не доверял, мужчины и женщины, к которым обращался лишь в случае крайней необходимости.

— Разве я не доказала свою пригодность, милорд? Разве не делала для вас все, что мужчина может попросить у женщины?

— Да, ты делала, — понизив голос, согласился он.

Он заметно расслабился и позволил Лиане проводить его к помосту у стены комнаты. Безвкусный трон, на котором император встречал подданных, возвышался над пустынным полом, где изредка танцевали люди, и гораздо чаще стояли просители, моля Себастьяна о помощи или милосердии. За прошлые несколько лет в этом зале было мало танцев и еще меньше милосердия.

Здесь же проводились все его четыре свадебных церемоний, первая — когда императору исполнилось лишь пятнадцать. Лиана не видела ни одной из них.

Она держала его за руку, пока он садился, потом наклонилась и поцеловала в лоб, словно ребенка. Улыбаясь, нежно приказала ему оставаться на стуле.

Усадив Себастьяна, Лиана поспешила к выходу и распахнула одну из массивных двустворчатых дверей. Там продиктовала Тэнэли список требований, который молодой страж внимательно выслушал. Легкая одежда, кувшин воды и полотенце, гребни из спальни императора, вино и хлеб. Тэнэли недолюбливал ее и, разумеется, не доверял ей, но не выказывал недовольства ее просьбами. Люди во дворце начали замечать, что в последние дни куртизанка Лиана стала самым приближенным к императору человеком.

Когда она заканчивала диктовать, показался мужчина с ребенком на руках, в сопровождении охраны. За прошлые дни она видела его уже несколько раз. Он постоянно просил аудиенцию императора. Трудно было выбрать более неудачное время.

Он перехватил ее взгляд и заговорил:

— Пожалуйста, мадам. Мне необходимо увидеть императора.

Лиана проигнорировала это и начала закрывать перед ним дверь, когда его слова заставили ее остановиться.

— Хотя бы сообщите мне, когда вернется министр Сулейн.

Лиана прислонилась к двери и впиалась в мужчину взглядом. Он был вполне симпатичным, но слишком низким и мелким, чтобы называться красавцем, слишком обычным, чтобы привлечь ее внимание. Почему такой человек спрашивает о Мэддоксе?

— Кем для вас приходится министр Сулейн?

Мужчина приподнял ребенка, так чтобы Лиана смогла увидеть красивое маленькое личико и пучок белокурых волос.

— Это его внучка.

Сердце Лианы подскочило к горлу. Этот младенец внучка Мэддокса? Невероятно.

— У министра Сулейна нет семьи, — спокойно сказала она.

— Нет законной семьи, — ответил мужчина. — Меня зовут Гэлвин Фарел. Я прибыл из Шэндли, небольшого городка в южной провинции. Вряд ли вы о нем слышали, он очень маленький. Совсем недавно я узнал, что Софи Файн, юная леди, которая живет поблизости, является внебрачным ребенком министра Сулейна. А это ее дочь. Я планирую жениться на Софи, — Фарел говорил быстро, будто боялся, что если прервется на вздох, Лиана закроет дверь у него перед носом. — Софи уже едет сюда, чтобы представиться отцу и попросить разрешения на заключение брака. Поскольку министр сейчас не во дворце, ее наверняка вызовут сюда. Важно, чтобы император дал согласие на ее прошение. Я хотел бы сочетаться браком как можно скорее.

Лиана мельком глянула на невинное лицо внучки Мэддокса.

— Уезжай домой, — тихо сказала она. — И не возвращайся.

Она попыталась закрыть дверь, но мужчина остановил ее ногой, обутой в ботинок. Позади него страж вскинул меч. Лиана удержала солдата взмахом руки. Если потребуется, она сама сумеет справиться с этим маленьким человеком, а кровопролитие на пороге только расстроит Себастьяна.

— Моя мать — кузина тети матери императора через брак, — поспешно сообщил Фарел.

Лиана, прищурившись, глянула на Фарела. Каламбьян был наводнен всевозможными

дальними родственниками императора.

Мужчина никак не хотел сдаваться.

— Я уверен, что министр Сулейн захочет узнать о существовании дочери и внучки!

Услышав у себя за спиной шаги, Лиана закрыла глаза. Ну почему Себастьян не остался на троне, как она просила?

— Дочь Сулейна? — переспросил Себастьян с оттенком проницательности в голосе.

— И внучка, — оживленно ответил Фарел.

На мгновение в комнате повисла тяжелая тишина. Фарел не осмеливался тараторить в присутствии императора, Себастьян также хранил молчание. Лиана уже собралась приказать вывести назойливого человечка с ребенком, когда Себастьян заговорил:

— Я хочу их, — тихо сказал он. Впервые за последние дни она услышала жизнь в его голосе.

— Один момент, — обратилась Лиана к Фарелу. Она слегка оттолкнула его, заставив отступить на шаг, затем закрыла дверь и повернулась к Себастьяну. Его глаза искрились, к щекам вернулся легкий румянец. Черт возьми, предполагалось, что это она вернет ему радость жизни, а не новость о внебрачном ребенке, который теперь заполнил его сердце мыслями о мести. А он хотел мести. Раз Мэддокса нет рядом, чтобы прочувствовать ярость императора и вкусить его мести, то кто лучше подойдет на замену, если не собственная плоть и кровь министра?

Лиана положила ладонь на грудь императору. Его сердце билось быстро и сильно.

— Дочь еще не приехала, и в любом случае, не кажется ли тебе, что возмездие лучше всего осуществить после возвращения Мэддокса?

— Когда она сюда доберется, эта дочь?

— Я не знаю.

Себастьян улыбнулся и нежно коснулся ее щеки.

— Я предоставлю это тебе, Лиана. Размести мужчину и ребенка там, где их можно будет постоянно охранять. Не хочу, чтобы они ускользнули.

Она вздохнула, раздосадованная этим осложнением.

— Они не ускользнут.

— И когда дочь приедет, я хочу, чтобы ее немедленно привели ко мне.

— Конечно.

Лиана отвела взволнованного Себастьяна, который уже строил планы реванша, обратно к трону, потом вернулась к Фарелу и приказала стражам проводить новых гостей в одну из комнат на пятом уровне. Фарел выглядел довольным, поскольку понятия не имел, что означает остановиться на пятом уровне, неподалеку от императрицы.

Фарел и ребенок удалились, а спустя минуту доставили все, что просила Лиана. Когда они с Себастьяном снова остались одни, она раздела его, искупала и помогла переодеться в более подходящий для летней погоды наряд. Потом встала у него за спиной и принялась расчесывать ему волосы, стараясь случайно не дернуть спутанные пряди, а он тем временем обсуждал способы отомстить за себя через ничего неподозревающую дочь министра Сулейна.

— Но тебе следует проявить терпение, — сказала Лиана. Она не волновалась по поводу другой женщины в кровати Себастьяна и, определенно, не беспокоилась о том, что та может похитить его сердце. У Себастьяна его просто не было. Как и у нее, что делало их прекрасной парой. Чей союз заключен в аду. — Ты можешь сделать девочку своей

любовницей, приковать цепью к своей кровати, можешь унижить ее тысячью способов, но если Мэддокса не будет здесь, чтобы это увидеть, то ты потратишь впустую прекрасную возможность. Ты должен проявить терпение, дорогой.

Он вздохнул и расслабился.

— Мне нравится, когда ты называешь меня дорогим.

Лиана попробовала вино и хлеб, и когда стало ясно, что ни то, ни другое не отравлено, поделилась ими с Себастьяном. И поскольку император действительно верил, что кто-то во дворце хочет его отравить, он придал этому жесту огромное значение.

Благодаря представившейся возможности отомстить, настроение Себастьяна сильно улучшилось. Фактически, он улыбнулся впервые за несколько дней. Пока они ели, он обхватил ее грудь и начал ласкать длинными пальцами, потом так внезапно притянул Лиану себе на колени, что она разлила вино. В последнее время он не был внимательным любовником, но когда она устроилась на его коленях, император пообещал, что скоро это изменится.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сегодня ночью. На остаток дня у него наметились другие планы. Возбужденный замыслами, он не стал делиться ими с ней. Это сюрприз, сказал он, оставив ее на помосте и направившись к дверям, чтобы отдать стражам собственный приказ.

Закончив, Себастьян снова сел на трон и устроил Лиану у себя на коленях. Расстегнул не ее платье несколько пуговиц и сдвинул ткань в сторону, чтобы целовать ей горло и грудь. Ее тело ответило так же, как всегда, и вскоре она запустила пальцы ему в волосы. Откинув голову назад, она обняла его еще крепче. Он глубже втянул сосок в теплый, влажный рот.

Когда он касался ее таким образом, она его не ненавидела — не могла. Он будто на время превращался в другого человека. Словно отбрасывал в эти моменты все уродливое. Да, это было наслаждение, а не любовь. Оно касалось лишь тела, но не души и не сердца. Особенное удовольствие, которое она никогда не испытывала ни с одним другим мужчиной.

Себастьян приподнял ее одежду и стал дразнить пальцами, но не позволил ей дотрагиваться до него. Он сказал, что желает лишь увидеть, как она достигнет пика, пока он ласкает влажные изгибы ее входа. Он хотел заставить ее кричать и содрогаться в его руках.

И сделал это.

Иногда она воображала себе Себастьяна обычным мужчиной, обычным любовником, который не отдавал ее другим мужчинам.

Если бы они встретились в другое время и в другом месте, если бы он не был императором, а она — его любовницей, ненавидела бы она его тогда? Мечтала бы убить?

Она все еще дрожала, лежа в его руках, когда двери распахнулись, и два стража ввели в комнату императрицу Рикку. Лиана попыталась сползти с колен Себастьяна, но он ей не позволил. Император обнял любовницу обеими руками, следя, чтобы ее одежда оставалась на месте — обнажая ноги и грудь. Под взглядом жены, он коснулся губами шеи Лианы и почти нежно поцеловал.

Рикка отвернулась и попыталась уйти, но Тэнэли остановил ее, повинувшись сигналу Себастьяна. Тэнэли, который всегда так нагло ее обыскивал. Второй страж, Фергус, стоял позади него, изо всех сил стараясь не показать, насколько его шокировала развернувшаяся сцена.

Он еще слишком мало прожил во дворце.

Когда Рикка попыталась убежать, Тэнэли приподнял ее и понес к возвышению. Она

яростно пиналась, молотя пятками по ногам стража. Тот не уклонялся, и уж тем более, не замедлил шаг.

Рикка была маленькой женщиной и, в любом случае, слишком юной и наивной, чтобы удовлетворить требованиям Себастьяна. В ней так же странным образом сочетались кротость и вспыльчивость. Как правило, она была совершенно послушной, но временами ее темперамент проявлял себя. Чудо, что она продержалась так долго.

— Как ты посмел вызвать меня сюда, чтобы я наблюдала за твоими играми с этой шлюхой? — по-королевски надменно спросила Рикка, но ее щеки пылали.

Себастьян улыбнулся и протянул ко второму стражу руку ладонью вверх. Фергус передал императору пузырек. Стеклянную бутылочку, меньше полудюйма ^[6] в диаметре и приблизительно трех дюймов в длину, с маленьким отверстием на одном конце и пробкой на другом. Заполненную совершенно безобидным на вид коричневым, зернистым порошком.

Пэнвир.

Лиана подавила испуганный протест. Рикке уже ничем нельзя было помочь. Никакие ее слова не заставят Себастьяна передумать, а мольбы об императрице только выставят слабой в его глазах.

— Ты стала для меня настоящим разочарованием, Рикка, — заявил Себастьян.

— Да ты и сам не оправдал ни одного из моих ожиданий, — не осталась в долгу императрица.

В любой другой день такое заявление привело бы Себастьяна в ярость. Но не сегодня. Император только улыбнулся. Он знал, что Рикка этот спор не выиграет. Лиана почувствовала жалость к глупой девочке.

Себастьян перестал удерживать Лиану и спустил со своих коленей, а перед этим нежно и благосклонно сжал ее обнаженную грудь. Рикка пронзила любовницу и наперсницу мужа ненавидящим взглядом, но Лиана это проигнорировала.

— Милорд, — тихо позвала Лиана, поправляя свою одежду, — Возможно, сейчас не время для такого...

— У меня есть план, — прервал Себастьян. — Грандиозный. Но прежде, чем приступить к его осуществлению, я должен разобраться с одной проблемой.

И этой проблемой была Рикка.

Себастьян покинул трон и помост, оставляя Лиану. Его непокорная жена стояла перед ним, два стража держались позади нее, но не охраняя, а следя, чтобы она не сбежала.

Наверное, императрица поняла, что это ее последний шанс, потому что когда Себастьян подошел к Рикке, девочка подняла взгляд на мужа и тихо, как если бы слова предназначались ему одному, сказала:

— Я лишь пытаюсь любить тебя, милорд. Почему ты не позволяешь мне выполнять обязанности жены?

Себастьян приподнял лицо Рикки за подбородок и улыбнулся. Не сказав в ответ ни слова, он быстро сунул стеклянную бутылочку ей в нос. Испугавшись, она попыталась отстраниться, но Себастьян молниеносно обхватил жену одной рукой и удержал, высыпая содержимое пузырька в ее нос.

Перемены произошли мгновенно. Лицо и тело Рикки расслабились. Скрюченные пальцы распрямились, губы смягчились. Глаза расширились, пока не стали почти полностью черными. Она улыбнулась, и сердце Лианы сжалось. Улыбаясь, императрица выглядела такой юной.

— Какое приятное ощущение, — прошептала она. — Что это за вещество, которое ты мне подарил, милорд? Я чувствую его всем телом. Как... как... о, это очень хорошо.

— Пэнвир обладает множеством эффектов, все зависит от человека, который его принимает, — объяснил Себастьян. — Некоторые чувствуют будто наполняются небывалой силой, другие переживают печаль, а потом эйфорию. Третьи ощущают сексуальное удовольствие, которым ты никогда не позволяла себе наслаждаться. — Он изучал ее глаза. — Вот чего ты лишалась, упорно лежа подо мной, как безжизненный кусок мяса.

Рикка откинула голову назад, глубоко вздохнула, и ее миниатюрное тело содрогнулось.

— Это фантастически, милорд. Это... — Она покачнулась и удержалась на ногах лишь благодаря рукам Себастьяна. — Мои ноги стали мягкими. — Она снова хихикнула.

Лиана положила ладонь на руку Себастьяна.

— Милорд, позвольте теперь стражам забрать ее. — Если повезет, то прежде чем бросить ее на тринадцатый уровень они решат поступить с ней по-своему. Она недостаточно хорошо знала Фергуса, но Тэнэли, несомненно, был способен на такой гнусный поступок. Это дало бы Лиане время, чтобы под благовидным предлогом ускользнуть из бального зала и самой позаботиться о Рикке. Ей не нравилась эта хихикающая, ноющая и злобная девочка, но она была всего лишь ребенком и не заслуживала тринадцатого уровня.

— Думаю, я сам провожу жену в ее новые покои, — усмехнувшись, возразил Себастьян.

— Новые покои? — спросила Рикка. — Как мило с твоей стороны. Старые мне уже весьма наскучили. — Она глянула за Себастьяна на пустую стену позади трона, и ее глаза расширились. — О, смотри какие приятные цвета! А в моих новых покоях будут такие же красивые цвета?

— Да, — оживленно согласился Себастьян, направляясь к двустворчатым дверям.

Лиана осталась на возвышении, чувствуя себя немного больной. Ее собственные колени тоже подгибались.

В дверях Себастьян обернулся к ней.

— Идем с нами, дорогая, — сказал он.

Лиана покачала головой.

— Я не могу. Я... — Она облизнула губы. Он назвал ее дорогой. Насколько она знала, до этого момента Себастьян никогда и никого так не называл.

Куртизанка оставила возвышение и направилась к двери, стражам, заторможенной императрице и Себастьяну. Лиана держала спину прямо и боролась с подкатывающей тошнотой.

— Меня ты никогда не называл дорогой, — мило надувшись пожаловалась Рикка. — Никогда, ни разу. Ни единого... о, это бабочка? — она указала в противоположную сторону зала. — Сто бабочек. Какие они хорошенькие, правда, милорд? Ну разве они не прекрасны?

Лиана проигнорировала бессвязный лепет Рикки. Себастьян избавлялся от императрицы и назвал ее дорогой. Она не позволяла себе мечтать о том, что это могло означать.

Воспользовавшись частным лифтом, они спустились вниз на десятый уровень. Рикка все время хихикала и тараторила, перекрывая своей болтовней жужжание лифта. Один раз она даже обратила внимание на Лиану, показала ей язык и тут же рассмеялась над собственной ребячливостью. Потом попыталась схватить Фергуса за половые органы, чем сильно позабавила Себастьяна, но стражу удалось отступить за пределы ее досягаемости, и она не стала пытаться снова. Прежде, чем они добрались до десятого уровня, ей удалось

расстегнуть свое красное платье до талии, с жалобами на жару. Тэнэли с трудом удерживал глаза от маленькой выпуклости ее груди.

Они вышли на десятом уровне и сразу свернули через дверной проем направо. Крутая лестница вела их вниз на по обыкновению шумный одиннадцатый уровень. Дальше они спустились по крутой, закругленной лестнице. И там прошли по очень длинному коридору, который на первый взгляд казался безлюдным. Но в конце прохода их ждали четверо хорошо вооруженных охранников.

Некоторые из них были удивлены увидеть императора с императрицей. Другие нет. Один страж, мужчина с отвратительным шрамом на щеке, даже усмехнулся, будто это событие устроили специально для его увеселения.

Себастьян приказал Тэнэли и Фергусу ждать на лестничной клетке.

— Что это за место? — спросила Рикка. — Мои новые покои здесь? О, тут так прелестно. Столько милых красок.

На двенадцатом уровне не было никаких красок. Лишь серые стены, полы и потолки, да еще зеленые униформы солдат. Больше ничего.

Но Рикке все казалось другим. Она повернулась к мужу и улыбнулась. Полурасстегнутое платье свободно висело на маленьком теле, щеки пылали, а глаза были широко распахнуты. Что она видела? Рикка подняла изящную руку к лицу Себастьяна.

— Ты думаешь, я лгу, когда говорю, что люблю тебя, но это не так. Я действительно тебя люблю. Люблю с того первого раза, когда тебя увидела. Я спускалась по лестнице под руку с отцом, а ты ждал меня внизу вместе с тем толстым жрецом. — Она снова захихикала. — Я подумала, что ты самый красивый мужчина на свете, и была совершенно уверена, что нас ждет прекрасная совместная жизнь. — Ее улыбка растаяла. — Что случилось?

Себастьян кивнул мужчине со шрамом, тот встал на колени, чтобы вставить ключ в замок на полу. Часовой отпер навесной замок и отложил его в сторону, затем он и два других охранника подняли массивный люк. Дверь была чудовищно тяжелой, поэтому чтобы передвинуть ее, понадобились усилия трех мужчин. Один человек никогда не сумел бы поднять ее.

Зловоние, вырвавшееся из тринадцатого уровня, было ужасающим, но вопли оказались еще хуже.

— Что это? — Рикка стояла на краю проема и всматривалась во тьму.

Из отверстия в полу доносились слабые голоса и мучительные стоны. И где-то в глубинах тринадцатого уровня Лиана слышала нечто совершенно неожиданное. Среди горестных стенаний наркоманов, изгнанных в эту адскую яму в земле, звучал крик ребенка.

Для некоторых Себастьян считал смерть слишком хорошим концом. Тем, кого отправляли на тринадцатый уровень, было предназначено страдать. И они страдали. Сначала им давали дозу сильного препарата, пэнвира. Эта единственная доза не убивала, лишь обеспечивала появление пристрастия к порошку. Потом провинившихся бросали на тринадцатый уровень, во тьму, где обитатели либо боролись за выживание, либо умирали.

Каждый день охранники бросили вниз протухшую пищу и маленькие контейнеры с пэнвиром.

Но недостаточно для всех.

Рикка подняла взгляд и обернулась к мужу. Она все еще не поняла, что происходит. Лиана снова слышала очень слабый крик ребенка. Другие или не слышали, или же

привыкли к этому звуку. Во рту у нее пересохло, сердце забилося в бешеном темпе. Ребенок, несомненно, родился там. Даже Себастьян не бросил бы дитя в тринадцатый уровень.

Или бросил?

Пока Рикка невинно и оцепенело всматривалась в глаза Себастьяна, тот слегка подтолкнул ее, и она покачнулася на краю ямы. Девочка больше не смеялась и не хихикала. Она наконец-то встревожилась и ухватилась за одежду Себастьяна, но он оттолкнул ее руку, и спустя момент борьбы она упала.

Лиана закрыла глаза, услышав, как Рикка ударилась о землю и закричала.

— Я упала, — воскликнула она, почти срываясь на крик. — Милорд, кажется, я вывихнула лодыжку. — Послышалось затрудненное дыхание, вскрик, а затем испуганное: — Убирайся от меня, ты...

Себастьян кивнул охранникам, и они опустили люк, отрезав жизнь, надежду и вопль Рикки.

Лиана не смотрела, как обезображенный шрамом часовой возвращает замок на место, но слышала щелчок металла и звук поворачиваемого ключа.

— Ну вот, — Себастьян взял Лиану за руку и увел от единственного входа на тринадцатый уровень туда, где их ждали Тэнэли и Фергус, — все сделано.

— Лучше бы ты позволил мне убить ее, — сказала Лиана, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Смерть была бы более милосердной. Более быстрой. Рикка там долго не продержится.

В ушах все еще звучал крик младенца. Большинство обитателей тринадцатого уровня были мужчинами, но туда сослали также отвергнутых императриц и несколько других женщин. Одна из бедняжек родила там, в грязи, окруженная полуголодными наркоманами. Она и сама была полуголодной наркоманкой. Тогда как ребенок выжил?

Лиана расправила спину. Наверное, она слышала вовсе не ребенка. Это мог быть тонкий голос заключенного или даже ее собственное воображение.

Возвращаясь к лифту на десятом уровне и поднимаясь с его помощью на первый, никто не произнес ни слова. Пока лифт медленно и ровно работал, стражи оставались серьезны, тогда как по лицу Себастьяна разлилось почти мечтательное выражение.

Они не вернулись в бальный зал, а прошли в частные покои Себастьяна. Император приказал, чтобы через полтора часа им принесли большой ужин, и закрыл перед стражами двери.

Лиана держала подбородок высоко вздернутым. Убийство Рикки взбудоражило Себастьяна, она видела это по блеску его глаз и кривой улыбке.

Она надеялась, что он убил Рикку. Надеялась, что девочка уже погибла, умерла, пока препарат еще не перестал действовать, и бывшая императрица не поняла, что случилось.

Лиана глубоко вздохнула и отбросила сочувствие и ужас. Она не могла позволить ничему, даже этому, вмешаться в ее планы. Она убивала, предала своего единственного друга... и теперь не могла позволить сочувствию ее остановить.

Поэтому она улыбнулась:

— Ты упоминал о великом плане.

Себастьян запустил пальцы в ее волосы и крепко сжал.

— Да, дорогая, — он улыбнулся. — Даже в опьяненном состоянии Рикка пришла в ярость, услышав мои слова привязанности к тебе.

Сердце Лианы упало. Он назвал ее так ласково только из-за Рикки. Ей следовало этс

знать.

Последние слова императрицы эхом отзывались в ее голове. Она хорошо понимала, как молодая, впечатлительная девочка могла с первого взгляда влюбиться в Себастьяна. Когда-то давно Лиане самой казалось, будто она чуточку влюблена в него. Наряду со страхом и ненавистью.

Но больше нет. Она слишком хорошо его знала. Он не был обычным человеком и никогда не будет. В его холодном, стройном теле не скрывалось ничего от того мужчины, которого она порой рисовала в своем воображении.

Любовь и ненависть шли от страсти. И Лиана признавала, что испытывала к Себастьяну страсть.

— Я хочу услышать о твоём плане. — Может, он собирается жениться на ней, как однажды предложил. Если так, то, наверное, она согласится. Разве это не лучший способ заслужить его доверие?

— У дочери Мэддокса есть ребенок, значит, она не бесплодна, — сказал Себастьян. Он с неожиданной нежностью погладил волосы Лианы. — Я женюсь на ней до его возвращения. Кто лучше подходит императору, чем дочь его самого надежного министра?

Лиана не позволила своей улыбке увянуть:

— Действительно, кто.

— Она даст мне наследника, и когда это случится, я от нее избавлюсь.

— Так же, как избавился от Рикки?

— Возможно.

— Таков твой грандиозный план?

— Когда Мэддокс вернется, я радушно приветствую его, — сказал Себастьян. — Он не узнает, что мне известно о его вероломстве. По крайней мере, не сразу. В следующие месяцы он научится любить дочь и внучку, я за этим прослежу. Мы станем счастливой семьей.

— На некоторое время, — прошептала Лиана.

— На некоторое время. Я хочу, чтобы Сулейн полюбил дочь, прежде, чем увидит, как она умирает. Хочу, чтобы он почувствовал такую же боль, которую ощутил я, узнав о его лжи.

Лиана не позволила своему неожиданному разочарованию проступить на лице или в голосе:

— А если дочь Мэддокса уродина с лошадиным лицом?

— Тогда я буду вспахивать ее в темноте и представлять, будто это ты лежишь подо мной. — Из-за улыбки и переливов его голоса это прозвучало как поддразнивание, но Лиана подозревала, что император говорит правду.

— Предполагалось, что она выйдет за того мелкого человечка, Фарела.

— Фарел скоро присоединится к Рикке на тринадцатом уровне и оставит дочь Мэддокса без жениха.

— А ребенок? Внучка Мэддокса?

— Ребенок будет жить, пока мне это выгодно, но полагаю, от отродья избавятся вместе с матерью.

Себастьян не хотел видеть в этом дворце никаких детей, кроме своих собственных. По этой причине его сестры выходили только за влиятельных мужчин, живших вдали от Арсиза. По этой же причине сестра, которая отказалась выйти замуж, стала сестрой ордена «Орайнен» и была сослана в женский монастырь на другом конце Каламбьяна, настолько

далеко от столицы, насколько только было возможно, если не пересекать море.

Если Себастьян поступит, как задумал, то хорошенький ребенок, которого Фарел принес к дверям бального зала, проживет ровно столько, сколько будет представлять практическую ценность.

Лиана слишком отчетливо помнила крик ребенка, эхом отдающий в недрах тринадцатого уровня, но она отбросила воспоминания. Задвинула их настолько глубоко, что почти смогла убедить себя в нереальности услышанного. Представлять себе там ребенка... это было чересчур. Она бы такого не вынесла.

Себастьян вздохнул. Его дыхание коснулось ее шеи, и Лиана расслабилась. Он может взять другую жену, да хоть дюжину жен, но никто и никогда не займет ее место.

— Иногда я думаю, что все в этом мире предали бы меня, если бы им выпал шанс, — сказал он, прижимая ее к себе.

— Все, кроме меня, — прошептала Лиана.

Себастьян помедлил, затем ответил:

— Все, кроме тебя.

Спустя несколько долгих дней путешествия, Софи с Кейном достигли вершины горы, покрытой буйной зеленой растительностью, и пред ними, наконец, предстал Арсиз. Сначала она увидела верхние этажи дворца — серый камень на фоне ярко-голубого утреннего неба. Когда Софи смогла разглядеть весь город, который теперь простирался прямо перед ней, она в изумлении осадилась на лошадь. Арсиз был огромным, непохожим ни на что виденное ею прежде. Он словно живое существо разрастался наружу от высокого здания в центре. Она почти видела, как бурлит столица, будто сам город дышал.

Софи уставилась на императорский дворец, разглядывая его снизу вверх. Слишком простое и ничем не украшенное здание не было красивым. Нижние этажи построили немного шире верхних. Изменение в размере происходило постепенно, так, чтобы дворец выглядел как ровная, гранитная гора, возвышавшаяся в центре города. В своей явной массивности дворец смотрелся внушительно. А также казался немного пугающим. Из-за высоты и толстых стен.

— Наш ребенок там.

— Да, она там.

С того дня, как Софи оставила сестер, прошло три недели. Она все еще не знала, вернется ли когда-нибудь на гору Файн. Приступ гнева прошел быстро, но она так и не простила сестер. Сейчас ей просто хотелось найти безопасное место для себя, своего ребенка и любимого мужчины.

Кейн остановил свою лошадь рядом и улыбнулся.

— Ариана в порядке, — ободряюще сказал он. — Мы заберем ее, я убью Фарела, а потом уедем из города и ни разу не оглянемся. — Он, прищурившись, посмотрел на дворец. Улыбка исчезла, но Софи не возражала. Та улыбка была не настоящей. Кейн выглядел столь же напряженным, как она. Даже больше, если такое вообще возможно. — Это плохое место, — сказал он. — Непригодное для леди вроде тебя и, уж конечно, неподходящее для моей дочери.

Впереди Кейн видел только опасности, но Софи все еще надеялась, что им удастся быстро забрать Ариану.

— Я хотела бы ненадолго увидеться с министром Сулейном, если получится. Вдруг, он помнит мою мать. И захочет узнать, что у него есть дочь.

Кейн стиснул челюсти.

— Это плохая идея.

Его интересовали только быстрый вход и выход из города. Она разделяла этот интерес, но в то же время хотела улучшить минуту, всего лишь минуту встречи с человеком, который произвел ее на свет.

— Пока я не познакомилась с тобой, мне никогда не приходило в голову, что отец захочет узнать о моем существовании. Я никогда не считала несправедливым то, что меня от него скрывали, но недавно изменила свое мнение. — Она посмотрела на Кейна. Он был куда более утешительным зрелищем, чем большой город, и мысль о том, чтобы позволить ему уйти, когда все закончится, разьедала ей сердце. Не так, как потеря Арианы, но все же это было неожиданно больно. Порыв ветра подхватил длинную прядь выцветших на солнце волос и приподнял с его плеча.

Он посмотрел на нее, и в этот момент у Софи возникло чувство, что она никогда больше не будет одинока. И не потому, что у нее есть Ариана и сестры. А потому, что в ней росла любовь к Кейну.

Она всегда была настолько уверена, что не захочет и не сможет полюбить, тогда почему же, даже теперь, чувствовала себя настолько замечательно? Их будущее было туманным, и, тем не менее, ничто не могло приглушить сияние любви.

— Если сможем, мы организуем тебе встречу с министром Сулейном, — тихо ответил он, — Но твой визит должен быть кратким.

— Спасибо.

— И что бы ни случилось, не упоминай мое имя.

Софи кивнула, и они пришпорили лошадей.

Однажды, несколько лет назад, Кейн уже приезжал в столицу. Город остался таким же грязным, шумным и неприятным, как он помнил. Люди ютились в маленьких зданиях, толпились вблизи рынков и таверн, слишком громко смеялись на улицах.

Кейн отыскивал заслуживающего доверия конюшего и хорошо заплатил ему, чтобы тот позаботился о лошадях, пока они с Софи не закончат свои дела. Она хотела ворваться во дворец и потребовать вернуть ей ребенка, но он предложил более осторожный план спасения.

Таверна близ северного входа дворца выглядела многообещающей. Кейн очень не хотел брать Софи в такое место, но возненавидел саму мысль оставить ее одну. В мужской одежде, стоптанных ботинках, с немытыми волосами и грязным лицом, она все еще была красива, и мужчины глазели на нее. Нет, он не мог выпустить ее из вида.

В таверне находились и другие женщины, некоторые тут работали, остальные были клиентками. Но, так или иначе, все глаза обратились к Софи. Все понимали, что она отличается от местных завсегдатаев.

Один стол в углу занимали веселящиеся солдаты. Кейн изо всех сил старался не поворачиваться лицом к людям императора. Вряд ли его узнают, но все же не исключено, что за пять лет борьбы вместе с Эриком он сталкивался с одним или несколькими из них. Он получит информацию, за которой пришел, затем уберется отсюда и найдет безопасное место, где можно остановиться, пока они не спасут Ариану.

Кейн заказал виски для себя, эль для Софи, и заплатил бармену золотой монетой. У него все еще остались деньги после удачливого года в качестве картежника. Много денег. К счастью, он играл в южных и восточных провинциях и не встретил в переполненной таверне знакомых лиц. Такая встреча могла стать почти столь же опасной, как стычка с солдатами.

Вскоре большинство посетителей вернулись к своим занятиям, Кейн с Софи перестали быть центром внимания и начали потягивать напитки. Он крепко обнимал ее одной рукой, предупреждая остальных, что она не продается и не сдается в аренду. И хотя Софи никогда раньше не оказывалась в столь грубом месте, она почувствовала опасность и держалась рядом с ним. Очень близко. Прижималась к нему всем телом и не отводила глаз от своего эля.

Кейн кивнул бармену, и тот склонился к ним, рассматривая Софи чересчур заинтересованным взглядом.

— Повторить?

— Нет, — Кейн положил на стойку монету и пододвинул ее к бармену. Мужчина счел золото более интересным, чем Софи. Его глаза заблестели. — Мне нужна информация.

Человек усмехнулся и накрыл монету мясистой рукой.

— Ты пришел в нужное место, друг. Какого рода сведения тебе предложить?

— О дворце.

Улыбка бармена тут же угасла.

— Ты всегда можешь спросить стражей, — он кивнул на переполненный стол в углу, за которым пили и смеялись императорские солдаты. Сейчас они болтали о женщинах, и, к счастью, их не заботило ничто, кроме девиц, которых можно встретить в таверне, вроде этой.

— А если я не желаю говорить со стражами? — тихо поинтересовался Кейн.

Человек помедлил, и на мгновение Кейн решил, что он собирается вернуть монету и окликнуть солдат. Заговор против императора или любого из его людей потенциально был опасен для жизни. Но в итоге жадность победила по страху.

— Что ты хочешь узнать?

— Недавно в Арсиз прибыл мужчина. Скорее всего, он отправился прямо во дворец в поисках министра Сулейна.

— Министра сейчас нет в его резиденции. Он уехал в северные земли.

Софи вздохнула, и Кейн слегка сжал ее руку. Она была разочарована, но он не жалел, что им не придется искать Сулейна ради беседы.

— Меня больше интересует мужчина, разыскивавший министра. Его зовут Гэлвин Фарел, он приехал сюда вместе с ребенком.

— Ах, да, — тихо произнес бармен. — Мужчина с ребенком. Я слышал, что он все еще живет во дворце в качестве гостя императора. Он ваш друг?

— Нет.

Бармен кивнул и снова посмотрел на Софи. На сей раз не пряча взгляд, а задумчиво изучая посетительницу.

— Говорят, он остановился на пятом уровне, и с тех пор, как несколько дней назад скончалась несчастная императрица, они с ребенком предоставлены сами себе.

— Ребенок здоров? — приглушенным голосом спросила Софи.

Кейн не доверял бармену со слишком большим количеством информации, поэтому задал собственный вопрос:

— Что произошло с императрицей?

— Говорят, у нее случился какой-то припадок, вот так и умерла, — он щелкнул пальцами, и Софи дернулась. — Императору Себастьяну ужасно не везет с женами.

Кейн сомневался, что невезенье имело какое-то отношение к количеству жен, которых похоронил Себастьян, но оставил это мнение при себе.

— Как незаметно попасть на пятый уровень?

Софи едва не подпрыгивала на носочках, настолько ее взволновала близость успеха. Но Кейн научился не радоваться раньше времени. Он не станет праздновать, пока Софи с Арианой не окажутся на безопасном расстоянии от дворца, а Гэлвин Фарел не умрет.

— Один момент, — бармен схватил золотой и отошел к другому концу барной стойки. Некоторое время он переставлял там стаканы и вытирал пролитые напитки, затем склонился к человеку, сидящему у самого края, и заговорил с ним.

Кейн слегка поддался вперед, чтобы лучше разглядеть посетителя, с которым общался бармен. Это оказался крупный мужчина с простым, добродушным лицом. Он был одет, как гражданский, но это ничего не значило. Кейн на всякий случай положил руку на нож,

пристегнутый у него сбоку.

Бармен возвращался так же небрежно, как отходил, несколько раз задерживаясь по пути, чтобы заняться ненужными хозяйственными делами. Подойдя к Кейну, он остановился и стер несуществующее пятно.

— Если ты нас сдал, я тебя убью, — прошептал Кейн.

Бармен не выглядел обеспокоенным.

— Борс не питает любви к императору, и у него есть связи во дворце. Он проводит тебя на пятый уровень, но ты должен дать ему одну из своих золотых монет.

Кейн кивнул.

— Борс встретит вас снаружи, как только допьет напиток. Он надеется, что вы его дождетесь. Наш приятель нетерпелив, поэтому, полагаю, вам, двоим, следует поспешить. — Бармен передал им указание выйти через главные двери и пройти по улице вдоль боковой стены. Борс собирался воспользоваться черным входом, чтобы солдаты не видели, как он выходит вслед за Кейном и его леди.

— Мне это не нравится, — сказал Кейн, когда, последовав инструкциям бармена, они вышли на улицу, и дверь позади них закрылась. Опустилась ночь. Этот город изобилует темными закоулками, в которых скрывалось слишком много доведенных до отчаяния людей. По сравнению со столицей, Шэндли был раем. Днем город пестрил преуспевающими магазинчиками, красочными продавцами и деятельным средним классом. Но после заката его облик менялся. Софи, наверняка, даже не представляла, насколько темным и опасным может быть Арсиз, и даст Бог, никогда этого и не узнает. И лучше прижимать ее к себе как можно крепче.

Софи была взвинчена:

— Я понимаю, почему тому человеку не нравится император. Кейн, он собирается отвести нас к Ариане, я чувствую это! — она радостно улыбнулась. Кейн остановился в переулке, взял ее за руку и развернул к себе лицом.

— Будь осторожна, — прошептал он.

— Ты тоже.

— Если Борс окажется не тем, за кого себя выдает, то я отвлеку его, а ты побежишь. Отправишься к конюшему, у которого мы оставили лошадей. Он выглядит человеком надежным, и полагаю, отведет тебя в безопасное место. Я припрятал несколько монет в секретном отделении моей седельной сумки. Это там, где гравировка на откидной створке.

Ее улыбка наконец растаяла.

— Ты просишь меня убежать и оставить тебя в опасности?

— Один из нас должен добраться до Арианы, — объяснил он.

Софи кивнула и погладила его по щеке.

Он не знал, что еще сказать, поэтому поцеловал ее. Три недели они гнали во весь опор, чтобы добраться сюда. Было так мало времени на размышления о том, что может ждать их потом. Если это потом настанет.

Теперь он хотел этого поцелуя, на случай, если ему не выпадет другого шанса. Даже если все пройдет хорошо, сейчас он нуждался в ее губах.

Софи была такой мягкой и нежной. Она вложила в поцелуй сердце и душу и манила его к себе. Поцелуем, вздохом и прикосновением руки она вела его к месту, в котором он никогда не думал оказаться. Этот поцелуй, как и вся она, были чистым совершенством.

Кейн прервал поцелуй и потер большим пальцем пятно грязи на ее щеке.

— Не медли, — снова напомнил он. — Если я прикажу, беги.

Она кивнула, взяла его за руку, и они продолжили путь по темному переулку. Переплетя пальцы и с бьющимися в унисон сердцами.

Спустя мгновение после того, как они добрались до каменного внутреннего дворика позади таверны, дверь открылась. На миг по влажным камням разлился свет, потом Борс закрыл дверь, и единственным источником света остались несколько грязных окон вдоль переулка.

Здоровяк повернулся к Кейну и протянул руку. Кейн вложил в нее монету, и Борс улыбнулся.

— Ты уверен, что хочешь попасть во дворец? Пятый уровень может быть опасным местом, — он стрельнул глазами в сторону Софи. — Особенно для леди.

— У нас нет выбора, — ответил Кейн.

Борс кивнул. Во внутреннем дворике было темно, но, за ту секунду, что, Борс стоял освещенный огнями из таверны, Кейн успел внимательно разглядеть человека, пообещавшего им помочь. Морщинистое лицо, густую бороду и узкие глаза. Возможно, у здоровяка действительно есть причина ненавидеть императора, и он хотел помочь тем, кто собирался прокрасться во дворец.

Какой-то выпивоха во все горло затянул песню, его визгливый голос доносился из того самого переулка, который вел к внутреннему дворiku. Отчетливый звук мочи, льющейся у стены таверны, объяснил его появление.

Борс тщательно разглядывал Софи.

— Ты очень похожа на министра Сулейна.

— В самом деле?

— Да. Никто не усомнится, что ты приходишься ему дочерью.

Кейн вынул меч и направил острие к сердцу Борса.

— Я не говорил, что она дочь Сулейна.

Борс улыбнулся, ничуть не испугавшись оружия.

— Опустит это, парень. У тебя нет шанса, — он перевел взгляд за плечо Кейна и кивнул.

Солдаты, те, что выпивали в таверне, рассредоточились и окружили их. Мелодия, исполненная молодым человеком, все еще поправлявшим свои брюки, стала громче, и к нему присоединились другие солдаты. Они запланировали замаскировать песней шаги пробирающихся по переулку мужчин, и это сработало. Софи и Кейна застали врасплох.

Кейн начал кружить, пытаясь создать открытое пространство для побега Софи. Но в крайне узком дворике сосредоточилось слишком много вооруженных людей. Их с Софи окружили восемь пьяных, готовых к бою стражей.

— Убейте его, — велел Борс. — Но девочку не трогать. Она мать, как-никак. Кроме того, император предложил за нее очень хорошую награду. — Здоровяк крепко схватил Софи за руку, а остальные стали надвигаться на Кейна. Он вынул нож, встречая солдат с лезвием в каждой руке. Перевес сил не сулил ничего хорошего, но мужчины императора пили много часов и из-за своей численности верили в легкую победу.

Кейн замахнулся на стоящего ближе всех стража. Если у него осталась хоть толика подаренной Софи удачи...

Она хотела закрыть глаза, но не могла. Их было слишком много! У Кейна нет ни единого шанса. Внезапно он оказал упорное сопротивление, удивив солдат. Он свалил двоих на землю, потом еще одного, каждым взмахом нанося потери противнику. Один солдат

шагнул к Софи, Кейн развернулся и метнул в него нож, будто знал о грозившей ей опасности. Клинок угодил в бедро солдата, и тот с воплем осел на землю.

Слишком много вооруженных мужчин дралось в тесном пространстве, но Кейн все еще держался. То, как он вращался, приседал и рубил мечом, отслеживая движения каждого противника, говорило, что он делал это прежде. Много раз. В какой-то момент он пригнулся и вытащил из сапога еще один нож, чтобы вновь драться двумя лезвиями. Солдаты, удивленные его навыками, начали пятиться назад. А затем, разозлившись из-за того, что один человек смог заставить их отступить, атаковали снова.

Кейн двигался быстро, четко и хорошо рассчитывая время. Софи была немного удивлена. Она понятия не имела, что он способен передвигаться с такой скоростью, точностью и силой. На мгновение она подумала, что возможно, только возможно, у них есть шанс выстоять.

А затем, пока он занимался солдатом, дравшимся лучше всех остальных, сзади к Кейну подкрался мужчина, которого он ранил, метнув нож. Страж потерял свое оружие, но сумел застать Кейна врасплох и свалил его на колени ударом кулака в нижний отдел спины.

Солдат, с которым только что дрался Кейн, вскинул меч над преклоненным мужчиной, продержавшимся против них намного дольше, чем они ожидали. Один взмах, и все закончится.

— Стойте! — приказала Софи, вырвав руку из захвата Борса. Она слышала и чувствовала, как бьется ее сердце, но следила, чтобы никто больше не понял, насколько ей сейчас страшно. Софи смотрела на солдат, переводя взгляд с одного на другого. — Вы знаете, кто я? Имеете хоть какое-то представление? Я дочь министра Мэддокса Сулейна. — Не выказывая ни тени своего ужаса, она шагнула под слабый пучок света, рассекавший переулок, чтобы мужчины как следует рассмотрели ее лицо.

— Если ты причинишь хоть какой-то вред этому человеку, я получу твою голову. Если ты не отнесешься к нам, как к почетным гостям самого уважаемого министра Каламбьяна, то закончишь свою жалкую военную карьеру, вычищая конюшни. — Борс держался позади нее и молчал. Шестеро солдат отступили от Кейна, один раненый все еще лежал на земле. Последний храбрец, тот, который едва не снес Кейну голову, опустил меч и коснулся острием шеи Кейна.

Софи пронзила его взглядом:

— Все еще хочешь помахать мечом? Думаешь, справишься с лопатой навоза так же лихо?

— Он пока не сдался, — возразил солдат.

— Так ты проводишь нас во дворец невредимыми? — спросила Софи.

— Софи... — запротестовал Кейн.

— Если... он опустит... оружие, — кратко ответил солдат.

— Прости, — тихо сказала она, посмотрев на Кейна. — Я не побегу от тебя или Арианы. Мы не так планировали попасть во дворец, но это необходимо сделать. — Софи знала, что он бился бы тут до самого конца, но не хотела его смерти. — Я не хочу идти туда одна, — прошептала она.

С проклятием Кейн опустил нож и меч, и упрямый солдат отвел лезвие от его шеи. Софи протянула Кейну руку, но Борс снова схватил ее за запястье и оттащил назад, прежде чем их ладони успели встретиться.

Ей следовало догадаться, что Кейн не пойдет с ними по своей воле. Поднявшись, он

толкнул ничего не подозревающего солдата локтем в живот и двинул в челюсть второму, заставив их покачнуться. Он уже готовился заняться следующим, когда страж, который отвлекал их песней, разбил бутылку виски о голову Кейна.

Кейн резко осел на землю, виски стекало по его волосам, лицу и рубашке.

Софи попыталась шагнуть вперед, но на сей раз Борс быстро удержал ее на месте. Она не отважилась окликнуть Кейна по имени, поскольку помнила о его предостережении.

— Я тебя предупредила, — тихо сказала она солдату.

— Министр обороны не запрещает своим людям разоружать тех, кто на них нападает, — раздраженно ответил один из мужчин.

Борс дернул Софи назад, так чтобы она встала у него сбоку.

— Отведи заключенного на двенадцатый уровень и держи там, пока не получишь от меня известия. Эту я отведу к императору. — Здоровяк очень походил на солдата, хотя не носил форму. И стражи покорно ему подчинялись.

Два стража подняли Кейна с земли и поволокли за собой. Двое других помогали раненому. Солдат, который прижимал лезвие к горлу Кейна, шагнул вперед:

— Не забудь о нашей доле награды, Борс.

— Не забуду.

— А ты не забудь, что сопровождаешь не пленника, а гостя министра обороны, — пылко заявила Софи.

— Не волнуйся, малышка, — страж покровительственно погладил Софи по голове. — Он в безопасности. До тех пор, пока твой папа не вернется домой и не прикажет мне снести ему голову, — мужчина широко усмехнулся. — Если хочешь, я вручу эту голову лично тебе.

С тех пор, как Себастьян придумал план мести, его настроение значительно улучшилось, но за прошлые несколько недель, возможно, даже месяцев, он уделял делам Каламбьяна слишком мало времени и внимания. Лиана обнаружила, что подталкивает его заниматься самыми простым вопросами, встречаться с министрами и следить, чтобы жрецы были счастливы. Его обязанности правителя страны часто перепоручались другим людям, как правило, министрам, которых он столь тщательно подбирает себе на службу, но некоторые дела требовали его личного внимания.

Для Лианы эта забота стала еще одним шагом в завоевании полного доверия Себастьяна. Она направляла его, словно сама была министром. Когда они оставались одни, она давала императору советы, поддерживала и нежила его.

И, тем не менее, ее по-прежнему обыскивали, прежде чем впустить к Себастьяну. Каждое утро, когда она присоединилась к нему после сна в собственной спальне. Каждую ночь, когда приходила для более личных дел. Независимо от причины ее визита, стражи выказывали ей не больше уважения, чем в прошлом. Не имело значения, насколько важной она стала для их повелителя. Для них она была шлюхой, и навсегда ею останется. Даже если Себастьян, в самом деле решит сделать ее своей императрицей, стражи продолжают смотреть на нее так, будто она не лучше проститутки из таверны.

Однажды она заставит их всех заплатить. Каждого из них.

Себастьян лежал на своей кровати, и Лиана присела рядом. В этот момент его мысли занимали дела государства, поэтому они оба были полностью одеты. Для секса настанет время потом, когда Себастьян устанет от многочисленных повседневных проблем. Сейчас он встревожен и рассеян, но позже обратится к ней как средству, помогающему забыться.

Лиана наслаждалась этим временем с Себастьяном больше, чем желала себе признать. Она стала его ушами. Он спрашивал ее мнения, доверял ее интуиции. Она считала себя достойной такого положения. За прошлые годы Лиана спала со многими советниками, и все они разговаривали с ней. А она внимательно слушала, изучая нюансы политики и поглощая каждое слово министров, чьей единственной целью было раздуть свою значимость в ее глазах. Многие из них теперь исчезли или умерли. Но она осталась. По-своему, она была более важной, чем когда-либо мог стать любой из них.

Она нежно гладила Себастьяна по голове, пока он обдумывал вероятности объявления войны или заключения перемирия с кланами Трайфина. Через несколько дней он планировал встретиться с послом одного из наиболее важных кланов — того самого, в сговоре с которым обвинили последнего министра финансов — и император никак не мог решить, должен ли он поручить Лиане убить посла или же произвести на него впечатление богатством и гостеприимством Каламбьяна.

— Ты мог бы заключить с ним союз. Пока, — заметила Лиана. — Говорят, мятежники время от времени находят в Трайфине приют.

— Тогда, возможно, лучше его убить.

Лиана покачала головой. Себастьян часто поступал опрометчиво. Не всегда тщательно продумывал последствия своих действий.

— Ты же не хочешь, чтобы трайфинцы объединились с мятежниками. Сделай Трайфин нашим союзником, попроси их помощи в разгроме мятежников, и когда Эрик перестанет

представлять из себя проблему, ты сможешь бросить вызов Трайфину, если к тому времени не передумаешь.

Он почти улыбнулся:

— Расширить границы Каламбьяна во время моего правления, стало бы великолепным наследием.

— Да, стало бы, — прошептала она.

— У них богатая страна, — размышлял он. — Изобилие природных ресурсов. Серебро, золото, медь. И все же они постоянно сражаются меж собой. Их завоевание станет благом для Каламбьяна. Когда я избавлюсь от ублюдка-Эрика, то так и сделаю.

— Но пока, — сказала Лиана, — Ты сделаешь посла Трайфина нашим союзником.

— Да, — тихо сказал он. — Сейчас так будет лучше.

Лиана растянулась рядом с Себастьяном и положила голову ему на грудь, слушая удары его сердца. Он зарылся рукой в ее волосы и сжал их почти нежно.

Правитель Каламбьяна мог быть жестоким, она знала это лучше, чем кто-либо другой. Он мог быть неблагоразумным и раздражительным, и да, возможно, временами очень близко подходил к безумию. Но порой она видела в Себастьяне и хорошие черты. Наверное, ей необходимо было видеть их, чтобы делать то, что она делала. Хотя иногда он уставал от политических тонкостей и постоянно боялся предательства, но он действительно хотел стать достойным императором. Люди этой страны, люди, которых он так редко видел, много для него значили. Он хотел, чтобы они любили его и в глубине души считал их своими детьми.

Несколько лет назад он учредил министерство искусств, проявив заботу к тому, чем пренебрегали во время правления его отца. Он открыл в Арсизе новый музей, заполненный, как она слышала, улаждающими взор картинами и скульптурами. Лиана никогда не посещала музей и, вероятно, никогда уже не посетит, но, тем не менее, считала этот поступок хорошим. Себастьян также возродил фестивали, которые его дедушка в последние годы своего правления объявил вне закона. Фестивали проводились каждый новый сезон, люди в городе во время них танцевали, пели и смеялись. Лиана часто наблюдала за ними сверху, размышляя, каково это — оказаться там среди них.

Себастьян проявлял огромный интерес к машинам, которые Лиана полностью не понимала, вроде тех, что приводили в действие лифт и опахала или зажигали искусственные огни во дворце. Сейчас он держал эти изобретения и людей, которые их придумывали, при себе, но она предполагала, что однажды император поделится чудесами со своей страной.

Он даже негласно прекратил практику своего отца похищать женщин для третьего уровня, хотя для Лианы эти изменения произошли слишком поздно.

Время от времени он говорил о будущем и о том, что оно могло сулить, выражал интерес к превращению своей страны в лучшее место, чем то, которое ему досталось. Это стало бы его наследием. Себастьян хотел, чтобы его помнили после смерти.

Он мог поступать жестоко — и поступал — но император не был полностью лишен доброты. Когда она угождала ему, он дарил ей цветы, духи и драгоценности. В последнее время Себастьян делал ей подарки почти каждый день, и, когда она радовалась, он радовался сам. Казалось, будто сам больше не мог испытывать счастья, но видел и чувствовал его через Лиану.

Мысль о женитьбе Себастьяна на дочери Сулейна, была смехотворной. Девушка, несомненно, окажется такой же неотесанной, как Фарел, и как только император ее увидит, то сразу передумает брать в жены. Он без труда мог сделать девчонку своей наложницей и

заставить обслуживать министров и жрецов, когда ее отец обслуживался бы рядом. Разве это не послужит достаточной мезтью?

Она все еще ненавидела его, но также понимала, что они с Себастьяном, в некотором роде, составляют хорошую пару. Если он попросит ее стать его императрицей, она согласится. Вместе они смогут править многие годы, хорошо править. Она могла бы стать его негласным советником, голосом разума, когда Себастьяном завладевали эмоции. Вместе, они им было бы под силу править миром.

Иногда, в краткие мгновения помрачения рассудка, она сомневалась в своем решении убить его. Чаще всего такое происходило в моменты близости. В те дни или ночи, когда стоило ему только прикоснуться к ней, и ее тело начинало откликаться. Как начало откликаться сейчас.

Она закинула руку вокруг него и крепко обняла. Возможно, крепче чем следовало. Их тела были настолько близки, что она не могла не почувствовать его ответную реакцию. Он стал твердым и горячим. И стиснул в кулаке ее волосы.

Разговоры о войне закончились, по крайней мере на сегодняшний вечер. Она прижалась губами к его горлу в долгом, неторопливом поцелуе. У него был вкус соли и мыла и очень мужской аромат. Аромат Себастьяна.

Порой он брал ее быстро, без касаний и объятий, без близости, столь редкой для них обоих. Но сегодня он не торопился. Его руки исследовали и возбуждали, губы дразнили ее горло. Сегодня он не приказал ей раздеться, вместо этого начал раздевать ее сам. Расстегнул три верхние пуговицы платья и отвел ткань от разгоряченной кожи.

Если бы сейчас он попросил ее стать его императрицей, она согласилась бы без колебаний.

Если бы он спросил, любит ли она его...

Стук в дверь заставил Лиану подпрыгнуть. Было поздно, слишком поздно, чтобы тревожить императора. Любому с каплей здравого смысла. Себастьян вздохнул, откатился от нее и оставил в кровати одну ждать его возвращения. Она надеялась, это случится быстро.

Нет, не надеялась. Это не возможно. Все это время она хотела лишь заставить Себастьяна нуждаться в ней. И никогда не ожидала, что сама тоже может начать нуждаться в нем.

Себастьян открыл одну из двустворчатых дверей и впустил Тэнэли в комнату. Солдат бросил на Лиану быстрый взгляд и что-то зашептал Себастьяну на ухо. Лиана села и пронзила стража яростным взглядом. Как он посмел! В ее присутствии не было никакой необходимости что-то скрывать, и Тэнэли прекрасно это знал.

Она услышала ответ Себастьяна:

— Веди ее, — он повернулся к ней и усмехнулся. Она не видела такой улыбки с тех пор, как император избавился от Рикки. Он подошел к кровати и протянул Лиане руку. — Она здесь.

Лиана приняла руку Себастьяна и встала. Ее сердце сжалось, но она очень постаралась не выдать свою реакцию.

— Дочь Мэддокса? Так скоро?

— Да. Она со своим спутником пыталась тайком пробраться во дворец, чтобы спасти ребенка.

— Спутник?

Себастьян пожал плечами.

— Его поместили на двенадцатом уровне. Позже решу, что с ним делать, — его улыбка стала чуть шире. — После того, как раздобуду себе новую невесту. Сейчас я ни о чем больше не могу думать.

Лиана заставила себя улыбнуться. Мгновение назад он лежал рядом с ней, и она не сомневалась, что полностью владеет его вниманием. Даже воображала, как он попросит ее стать императрицей. А теперь он говорит о своей новой невесте.

— Как не похоже на тебя так волноваться из-за женщины, которую ты даже не видел, — сказала Лиана, застегивая платье. — Обычно ты гораздо разборчивее, Себастьян.

— Неужели ты ревнуешь? — спросил он, слегка приподняв брови.

— Не смей меня, — резко ответила она. — За время нашего знакомства в твоей постели бывали и другие женщины. Так почему я должна ревновать сейчас?

— Потому что все изменилось, — прошептал он.

— Но одно не изменилось, — так же спокойно ответила она. — Ни ты, ни я не способны любить, а без любви не бывает ревности.

Он поцеловал ее в лоб, когда двери в его покои снова открылись.

Крупный мужчина, одетый в гражданское, за руку втянул в комнату женщину, и сердце Лианы упало. Ее лицо не выглядело лошадиным, и она, определенно, была ребенком Мэддокса. В подарок от отца ей достались светлые волосы и сверкающие голубые глаза.

Она была прекрасна.

Себастьян казался довольным. Он оставил Лиану и направился к девочке и ее эскорту.

— Как я понял, ты утверждаешь, будто приходишься дочерью министру Сулейну.

— Да, — тихим, дрожащим голосом ответила девочка.

Себастьян жестом выпроводил мужчину, который привел девушку в спальню, и пообещал обсудить с ним обещанную награду позднее. Тот не обрадовался такому заявлению, но не посмел возразить и неохотно удалился.

— Меня... меня зовут Софи Файн, — сказала девочка. — Министр Сулейн действительно мой отец, но я никогда его не видела и приехала сюда не по этой причине.

— Почему же ты здесь? — Себастьян заинтересованно провел пальцем по щеке девочки.

Софи Файн не была душой... или девочкой, решила Лиана. Она была женщиной и прекрасно поняла, что означает блеск в глазах императора и этот странствующий палец.

— Мужчина, который искал вашего покровительства, похитил моего ребенка, — ответила она. Да, ее голос все еще дрожал, но она не съежилась.

— Фарел, — произнес Себастьян.

Глаза Софи наполнились радостью.

— Да. Я хочу лишь вернуть дочь. И... и чтобы освободили моего друга.

— Друга? — спросил Себастьян. — Полагаю, ты говоришь о мужчине, который сопровождал тебя сегодня вечером. У твоего друга есть имя?

Софи сглотнула и отвела взгляд.

— Рин, — быстро произнесла она.

Она солгала, Лиана немедленно поняла это. Но имя не имело никакого значения. Через пару дней заключенный умрет. Если уже не умер.

— Пожалуйста, милорд, — тихо взмолилась Софи, нервно жестикулируя изящными руками. — Я знаю, вы добрый и великодушный человек. Я прошу только о своем ребенке и друге. Сегодня же ночью мы уедем. Я ничего не ожидаю ни от вас, ни от моего отца. Ничего.

— У меня есть идея получше, — весело сообщил Себастьян. — Понимаешь, мне отчаянно нужна новая императрица, которая подарит мне наследника, а поскольку твой отец — мой самый надежный министр, то из тебя получится прекрасная кандидатура на это положение.

Голубые глаза Софи удивленно распахнулись, руки замерли.

— Милорд, это льстит мне, но я не могу...

Себастьян ближе склонился к девочке:

— Я не спрашивал твоего мнения или согласия, Софи Файн.

Софи побледнела.

Себастьян оглянулся на Лиану.

— Вызови жреца. Незачем медлить.

— Но... но... — бормотала Софи. Ее щеки слегка порозовели.

Лиана подошла к Себастьяну.

— Сегодня ночью?

— К чему ждать? — ответил он.

Лиана изучила Софи критическим взглядом. Да, эта женщина может представлять угрозу всем ее планам. Она отличалась от других. Не была покорной или подверженной вспышкам темперамента, она не из тех, кто опускает взгляд всякий раз, когда муж оказывается рядом. В ней достаточно красоты и храбрости, чтобы привлечь и, возможно, даже удержать внимание Себастьяна.

Она может стать серьезной проблемой.

Лиана приподняла длинную, грязную прядь светлых волос.

— Вы император, милорд. И заслуживаете достойной императрицы. А это немытое создание одето, словно крестьянка, и я серьезно сомневаюсь, что она имеет хоть какое-то представление о том, как ублажать мужа.

— У нее есть ребенок.

— Умение раздвигать ноги не доказывает, что она знакома с истинным наслаждением.

Щеки девочки снова вспыхнули.

— Твои предыдущие жены происходили из добропорядочных семей. Надлежащий период подготовки посчитали бы для них неуместным, но с этой девочкой ты можешь делать все, что пожелаешь.

— Меня не заботит... — начал Себастьян.

— Все прежние жены вас разочаровали. Позвольте мне подготовить эту, как следует, милорд, — Лиана успокаивающе положила ладонь ему на руку. — Когда отец Софи вернется, он будет рад увидеть рядом с вами достойную императрицу. Не так ли?

Себастьян посмотрел ей в глаза.

— Достойная императрица.

— Достойная, счастливая и преданная императрица. Разве не этого вы хотели? — Она слишком хорошо помнила его план. Испуганная девочка, насильно выданная замуж и изнасилованная сразу по прибытии, едва ли поможет Себастьяну создать видимость счастливой семьи, которую он хотел презентовать Мэддоксу, а потом отобрать.

Кроме того, она хотела выиграть время, чтобы подумать. Составить план. Лиана не могла позволить какой-то девчонке пошатнуть ее положение.

Себастьян выглядел скорее заинтригованным, нежели нетерпеливым. Это было хорошим знаком.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы превратить эту крестьянку в императрицу?

Лиана глубоко вздохнула. Нет, она не ревновала, но все же пока не была готова поделиться Себастьяном с этой женщиной.

— Неделя.

Он рассмеялся.

— У тебя есть три дня. Нет, два с половиной. Думаю, послеполуденная церемония подойдет как нельзя лучше. Приедет посол из Трайфина, и мы сможем произвести на него впечатление великолепием королевской свадьбы и последующего банкета. Займись приготовлениями.

Лиана взяла Софи за руку. Девочка слушала их испугано, но не ударилась в панику.

— Если я соглашусь на этот... этот брак, — начала Софи, затаив дыхание, — Могу я выдвинуть несколько требований?

— Ты можешь требовать чего угодно, — сказал Себастьян. — Но я не обещаю, что ты это получишь.

Софи вздернула подбородок. Другая в подобной ситуации могла бы упасть в обморок, заплакать или задрожать от страха. Софи Файн не сделала ничего подобного. Да, вне всяких сомнений, она была дочерью Мэддокса.

— Я хочу увидеть моего ребенка. Сегодня ночью.

Себастьян пожал плечами:

— Это можно устроить.

— И прежде, чем состоится свадьба, я хочу чтобы отпустили мою дочь и друга, которого сегодня захватили в плен. Позвольте им ухать домой.

— Звучит разумно, — с нежной улыбкой сказал Себастьян.

Софи расслабилась. Через мгновение она даже улыбнулась. Лиана понимала, что Себастьян никогда не даст внучке Мэддокса ускользнуть, и сильно сомневалась, что он позволит другу Софи покинуть дворец. Но девушке об этом знать не полагалось. Пока не состоится церемония.

Лиана посмотрела на Себастьяна.

— Двух с половиной дней недостаточно, — предупредила она. — Чтобы подготовить ее, мне нужна неделя.

К Себастьяну вернулось его нетерпение:

— Я не могу ждать неделю!

— Можешь, — прошептала она. — Я вернусь, как только устрою ее. Мы заставим эту неделю пролететь быстро.

Себастьян смотрел на Софи, и Лиана видела в его глазах восхищение. Даже в мужской одежде, чумазая и пахнувшая грязью и потом, эта девушка, которой предназначалось стать следующей императрицей Себастьяна, была невероятной красавицей. Такую легко возненавидеть.

— Нет, — рассеянно отозвался Себастьян. — Сегодня можешь не возвращаться. — Он пронзил ее острым взглядом. — Я даю тебе только два с половиной дня, Лиана, это все.

Необыкновенные голубые глаза Софи расширились.

— Лиана? — тихо повторила она. И тут же спохватилась. — Какое милое имя. Не припоминаю, чтобы когда-либо прежде его слышала. Оно очень красивое.

Боже, девочка была ужасной вруньей. Она могла услышать ее имя где-то в городе... или даже в южных землях. Любой из посетителей дворца мог болтать о самой

привилегированной любовнице Себастьяна. Но никто за пределами этой комнаты не знал, что Лиана также исполняла роль наемного убийцы, тогда почему простое упоминание ее имени так удивило Софи?

Когда они покинули покои Себастьяна, два стража направились сопровождать женщин на пятый уровень, а два других остались охранять двери императора. Ни Софи, ни Лиана не произносили ни слова. Странная девочка изумленно разглядывала лифт, пока он быстро нес их с первого уровня на пятый.

Когда-то Лиана тоже находила подобные вещи удивительными, но больше нет. Боже, эта женщина может стать большой проблемой.

Было бы так легко убить Софи Файн. Девочка безоружна, и даже не успеет заметить лезвие, поскольку не ожидает нападения от другой женщины. Лиана не забыла бы о сочувствии. Она знала, как сделать смерть быстрой и безболезненной. Ну, почти безболезненной.

Но так низко она еще не пала. И не могла убить невинную девочку только за то, что та хотела вернуть себе ребенка и свободу. Хотя вряд ли Софи когда-либо это получит. Кроме того, Себастьян придет в бешенство, если она убьет девочку прежде, чем он с нею закончит.

Очутившись в коридорах пятого уровня Лиана направилась к комнате, в которой разместили ребенка. Когда Софи поняла, куда они идут, ее лицо наполнилось радостью.

— Ты видела Ариану? — оживленно спросила девушка. — Она здорова?

Стражи не отставали от них, будто ожидали от Софи неприятностей, но Лиана их игнорировала. Она привыкла на каждом шагу видеть одетых в зеленую униформу солдат, но Софи нет, судя по взглядам, которые она время от времени бросала за спину.

— Мистер Фарел приехал с кормилицей, и она осталась здесь, чтобы позаботиться о ребенке.

— Ариана хорошо ест, она довольна?

— На самом деле, я следила за такими деталями, — пробормотала Лиана. Дети ее не интересовали. Чумазые, бестолковые, эгоцентричные создания. Она никогда не понимала, что в них находят привлекательного. Если даже Лиана когда-то обладала материнским инстинктом, то Себастьян давно убил его.

Пока они шли вдоль длинного коридора, их окружала тишина, но внезапно раздался тихий и жалобный крик ребенка. Софи резко остановилась и затаила дыхание. Лиана остановилась вслед за ней. Этот крик... он звучал почти так же, как вопль, который она слышала в глубинах тринадцатого уровня. Ее сердце сжалось, живот скрутило, но она пересилила свою неожиданную реакцию.

— Поторапливайся, — приказала она.

Софи побежала, будто точно знала, куда идти. Светлые волосы, потускневшие от дорожной пыли, так же как у Мэддокса после долгого путешествия, развевались за ее спиной. Она остановилась перед дверью. Правильной дверью, хотя Лиана не понимала, как Софи догадалась. Мгновение она помедлила, а затем рывком открыла дверь.

Крик стал громче, и по спине Лианы пробежал холодок.

Она остановилась в дверном проеме, наблюдая, как Софи вынула ребенка из колыбели, установленной возле узкой кровати в комнате служанки. Кормилица сидела рядом и поднялась, глядя на плачущую женщину, прижимавшую к груди ребенка, куртизанку и стражей, равнодушно следивших за трогательным воссоединением.

Софи Файн обнимала ребенка крепко, но нежно. Все ее тело дрожало, и она шептала тихие слова, неслышные никому, кроме них двоих. Несомненно, слова облегчения, благодарности и любви.

— Ступай, — велела Лиана кормилице. — До утра ты не понадобишься. Сегодня можешь спать в своей комнате.

Кормилица кивнула и с благодарностью проскользнула мимо Лианы. Фарелу выделили собственные покои на этом уровне, но он никогда не покидал их без вооруженного эскорта. Лиана задумалась, догадался ли он, наконец, что был тут не гостем, а пленником.

Он ненадолго задержится на пятом уровне. Теперь, когда Софи Файн приехала, его проводят на двенадцатый, или, возможно, даже на тринадцатый уровень. Лиана не испытывала сочувствия к человеку, который похитил ребенка у матери.

Софи и прежде была красивой, но когда она взяла на руки дочь, Лиана ощутила то, что могло быть лишь эмоцией, в которой ее обвинил Себастьян. Ревность. В глазах Софи сияла такая огромная любовь, такая большая чистая радость. И лицо ребенка тоже выражало любовь. Ребенок может любить? Это невозможно. У них есть только потребности. Еда, сон и чистые пеленки. Но казалось, будто Ариана узнала свою мать. И любит ее.

— Я зайду за тобой утром, — резко сказала Лиана. — Нам предстоит многое сделать.

Софи рассеянно кивнула, не отводя глаз от дочери.

Лиана закрыла дверь и приказала стражам дежурить всю ночь.

Себастьян никогда ее не простит, если она потеряет его невесту.

Они забрали его ножи, меч и ботинки, а потом приковали цепью в углу маленькой комнаты с каменными стенами и холодным каменным полом. Цепи были достаточно свободными, чтобы позволить ему слегка двигаться. Слегка. Сесть он не мог, только стоять и наклоняться вперед, отчего плечи уже болели.

Кейн подергал свои оковы. Те загрохотали, но не поддались. Цепи оказались надежно вбиты в стену, а тяжелая дверь — надежно закрытой. Здесь не было ни окон, ни какого-либо другого света. Маленький лучик просачивался через трещину под дверью, и некоторое время назад его глаза приспособились к темноте.

Он тут в ловушке. Без оружия, без удачи. Без надежды. А его дочь все еще не спасена, и Софи не в безопасности.

В прочной, темной и маленькой камере было не совсем тихо. Стуча о пол сапогами, по коридору туда-сюда ходили охранники. Слишком толстые стены и дверь не позволяли разобрать слова, но Кейн слышал их голоса и смех. Снизу доносились захлёбывающиеся вопли и приглушенное бормотание, а иногда у себя под ногами, с другой стороны камней, он различал царапанье.

Он не знал, что находится внизу, но вряд ли это было нечто столь безобидное, как крысы. До его ушей долетел чей-то вопль. Нет, внизу жили не грызуны. И похоже, тот крик издала... женщина.

Кейн закрыл глаза и начал молиться. Прошло много времени с тех пор, как он взывал к Богу. Очень много времени. Но в месте, где кричали женщины, где похищали младенцев, а молодых девочек вынуждали становиться шлюхами, где люди, не согласные с императором, просто исчезли... молитвы определенно, не помешают.

Кейн ничего не просил для себя. Он просил защитить Ариану и Софи. Просил дать им шанс сбежать.

Он хотел мести и правосудия. Но их он желал осуществить самостоятельно, поэтому не просил Бога покарать тех, кто уничтожил его семью.

Дверь камеры резко распахнулась, и на миг Кейна ослепило яркое сияние фонаря, который держал солдат. Некоторое время он ничего больше не видел. Яркий свет, потом зеленую униформу и длинные темные волосы.

И тут солдат сказал:

— Мятежник-деревенщина. Когда я увидел, как ребята волокут тебя, то подумал, что уже где-то видел эту смазливую физиономию.

Этот голос...

Когда фонарь опустился, Кейн, наконец, смог хорошенько рассмотреть худощавое лицо солдата и шрам на его щеке. Перед ним стоял улыбающийся убийца Дарэна.

Рано утром Лиана зашла за Софи, и та крайне неохотно оставила Ариану на попечении кормилицы. Очень официальное на вид темно-красное платье Лианы резко контрастировало с нарядом Софи, спавшей в нижнем белье с Арианой под боком, а сейчас облаченной в ту же старую одежду, которую носила уже много дней подряд. Она непременно сожжет свои брюки и рубашку, как только закончится это приключение.

Лиана крепко стиснула запястье Софи, и увела ее от ребенка. Возможно ли, что она

действительно сестра Кейна? Имя было не слишком редким, но Лиану Кейна привезли в это место давным-давно. У этой женщины были такие же необычные волосы, перемешанные золотые и каштановые пряди, и зеленые глаза, хотя их оттенок немного отличался.

Но на этом сходство заканчивалось. Кейн был добрым, хорошим и благородным, а эта женщина — расчетливой интриганкой и, возможно, злой. Пока она тянула Софи вверх по узкой витой лестнице на следующий уровень и дальше, вдоль по широкому коридору, в ее глазах, несомненно, горел злой огонек. Один страж остался караулить дверь Арианы, другой не отставал от двух женщин, провожая их до большой, влажной комнаты. Уже настало утро, тогда где же солнце? Свет в этом гулком зале был искусственным. Установленные в стенах странные лампы сияли желтым, тут и там горел приятный для глаз огонь, даже в шарах, парящих над поверхностью гигантского бассейна.

— Снимай свою отвратительную одежду, — приказала Лиана, выпустив запястье Софи.

— Но здесь... — Софи огляделась. Больше полдюжины девочек находились в разных стадиях одевания и раздевания. Они купались в бассейне, смеялись, укладывали волосы. Сопровождавший их солдат остался в комнате охранять дверные проемы, вместе с уже находившимися тут тремя мужчинами. Но то были не солдаты, а молодые люди в свободных и коротких синих туниках, оставлявших открытыми мускулистые руки и длинные ноги.

— Если ты чертова скромница, — резко заявила Лиана, — То предлагаю побыстрее избавиться от этой черты. Уверяю, у твоего будущего мужа она отсутствует.

— Я не чертова скромница, — ответила Софи. — Но и выставять себя напоказ не привыкла.

— Значит, пора привыкать, — криво усмехнувшись, сказала Лиана.

Определенно, она злая, решила Софи.

Софи стояла, не двигаясь. Лиана подняла руку, и в их сторону направился один из полуголых мужчин в синем.

— Эта женщина скоро станет твоей новой императрицей, Брас, — сообщила Лиана. Она не отрывала взгляда от лица Софи, будто искала там... страх? Или, может, смирение.

Брас, красивый молодой человек с темными, зачесанными назад волосами, перевязанными ленточкой в тон туники, решительно поклонился.

— Брас — мастер обучения, — объяснила Лиана. — Одна из его обязанностей состоит в том, помогать дамам раздеваться, если они того пожелают.

Софи понятия не имела, кто такой мастер обучения, но, разумеется, поняла остальное.

— Я в состоянии раздеться самостоятельно.

— Докажи, — рявкнула Лиана.

Софи принялась расстегивать свою рубашку, и Лиана снова подняла руку, приказывая молодому человеку отойти. Тот молча подчинился и вернулся к остальным мужчинам, которые, вероятно, тоже были мастерами обучения. Что бы это не значило.

Софи повернулась к ним спиной и быстро разделась. Потом ступила в бассейн, спустившись по широким мраморным ступенькам и погрузившись в воду. Та оказалась прекрасной. Не слишком холодной и не слишком горячей, а также приятно пахнувшей едва уловимыми ароматами масел.

Она предпочла бы свой пруд и тепло утреннего солнца, но признала, что принимать ванну было очень, очень хорошо.

Подобная ванна была роскошью, и Софи на мгновение закрыла глаза, наслаждалась ощущением воды на коже. Потом нырнула, чтобы намочить лицо и волосы, и медленно

всплыла на поверхность. Если бы над ней сияло солнце, Ариана спала рядом, а Кейн плавал бы вместе с ней, то она чувствовала бы себя восхитительно.

Но ничего восхитительного тут не было.

В комнату вошли еще три женщины. В отличие от Лианы, они носили не красные, а голубые платья различных оттенков, сшитые из тонкой ткани, которая при ходьбе льнула к их телам. У края бассейна они небрежно скинули свои наряды и, спустившись по лестнице, присоединились к Софи.

— Эти леди искупают тебя как следует, — сообщила Лиана, холодно наблюдая за Софи и остальными девочками.

— Я могу вымыться самостоятельно, — возразила Софи.

— Раз уж тебе предстоит выйти за императора, то придется научиться вести себя, как императрица. Он не захочет жениться на грязной крестьянке.

— Тогда, возможно, ему стоит жениться не на мне, — выпалила Софи.

Лиана улыбнулась, но глаза оставались серьезными.

— Я передам императору о твоём нежелании. Он расстроится. Похоже, ты уже забыла о том, что твои дочь и друг гостят во дворце лишь потому, что скоро ты станешь женой Себастьяна, и он желает тебя порадовать.

— Нет, — резко сказала Софи. — Не нужно говорить с императором. — Она медленно подняла руки и встала, готовая принять все унижения, которые приготовила для нее Лиана.

Девочки, спустившиеся к Софи в бассейн, принесли с собой губки и ароматные мыла. Все они были юными, моложе Софи, а одной, несомненно, не еще исполнилось и пятнадцати. Они нежно искупали свою новую подопечную, вымыли и сполоснули ей волосы. Стоять спокойно, пока другие выполняют за нее столь простые и личные дела, казалось странным.

Это ради Кейна и Арианы, продолжала повторять про себя Софи.

Закончив, девочки и Софи выбрались из бассейна. Они вместе поднялись по широким ступенькам, и когда ее обнаженной кожи коснулся прохладный воздух, Софи задрожала. Брас со своими друзьями наблюдали за ней, заинтересованно, но не плотоядно.

Около лестницы лежала стопка полотенец. Девочки, купавшие Софи, вытерли ее с головы до ног, затем принялись натирать ее кожу сладко пахнущим бальзамом, пока та не стала на ощупь, как шелк. Она села, и одна из девочек очень осторожно расчесала ей волосы, пока другая намазывала лосьоном ее ноги. Третья принесла платье из маленького стеллажа с одеждой в дальнем углу комнаты. Когда волосы Софи были расчесаны, а ноги смазаны лосьоном, она встала и позволила девочкам одеть ее, так же послушно, как позволяла себя мыть.

Восхитительная ткань белого платья почти не ощущалась на коже, словно Софи так и осталась без одежды. Материал оказался настолько тонким, что при определенном освещении, она, наверняка, будет выглядеть голой.

Но Софи не жаловалась. Ее сотрудничество гарантировало Кейну и Ариане безопасность, пока. Она не могла забывать об этом.

Высоко вздернув подбородок, она повернулась лицом к торжествующей Лиане.

— Что теперь?

Лиана улыбнулась:

— Теперь, пора встретиться с мастерами третьего уровня.

Ублюдок вернулся. Кейн поднял голову, чтобы посмотреть в глаза солдату. Уже дважды после своего первого визита он приходил в камеру, чтобы попытаться убить Кейна. По какой-то причине страж не мог убить пленника, наградившего его уродливым шрамом на щеке, но по поводу избиений не колебался.

Как и по поводу разговоров. Ударяя и пиная закованного в цепи, заключенного, солдат не затыкался ни на минуту. Он говорил о том, как умерли мятежники на дороге. Как они вопили и кричали от поражения. Рассказывал об отрубленных головах, развешанных по всему городу и болтавшихся там, пока не сгнили.

Говорил о том, как Кейн сбежал. Это могло показаться падением, но они-то оба знали, что Кейн трус, бросивший сражение. Мятежник знал, что не сможет победить и оставил гнить своих друзей и брата. Потом солдат со шрамом, начал противоречить сам себе, заявив, что если бы только заподозрил, что Кейн пережил падение, то спустился бы в ущелье и отрубил ему голову.

В промежутках между насмешками и истязаниями, страж задавал вопросы. Как его имя? Где Эрик? Зачем он приехал в Арсиз? Какими планами мятежников он готов поделиться в обмен на прекращение пыток?

Кейн не знал, день это был или ночь, когда охранник пришел снова. По-видимому, страж считал удары и пинки, недостаточно забавными, поскольку на сей раз принес с собой палку и короткий нож.

— Привет, деревенщина. Готов назвать свое имя? Говорят, тебя зовут Рин. Кажется, твою леди ничуть не беспокоят твои секреты. Это имя или фамилия? Рин? А дальше? Когда ты умрешь, я, возможно, захочу найти твою семью и выразить им свое почтение, но как это сделать, зная только имя?

Кейн не отвечал. Рин? Должно быть, это Софи выдала им кусочек ложной информации, помня о предупреждении не упоминать его имя.

— Знаешь, твой брат, наверняка, уже назвал бы мне свое имя, — глумился страж, подходя ближе. — То трусливое подобие солдата не заслуживало называться даже мятежником. Он был блохой, наступил и раздавил. То же ждет и тебя, как только мне дадут разрешение раздавить тебя раз и навсегда.

Кейн посмотрел стражу в глаза:

— Это я раздавлю тебя прежде, чем уеду из этого места. Как твое имя? Хотелось бы знать, как тебя называть, когда я выставлю твою голову за стенами дворца.

Солдат размахнулся толстой палкой и ударил Кейна по ногам. Его обожгла боль, а дальше, несомненно, станет еще хуже. Но Кейн не закричал.

Солдат задумался, воспользоваться ли ему в этот раз палкой или ножом.

— У меня нет причин скрывать свое имя. Нэйрн. Айзо Нэйрн. Убийца мятежников и последние семь месяцев хранитель ворот тринадцатого уровня. — Он наклонился ближе. — Твой брат умер слишком быстро. Думаю, это хорошо, что мне приказали пока не убивать тебя. Твоя смерть будет очень, очень долгой, мятежник.

Кейн вздрогнул, когда Нэйрн разрезал его рубашку.

— Зато твоя будет быстрой, — прошептал он, когда солдат снова замахнулся палкой.

Нэйрн ответил сильным ударом острия ножа по щеке Кейна.

— Теперь ты уже не такой смазливый, да деревенщина?

Софи сидела в очень удобном кресле в комнате, расположенной чуть дальше по

коридору от зала для купания. По крайней мере, на сей раз, вокруг не толпились люди. Страж, который охранял ее, остался за дверью. В приятно меблированной, но безвкусной комнате находились только Софи, Лиана, красный стул, большая кровать, застеленная красно-розовым покрывалом и заваленная подушками всевозможных размеров, и еще длинный стол, заставленный маслами, перьями и какими-то непонятными вещами.

Здесь было окно, пропускавшее в комнату солнечные лучи. Софи долго глядела в него, словно пыталась притянуть солнце к себе. Она так устала от тьмы.

Она не отваживалась смотреть на цепи, висевшие в углу, или на кнуты, болтавшиеся неподалеку.

— Ты выглядишь почти презентабельно, — заметила Лиана, вышагивая перед стулом Софи. — И больше не воняешь. Император будет рад.

Но сама Лиана не радовалась, Софи прекрасно это видела.

Пусть у нее нет прекрасного образования и жизненного опыта, но она знала, почему Лиана ее ненавидит. Та явно ревновала, хотя и не считала это мудрым.

— Я не хочу выходить за императора, — осторожно призналась Софи. — Я хочу только вернуть дочь и... — она чуть не произнесла имя Кейна, но вовремя остановилась. — Своего друга.

— В этом дворце никого не интересует, чего ты хочешь. Во всем Каламбьяне никого не интересует, чего ты хочешь.

— Кажется, вы с императором очень близки. Может, ты сумеешь его убедить, что из меня выйдет плохая императрица, и он найдет себе другую. — Софи с надеждой подняла глаза. Выходить за императора было для нее совершенно бессмысленно.

— Как только император Себастьян решает, что чего-то хочет, то уже никому не позволяет себя отговаривать.

— Но ты...

— Я существую ради его удовольствия и не даю ему советы по вопросам, выходящим за пределы постели, — рявкнула Лиана. — То же самое скоро ожидает и тебя. А если ты привыкла к тому, чтобы с твоими чувствами считались, то предлагаю смириться с тем фактом, что здесь это изменится. Ты тут в качестве племенной кобылы, которая должна выносить и родить императору сына.

— Вряд ли я когда-нибудь рожу...

— Прекрати ныть и смирись со своей участью, — перебила Лиана.

Эта женщина не поможет, пусть даже ей явно не нравилось, что Софи выходит замуж за императора. Она не пожелала даже выслушать о том, что ведьмы Файн никогда не рожали мальчиков.

— Когда вернется мой отец? — возможно, он ее единственный шанс выкрутиться из этой ситуации.

— Через несколько недель, — ответила Лиана. — Или месяцев. К тому времени, когда вы с ним встретитесь, ты уже станешь императрицей.

Софи облизнула губы. Как бы там ни было, она должна найти способ сбежать. В комнате было только одно окно, но оно располагалось слишком высоко от пола, чтобы послужить средством спасения. Она снова посмотрела в его направлении, надеясь подчерпнуть силу из света. Но сила, на которую ей стоило полагаться, жила внутри нее.

— Почему мы здесь? — спросила Софи, встретив враждебный взгляд Лианы.

— Император будет требовательным мужем. Он желает, чтобы его невеста умела не

только лежать на спине и раздвигать ноги.

Во рту Софи пересохло.

— Но твой будущий муж слишком нетерпелив, чтобы стать учителем. Он ожидает, что ты придешь на брачное ложе уже обученная сексуальному удовольствию.

— Обученная? — слабо спросила Софи.

— Его последняя жена была не обучена, и он считал это весьма раздражающим. Честно говоря, все четыре невесты императора разочаровали его в кровати. Мне поручено проследить, чтобы ты не последовала их примеру. Поскольку у тебя нет богатой и знатной семьи, которые могли бы с этим не согласиться, я стану учить тебя так, как обучают любовниц. И тогда ты станешь безупречной невестой для императора Себастьяна, — взгляд Лианы посуровел. — Благодаря министру Сулейну, у тебя подходящая родословная, и я прослежу, чтобы тебя обучили должным образом.

— Я не желаю обучаться, — прошептала Софи.

— Твои желания никого не интересуют.

Внутри Софи завибрировал несвойственный ей гнев.

— Зачем мужчине беспокоиться о сексуальном удовольствии племенной кобылы?

На этот вопрос Лиана не просто не ответила, а вообще никак не отреагировала.

— Выпей, — она протянула маленький хрустальный бокал, на дне которого плескалось не больше столовой ложки игристой рубиновой жидкости.

— Что это?

— Это не причинит тебе боли.

— Но...

— Пей.

— Сначала я хочу узнать, что там...

— Выпей это, или твой друг заплатит за твоё упрямство.

Софи закрыла глаза и осушила бокал. В горло потекла сладкая, густая жидкость. Почти сразу она почувствовала, как от живота, подобно теплым пальцам, распространяется странный жар.

Лиана направилась к двери, открыла ее, и в комнату вошли трое мужчин.

— Это мастера третьего уровня, — сообщила Лиана, закрывая за ними дверь.

Внезапно, фраза «мастер обучения» приобрела смысл.

— О! — растекавшийся от живота жар добрался до конечностей.

Лиане понравилась сдержанная реакция Софи, и она слегка улыбнулась.

Трое мужчин были одеты. Почти. Груды, плоские животы и длинные ноги оставались на виду, тогда как крепкие бедра прикрывали обычные отрезки изысканной синей ткани. Мужчины в южных землях редко носили килты. Там жили фермеры и торговцы, предпочитавшие более традиционную одежду. Эти же мастера, как и Рин, разгуливали почти голыми.

Почему ей казалось, что эти безмолвные мужчины представляют для нее большую опасность, чем Рин, когда он превратился в монстра у нее под руками?

— Кэтас — искусный любовник, — спокойно сообщила Лиана. — Уверю тебя, во всем Каламбьяне не сыскать более талантливой пары рук. — Вперед выступил темноволосый мужчина с обильной растительностью на груди. Он был красивым, как все они, но еще и зверски огромным. На руках и бедрах бугрились мускулы, и хотя он не был высоким, его тело выглядело жестким, как скала, и массивным. Рельефные мускулы покрывали даже торс.

Пока его представляли, он поклонился, так же как сделал Брас.

Лиана ступила к мужчине в центре. Тот был светловолосым, с куда более симпатичным лицом, чем у Кэтаса, и с очень небольшим количеством волос на поджаром теле. Если переодеть его в платье, то он почти мог сойти за женщину.

Почти. Он уже возбуждился, а короткая юбка совершенно не скрывала эрекцию. У него тоже были мускулы, но они не шли ни в какое сравнение с мускулатурой Кэтаса, рядом с которым блондин смотрелся слабым.

— Уорин, почему бы тебе не показать невесте императора свою область мастерства.

Симпатичный мужчина высунул язык и покрутил им. Несомненно, это был самый длинный язык из всех, что она когда-либо видела.

— Поверь, — тихо сказала Лиана. — Он умеет им пользоваться. — Она нежно похлопала его по ягодицам прежде, чем перейти к следующему человеку. Его светлые, необычно короткие волосы едва закрывали уши и вились на кончиках. Он был не таким огромным, как Кэтас, и не столь изящным, как Уорин, зато выше их обоих, и обладал почти магнетической мужской притягательностью.

— Вито уже много лет служит мастером. Хотя все эти мужчины — талантливые любовники, он остается фаворитом, — Лиана смело приподняла его килт, чтобы показать причину такого превосходства. Как и все другие, Вито был возбужден, но он оказался намного крупнее.

Очень большим.

Софи закрыла глаза. Ее голова кружилась. Что было в том бокале? Она чувствовала, как теряет над собой контроль... ее руки и ноги стали очень теплыми.

Трое талантливых, красивых мужчин пришли сюда, чтобы доставить ей удовольствие и научить дарить наслаждение им. Ведь именно этого она хотела год назад, не так ли? Получать чувственное удовлетворение без осложнений, связанных с любовью. Исследование, страсть и компанию любого мужчины, которого пожелает. Никаких уз, обязательств и сердечных привязанностей.

Софи быстро открыла глаза.

— Я не могу спать ни с кем из них. А если я забеременею? Император хочет наследника, я сама слышала, как он это сказал. Он не пожелает рисковать...

— Нет никакого риска, — прервала Лиана. — На третьем уровне никто не способен производить потомство. Мастера и любовницы ежедневно принимают лекарства, предотвращающие зачатие.

— О. Но все же... — как ей объяснить, что она не похожа на других женщин и может забеременеть, не смотря на любые меры, предпринятые чтобы это предотвратить?

— В любом случае, твое обучение начнется не с фактического общения, — сказала Лиана, взмахнув изящной рукой. — Прежде тебе предстоит научиться еще очень многому. Хотя, если ты, как следует и достаточно отчаянно, попросишь, думаю, один или несколько из них с готовностью удовлетворят тебя. В конце концов, скоро ты станешь императрицей, и они захотят быть у тебя в милости.

Софи облизнула губы.

— Я не... — тело пронзила волна ощущений, как будто Кейн целовал ее или ласкал губами шею. — Что со мной происходит?

Лиана объяснила все тем же холодным тоном:

— Эликсир, который ты выпила, помогает расслабиться и избавляет от тех

отвратительных запретов, которыми ты, по-видимому, себя окружила. Кто знает? Возможно, ты сочтешь эти ощущения весьма приятными.

Софи попыталась улыбнуться мужчинам, выстроившимся в ряд позади Лианы. Но у нее ничего не вышло. Казалось, будто ее лицо застыло.

— Они не сказали ни слова. Возможно, нам стоит познакомиться, прежде чем...

— Мастера третьего уровня не разговаривают, — сообщила Лиана. — Когда доходит до нужд тела, необходимость в словах отпадает.

— Они не могут говорить или... просто молчат?

— Ну, очевидно же, что мы не отрезали им языки, — ответила Лиана.

Лиана отступила в сторону, все трое мужчин сбросили свои килты и направились к Софи.

Ее голова кружилась, совсем немного. Какое бы снадобье Лиана ей ни дала, оно было не сильным. Просто... разогревающим.

Все трое мастеров были прекрасными экземплярами мужественности. Красивые, зрелые, внимательные. Они не отрывали от нее глаз, и да, в тех глазах горела страсть. Во всех шести. В прошлом году она думала, что хочет именно этого. Нет, всего несколько недель назад она все еще тешила себя мыслью заводить любовников, когда пожелает, чтобы поддержать дом Файн и не жить без объятий мужчины, по крайней мере, время от времени.

Но это было до того, как она влюбилась в Кейна. Она боролась со своим чувством, и потом, не стоило забывать, что им еще предстоит победить проклятие, но любовь пришла. Медленно, неотвратно и настойчиво. Не важно, что за зелье дала ей Лиана, Софи не хотела никого, кроме Кейна. Боже, как она собирается выпутаться из этой ситуации?

Кэтас, тот с ошеломительными мускулами, взял ее за руку и потянул, заставив встать. Они с Вито принялись снимать с нее прозрачное платье, поворачивая так и эдак, пока у Софи не закружилась голова. Через мгновение платье упало на пол, и она осталась совершенно голой.

Ни один мужчина, кроме Кейна, никогда не видел ее такой, и ей казалось, будто она предает его, просто стоя здесь.

Но сопротивление грозило смертью для него и Арианы. Как она могла бороться, если на карту поставлено так много? По сравнению с жизнями тех, кого она любила, ее собственные желания ничего не значили.

Руки Кэтаса оказались нежными, что странно контрастировало с его большим и чрезвычайно мужским телом. Он ласкал Софи, подводя ее к кровати. Поглаживал ей шею, спину, руки. Каждое прикосновение было нежным и, вопреки ее желаниям, возбуждающим.

— Самая чувствительная часть мужского члена — головка, — деловито произнесла Лиана. — Вито, покажи ей.

Возле кровати Вито взял руку Софи и провел кончиком ее пальца по головке своего возбужденного члена. Она едва касалась его, и все же было ясно, что мастер откликнулся на нежную ласку девичьих пальцев. Он был теплым, мягким и твердым. Ее рука дрожала, зато его оставалась спокойной, как скала, пока он водил ее пальцем вниз и вверх.

Уорин поднял Софи, нежно отвлекая ее внимание от Вито. Он развернул ее и уложил на кровать. К ней еще не успело вернуться дыхание, когда он склонился над ней, медленно пригнул голову, будто собирался поцеловать в рот, а затем изменил направление и сосредоточился на ее горле, ухе и чувствительном местечке под ним. Кончик его языка мимолетно касался ее кожи.

Она лежала голой на самом мягком и шелковистом белье из всех, на которых когда-либо спала, и трое отлично сложенных, красивых мужчин дарили ей свое полное внимание. Полное внимание. Ей следовало испытывать восторг, парить над кроватью от чистой радости. Какая женщина не мечтает о таком чувственном опыте?

И все же, тепло того зелья не коснулось ее сердца, только вероломного тела.

Софи закрыла глаза, чтобы не видеть того, что с ней происходит. Ее сердце колотилось как безумное, дыхание так и не восстановилось. Если она откажется участвовать в этом, то Кейна и Ариану заставят заплатить? Раз у нее нет иного выбора, то она может притвориться, будто это Кейн прикасается к ней. Притвориться, будто...

Слезы обожгли глаза, но она поборолла их. Рин говорил, что со слезами Софи впустую растрчивает свою силу, а сейчас она нуждалась в каждой ее крупнице.

Один мужчина устроился рядом с ней на большой кровати и прижался к Софи голым телом, очень нежно лаская руками ее груди и осыпая легкими поцелуями тут и там. Другой мастер запустил пальцы в ее волосы и приподнял их так, чтобы открыть себе доступ к ее шее. Третий тем временем осторожно раздвинул ей ноги.

Первая слеза выскользнула из ее глаз и скатилась на подушку.

— Не будь ребенком, — одернула Лиана. — Ты хоть представляешь, сколько женщины пошли бы на убийство, лишь бы заполучить безраздельное внимание этих трех мужчин? — мастера не останавливались. Они ласкали ее кожу. Целовали. Лизали, пощипывали и возбуждали.

— Секс — это совместный спорт, — проинструктировала Лиана. — Они касаются тебя. А ты касайся их.

Софи подняла дрожащую руку и нашла лицо. Жесткое, незнакомое лицо.

— Открой глаза, черт возьми! — приказала Лиана.

Она послушалась и увидела прямо перед собой пару темных, бездонных глаз. Теперь в кровати вместе с нею остались только два мастера. Вито отошел на другую сторону комнаты, и стоял перед столом с маслами, перьями и другим... вещами. Он вернулся к кровати с бутылочкой масла и одним длинным, синим пером.

Затем капнул масло на ее груди, и Кэтас нежным прикосновением руки остановил теплую дорожку. Он принялся натирать маслом ее груди, ложбинку между ними, потом перешел к животу. Его рука опустилась ниже пупка, но дальше не пошла.

Вито взял ее за запястье, приподнял руку и погладил пером кожу от ладони до плеча, а потом снова вниз. Это оказалось приятным, вызвало внутренний трепет и голод. Она едва не подпрыгнула, когда он схватил ее за лодыжку, приподнял ногу и провел пером по внутренней стороне бедра.

Эликсир, который ее заставила выпить Лиана, действовал не просто расслабляюще. Это оказался возбуждающий напиток или, возможно, любовное зелье. Но Софи была сильнее большинства женщин, и не намеревалась поддаваться воздействию чего-то столь тривиального, как любовное зелье! Нет, возбуждающего напитка, решила она, когда все внутри нее задрожало. Тут не было никакой любви. Совершенно никакой.

— Если ты перестанешь противиться, то получишь невероятное наслаждение, — сказала Лиана со своего поста у края кровати.

— Я не могу.

— Разумеется, можешь!

Вито опустил ногу Софи на кровать и вложил перо ей в руку. Сжал ее кулачок и начал

водить тем пером по своему телу. Когда перо заскользило по его члену, он посмотрел ей в глаза и улыбнулся. Кэтак тем временем ласкал внутреннюю поверхность ее бедер. На его ладони все еще осталось немного масла, и ощущения оказались великолепными. Уорин лизнул один ее сосок, потом другой, и вопреки желанию Софи, ее тело ответило.

— Почему я чувствую это, хотя люблю другого?

— Реакция тела, если его должным образом стимулируют, не имеет к любви никакого отношения, — без капли сострадания ответила Лиана.

— Я всегда думала, что хочу именно этого, хотела верить в это, но... — к глазам подступили новые слезы, слезы, лишь раздражавшие Лиану. Искушающие силу, в которой она так нуждалась. Но Софи не могла их остановить. Она хотела Кейна, и никого больше. Это была катастрофа небывалых размеров.

Кэтак помог ей сесть, затем устроился на кровати позади нее и, заключив в объятия, принялся целовать сзади ее шею и дразнить груди длинными пальцами. Уорин осторожно раздвинул ее бедра и погладил там нежную кожу. Вито взял руку Софи и направил к своему твердому телу.

Она не зарыдала, но несколько слезинок тихо скатились по лицу. Разве не этого она хотела? Удовольствия. Свободу любить, как продиктует тело. Здесь в этой комнате было все, чего, по ее мнению, она желала, но Софи не чувствовала себя свободной и раскрепощенной. Не чувствовала себя независимой и чуждой условностей.

Она была связана с Кейном Варденом и всегда будет. Проклятие убьет его, если они не сумеют с ним справиться, но у них есть время. Время жить, любить и попытаться найти способ.

Сопротивление могло стать причиной его смерти. Люди императора не причинят вреда ребенку, Софи не верила, что они окажутся настолько жестокими, но Кейн... его заставят заплатить.

Софи изо всех сил старалась расслабиться, но ее ноги дрожали.

— Прости, Кейн, — прошептала она, когда мужчина между ее ног прижался ртом к внутренней стороне ее бедра. — Мне так жаль.

Лиана приблизилась к кровати, где обучалась невеста Себастьяна.

Зелье, которое она забрала этим у Джедры, не было необходимой частью сегодняшнего урока. Возможно, напоить им девушку оказалось не таким уж мудрым поступком. Но Лиана хотела увидеть ее скорчившейся. Хотела посмотреть, как Софи Файн теряет свой блеск. Никто не мог быть столь красивой, доброй, любящей и волнующе прекрасной, какой казалась эта женщина.

Ведь она хотела именно этого? Чтобы Софи пришла на брачное ложе не застенчивой невестой, а стала такой же образованной в искусстве секса, как любая куртизанка.

Тогда почему от одного слова кровь Лианы заледенела?

— Что ты сказала? — прошептала она.

— Прости, — повторила Софи.

Лиана схватила Вито за волосы и силой заставила отстраниться от девушки. Мужчина неловко качнулся назад.

— У кого ты просишь прощения?

— У Кейна, — шепнула Софи. — Я люблю его, и это ужасно. Я не хотела в него влюбляться, но так случилось. И будто одного этого не достаточно, посмотри на меня теперь...

Лиана отогнала мужчин, и те неохотно отступили.

— Пока достаточно, — сказала Лиана.

Мужчины не стали возражать, но Вито нахально приподнял бровь.

— Если ты понадобишься, я за тобой пошлю.

Они быстро оделись и ушли, закрыв за собой дверь. Лиана села на кровать рядом с Софи и прикрыла голую, дрожащую девочку розовой шелковой простыней.

— Этот Кейн, о котором ты говоришь, назови его полное имя.

Софи покачала головой и натянула простынь до груди.

— Я не могу. Мне нельзя. Я не должна была называть даже его имя. Я обещала.

Софи явно удивилась, когда услышала имя Лианы... возможно ли?

— Его фамилия Варден?

Софи взволнованно открыла глаза:

— Я не ведь называла ее? Сначала я подумала, что ты можешь оказаться его сестрой, но... это невозможно. Вы с ним совсем не похожи. Он благородный, честный и хороший... — Она тяжело сглотнула. — Ему причинят боль, если я стану сопротивляться. Ты сама так сказала. Я должна выйти за императора, и тогда он отпустит Кейна.

Софи действительно верила, что Себастьян освободит заключенного, если она послушается его приказа. Где она жила все эти годы, раз до сих пор осталась настолько наивной?

— Кейн и есть тот твой друг? — испуганно спросила Лиана. — Это его солдаты держат на двенадцатом уровне?

— Да, — шепотом ответила Софи. — Не позволяй им причинять ему боль. Пожалуйста. Отпусти его, и я сделаю все что угодно. Даже выйду за императора, раз так надо.

Лиана отвела от лица Софи прядь волос.

— Ребенок, она... дочь Кейна?

— Да, — прошептала Софи.

Лиана закрыла глаза. Что ей теперь делать? За несколько последних недель все шло так, как она задумала. Все! Доверие Себастьяна росло с каждым днем. Он прислушивался к ее мнению, и она получила его тело. Чтобы добиться этого, она предала Мэддокса. Разве может она рискнуть этим ради мальчика, которого не видела шестнадцать лет?

Но она рискнет. Себастьян отнял у нее возможность простого счастья. Дом, семья, дети стали для нее невозможны. Но она не позволит ему забрать ее маленького брата.

Кейн поднял голову и сквозь красный туман уставился на Нэйрна. Кровь жгла глаза и мешала видеть, тело болело от головы до пальцев ног. Щека ныла, там, где Нэйрн отметил его. Голова звенела. Из раны, ослепляя его, текла кровь.

Этот кошмар казался бесконечным. Солдат, убивший Дарэна, бил, резал, пинал и говорил. Говорил и говорил, пока звук его голоса не стал столь же болезненным, как удары и порезы.

Где Софи? Заперта в такой же темной клетке, как эта?

Нет, ее отец министр, важный человек. Софи в безопасности. Кто посмеет сделать больно столь прекрасному и доброму созданию? Какой монстр сможет поднять на нее руку, на женщину, которая никогда не причиняла вреда ни одной живой душе?

Не смотря ни на что, он не мог произнести ее имя, даже перед самой смертью. Не мог дать понять Нэйрну, как много Софи для него значит. Он сопровождал ее, вот и все. Солдаты не должны узнать ничего больше.

Поэтому, когда ее имя рвалось с губ, он толкал его назад. Проглатывал его. Пробовал на вкус.

Кейн смутно осознавал, что его одежда изорвана в клочья, тело сочится кровью не только на лице, но и в других местах. Нэйрн еще раз замахнулся палкой. Боль выстрелила из одной точки и лучами поползла дальше, пока не перестала быть адресной и не завладела всем телом. Левая нога сломана? Что-то мешалось под кожей на левом боку, тоже перелом?

Солдат замахнулся снова, и палка угодила по ноге, причинив чудовищную боль. Зрение Кейна начало угасать, и сперва он этому обрадовался. Обморок принес бы облегчение.

Но нет. Кейн продолжал держаться, потому что знал, что с обмороком придет смерть. Он еще не был готов умереть, сначала нужно убедиться, что о Софи есть кому позаботиться.

Даже Нэйрн был удивлен, когда дверь в камеру Кейна открылась, и внутрь вошла женщина. Кейн моргнул, но зрение до конца не прояснилось. Это была не Софи. Только имело значение. Он не хотел, чтобы она приходила в это ужасное место, не хотел, чтобы видела его, таким как сейчас, прикованным цепью к стене и истекающим кровью. Вошедшая женщина носила официальную красную одежду, и ее волосы были не такими светлыми, как у Софи.

— Что ты делаешь с этим человеком? — резко спросила она.

Нэйрн опустил палку, с помощью которой развлекался.

— Он заключенный.

— Заключенный, которого тебе приказали не трогать.

— Нет, мне приказали не убивать его, — возразил Нэйрн. — И он жив. Пока.

Женщина подошла к Кейну ближе, ее движения были плавными, медленными и изящными. Она сняла с шеи шарф, смочила его в питьевой воде Нэйрна и вытерла кровь с лица Кейна. Ее рука, касаясь его щеки, действовала очень нежно.

— Скверно, но поправимо. Вот только, боюсь, останется шрам.

В этом голосе было что-то знакомое. Женщина, которая стерла кровь с его лица и глаз, напомнила ему мать. Она умерла так давно, и Кейн удивился, что еще помнит ее голос. Возможно, он бредит. Или уже умер.

— Чертов мятежник отметил меня в сражении, — возмущенно запротестовал Нэйрн. — Я имею полное право ответить ему тем же.

Кейн моргал, пока женщина перевязывала его кровоточащую голову своим шарфом. Теперь он видел ее чуть лучше. Он действительно бредил. Женщина походила на его мать. В юности, до того, как та сломалась от тяжелой работы. До того, как потеря дочери внезапно состарила ее лет на двадцать. Правда ошарашила его настолько, что сердце чуть не остановилось.

— Лиана, — прошептал он.

Она улыбнулась и кивнула.

Нэйрн заинтересовался. Он взвесил палку в одной руке и сделал шаг в сторону Лианы и пленника.

— Мне не сообщили, что заключенный представляет интерес для императора Себастьяна. Сказали только, что нам, вероятнее всего, разрешат покончить с ним через пару дней. Если меня дезинформировали, то приношу вам свои самые глубокие извинения.

Лиана вскинула руку, и Нэйрн остановился в центре камеры.

— Я был бы счастлив сопроводить заключенного в более подходящие покои, если его положение во дворце изменилось к лучшему.

— Не слушай Нэйрна, — прошептал Кейн. — Он лжет.

— Зачем мне лгать? — рявкнул солдат. — Я живу, чтобы служить императору Себастьяну. Прошу, позвольте мне проследить, чтобы заключенного определили в лучшее помещение, если таково желание императора.

Еще одна минута с Нэйрном, и тот прикончит его. Кейн знал это.

— Не слушай его. Он хочет убить меня так же, как убил Дарэна.

На миг глаза Лианы наполнились слезами. И тут же высохли.

— Нет. Не Дарэн. Он же ребенок. Ты ошибся.

Кейн покачал головой.

— Я хотел бы ошибиться, но я видел, как он умер. Этот ублюдок зарезал Дарэна, насадил его голову на палку и отправил...

Кейн не видел, откуда появился нож, но Лиана быстро передвинулась и внезапно в ее руке оказалось короткое, но смертельно опасное лезвие. Она крутанулась, взмахнула рукой и прежде, чем Нэйрн успел осознать, что происходит, перерезала солдату горло.

Перед тем, как рухнуть на пол, Нэйрн успел лишь удивленно вскинуть руку.

Лиана схватила ключи у него с пояса и начала отпирать цепи, приковывавшие Кейна к стене.

— Я вытащу тебя отсюда, — пообещала она.

Кейн покачал головой:

— Я не могу уехать без Софи и ребенка. Помоги мне найти их, и мы вчетвером убежим вместе.

— Нет, — отрезала Лиана. — Я сделала все, что мола. И не собираюсь больше рисковать. Мы пройдем к боковому выходу. Нас никто не остановит. Я хочу, чтобы ты как можно быстрее выехал из города и не возвращался.

Кейн покачал головой.

— Я не оставлю Софи.

Лиана толкнула его к стене. Он был так слаб, что стукнулся о каменную стену и задохнулся от боли.

— Ты не понимаешь? — рявкнула Лиана. — Через два дня твоя Софи станет императрицей. Решение принято, и ты ничего не можешь с этим поделать. Для нее уже слишком поздно. Но не для тебя. Забудь ее. Найди себе другую женщину, возможно, похожую на Софи. Она родит тебе других младенцев, ты построишь дом и посадишь весной растения.

— Я не могу забыть Софи.

— Почему нет? — рявкнула Лиана. — Меня же ты забыл.

Кейн поднял слабую руку к щеке Лианы. Тело ныло от нескончаемой боли, но он сосредоточился на ее лице, чтобы удержать оставшиеся силы. Она была здесь, перед ним, спустя столько лет. Изменившаяся и все же... не так уж сильно изменившаяся.

— Я никогда тебя не забывал. Никто из нас никогда не забывал тебя.

Выражение ее лица ничуть не смягчилось.

— Что-то я этого не заметила.

Он потер большим пальцем ее щеку. Все оказалось еще хуже, чем он предполагал. Она думала, что семье нет до нее никакого дела? Что никто из них даже не попытался ей помочь?

— В тот день, когда тебя забрали, отец отправился к местному шерифу и потребовал справедливости. Он требовал, чтобы тот вернул тебя. Отца убили там же, в офисе шерифа.

Лиана отшатнулась.

— Мать так и не стала прежней, после того, как тебя похитили. Она похоронила отца и постаралась удержать ферму на плаву. Когда Стефан решил лично отправиться во дворец и спасти тебя, она попыталась его остановить, но не слишком настойчиво. Мать надеялась и молилась, чтобы старший сын сумел найти ее единственную дочь и привезти домой.

— Не рассказывай мне этого, — прошептала она.

— Он приехал в город, но когда добрался до дворца и потребовал твоего освобождения, солдаты его убили. Они привезли Стефана домой и выбросили на порог, как мешок с мусором. Я хотел поехать во дворец и отомстить за тебя и брата, но тут мать воспротивилась.

— Тебе было двенадцать, — прошептала Лиана. — У тебя не было никаких шансов.

— Я хотел попытаться спасти тебя. Все мы хотели попробовать. Мать обычно молилась каждую ночь...

Лиана крепко зажмурилась.

— Не надо больше.

Спустя столько лет она стояла здесь, прямо перед ним. Совсем другой человек. Женщина, а не девочка. Он не знал ту женщину, которой она стала, но для него она оставалась такой же родной. И все это время Лиана думала, будто семья совсем о ней не заботилась. Это было столь же уродливым, как ее похищение и все, что последовало за ним.

— Ты действительно думала, что о тебе забыли?

— Да.

— Мы никогда тебя не забывали, — сказал Кейн. — Мы боролись за тебя с самого дня твоего похищения. Мать умерла от стыда и горя, солдаты сожгли дом и отобрали нашу

землю. Шесть лет назад, когда мятежники объединились под руководством Эрика, я, Дарэн и Валдис присоединились к нему.

— Нет! — она быстро распахнула глаза. — Мои братья не мятежники!

— Брат, а не братья, — резко поправил он. — Остался только я. Валдис не провоевал и года.

В ее глазах снова заблестели слезы, но взгляд был жестким. Очень жестким.

— Тем больше у тебя причин, уйти отсюда сейчас же.

— Не без моей женщины и дочери. Я лучше умру, чем оставлю их тут.

Лиана склонила голову на бок и как-то странно посмотрела на него, будто понятия не имела о том, что такая любовь вообще существует.

Комнаты, в которых разместили Гэлвина, оказались весьма недурны, хотя больше подошли бы женщине. Доступные в любое время дня слуги с готовностью исполняли любые просьбы, появляясь на звон маленького серебряного колокольчика, установленного на ночном столике. Гэлвин прекрасно знал об охране, караулившей его двери, и понимал, что это значит. Сейчас он был не только гостем, но и пленником. Однако когда они с Софи поженятся, все изменится.

Пленник он или нет, Гэлвин наслаждался своим пребыванием тут. Кровать была мягкой и теплой. Его угощали лучшей пищей из всей, что он когда-либо пробовал, и наливали сладкое, богатое вино. Его купали и одевали прекрасные женщины, и хотя они этого не говорили, он знал, что если захочет получить любую из них в своей кровати, они будут ждать его лежа на спине и с блеском в глазах.

Но он не выказывал им своего интереса. Женщины были прелестны, особенно рыжая, но Гэлвин сомневался в их осторожности. Просто он не хотел, чтобы до министра Сулейна дошли слухи о том, как жених его дочери искал удовольствия на стороне.

С того момента, как Гэлвина разместили в этих покоях, он не видел ребенка Софи, и это его более чем устраивало. Конечно, однажды у них с Софи родятся собственные дети, и тогда маленькое отродье станет жертвой трагического несчастного случая. Его дети не будут делить любовь и внимание матери с ублюдком. Он не сомневался, что, об отродье сейчас прекрасно заботились. Император не допустил бы, чтобы за внучкой министра обороны не ухаживали, как полагается.

Борс пока проживал в городе. Вскоре он собирался вернуться в южные земли к своей службе, но не раньше, чем его новый высокопоставленный знакомый во дворце уладит свои дела. Борс хотел получить место шерифа южной провинции, которую называл домом, и друг во дворце должен был помочь осуществить ту мечту.

Терпением Борс не отличался.

Да, новые комнаты были весьма недурны, но Гэлвин начал беспокоиться. Он провел в Арсизе уже неделю. Нет, больше недели. Восемь дней. Где же Софи? Он думал, что она приедет сразу после него. К настоящему времени она уже должна была появиться здесь. Может, ее не пропустили во дворец, поскольку министр Сулейн все еще не вернулся? Но император, несомненно, приказал стражам ожидать ее. Или, может, она предпочла путешествовать по более длинной южной дороге, хотя Гэлвин полагал, что из-за дочери Софи не побоится трудностей и выберет короткий путь.

Или она решила вообще не приезжать. Возможно, Софи предпочла пожертвовать собственным ребенком, лишь бы не выходить за него. От этой мысли Гэлвина скрутило от

ненависти. Если она вскоре не появится, он вернется в Шэндли и лично привезет ее. И не будет столь же обходителен, как с ее дочерью.

Министр Сулейн, несомненно, согласится, что время от времени женщине нужно решительно указывать, как ей лучше поступать. Даже если та женщина приходится ему дочерью.

Как бы там ни было, любовник Софи умрет. Возможно, он расправится с ним собственноручно. С другой стороны, когда в его распоряжении окажется целая армия, он сможет поручать неприятную работу кому-нибудь другому. Хотел бы он посмотреть, как Кейн Варден попытается сразиться с целой армией. Но еще больше он хотел увидеть, как Варден проиграет.

Когда в середине дня, где-то между завтраком и обедом, дверь в его комнату открылась, Гэлвин вскочил со стула. Наконец-то! Софи здесь, и его вызывают к императору. Они поженятся сразу, или император заставит их дожидаться возвращения Сулейна?

Гэлвин не хотел ждать. Если император узнает, что Софи ведьма, и при этом еще и прекрасная, благовоспитанная женщина, то он вполне может решить, что брак с дальним родственником и преуспевающим торговцем не достаточно для нее хорош.

Чем скорее они поженятся, тем лучше.

И действительно, в комнату вошли двое мужчин в зеленой униформе, а не кроткие женщины, которые ему обычно прислуживали.

— Самое время, — рявкнул он, присоединяясь к ним.

Стражи переглянулись, один из них почти улыбнулся.

— Надо же, как ты спешишь перебраться в свои новые апартаменты, — позабавлено произнес он.

— Новые апартаменты? Меня не вызывают к императору?

— Не сейчас. Но, кажется, император Себастьян полагает, будто новые покои больше придутся тебе по вкусу.

Гэлвин оглянулся на женственную комнату. Как это заботливо со стороны императора.

— Я должен собрать свои вещи сейчас или...

Один из стражей взял Гэлвина за руку.

— Нам доставят твоё имущество сегодня, чуть позже.

Люди, наделенные властью, не перетаскивали свои вещи с места на место. Такого рода дела за них выполняли слуги.

— Конечно.

Стражи встали у него по бокам, один из них продолжал держать Гэлвина за руку. Они прошли не к другой комнате на этом уровне, а прошагали до конца коридора и направились к лестнице.

— Мы идем на другой уровень? — спросил Гэлвин.

— Да, — стражи шагали быстрее, чем привык Гэлвин, и ему приходилось спешить, поскольку они все еще держали его, будто опасались, что он может упасть.

— Почему бы нам не воспользоваться лифтом?

Один из солдат рассмеялся.

— Лифт предназначен для императора и его наиболее почетных гостей и соратников.

— Я и есть почетный гость, — возразил Гэлвин.

Солдаты не ответили, и они втроем продолжили спускаться. Витая каменная лестница круто уходила вниз. Когда Гэлвин глянул в центр лестничного колодца, то почувствовал

головокружение. Они не остановились ни на шестом, ни даже на седьмом уровне, продолжив двигаться дальше. На одном из уровней было настолько шумно, что Гэлвин прикрыл ухо свободной рукой, но вскоре грохот стих, и они, наконец, добрались до нужного места.

Лестница тут заканчивалась.

Один страж открыл дверь, и они ступили в длинный, пустой коридор. В отличие от пятого уровня тут не было ни ковров на полу, ни цветов в альковах, ни милостивых служанок. Только длинный, простой коридор с множеством деревянных дверей и несколько неопрятных солдат.

Гэлвин резко остановился.

— Это ошибка...

— Никакой ошибки, — солдат потянул его дальше по коридору, и один из местных стражей отпер тяжелую деревянную дверь. Та распахнулась с резким скрипом, и Гэлвин глянул внутрь.

Каменные стены и полы, ни кровати, ни стульев, ни окон. Помимо холодного камня в этой камере были только две вещи: прибитые к стене цепи и ночной горшок. Горшок оказался наполовину полным и источал зловоние. Когда Гэлвина втолкнули в комнату, он прикрыл рукой рот и нос.

— Это ошибка, — повторил он. — Я кузен императора. Я должен жениться на дочери министра Сулейна!

Дверь закрылась на середине протестов, и перепуганного Гэлвина стошнило на пол его новых апартаментов.

Проходя мимо, Лиана пнула лежащего на полу солдата. Нэйрн, как назвал его Кейн. Она не остановилась бы на пинках, но Нэйрн уже был мертв, а ей нужны силы, чтобы поддерживать Кейна.

Ее брат был в плохой форме. Он потерял много крови, и почти совсем не мог наступать на левую ногу. Его лицо раздулось, как и все тело, а то, что осталось от одежды, годилось лишь для сожжения. Она никак не сумеет спасти их обоих.

Еще один удар может его убить. И если о нем не позаботиться немедленно, то он также может умереть.

Если то, что рассказал Кейн, правда, то они с ним остались одни. Их семьи больше нет. Все умерли. Только потому, что когда-то, в пятнадцать лет, она попала на глаза солдату, решившему, будто девчонка может понравиться новому юному императору.

— Позволь мне вывести тебя наружу, — прошептала она. — Ты уедешь из города и найдешь доктора. Я сделаю для Софи и ребенка все, что смогу. Сделаю их жизнь здесь настолько приятной, насколько только возможно.

Кейн покачал головой.

— Нет. Я не уйду без них.

Она не знала, есть ли шанс спасти Софи от Себастьяна. Она даже не была уверена, что знает, с какой стороны к этому подступиться.

— Не будь смешным, — выпалила она. — Ты действительно готов пожертвовать своей жизнью ради женщины?

— Да, — без колебаний ответил Кейн. — Готов.

Лиана остановилась у закрытой двери в камеру Кейна. Оба дежуривших стража видели,

как она входила сюда. Они все еще были в коридоре. Судя по взволнованным вскрикам, на двенадцатый уровень прибыл новый узник. А также дополнительные стражи. Дверь камеры хлопнула, заглушив протесты мужчины, и пара охранников, засмеялись над его несчастьем.

Лиана уставилась на деревянную дверь. Она не могла выбраться из камеры незаметно, не могла замаскировать Кейна или оставить тут тело Нэйрна без всяких объяснений. Будь охранников только двое, она могла бы убить их и сбежать.

Но теперь стражей стало больше. Не меньше четырех.

Раз нельзя выбраться отсюда силой, значит можно сделать это хитростью. Она всю жизнь выбиралась из трудных ситуаций при помощи обмана.

Лиана открыла дверь камеры и ступила в коридор, поддерживая Кейна насколько могла. Вид фаворитки императора, идущей под руку с раненым заключенным, потряс стражей — всех четверых, как она отметила — но они быстро пришли в себя.

— Нэйрн мертв, — просто сообщила Лиана. — Он посмел прикоснуться ко мне, а ни один мужчина не дотрагивается до меня без разрешения императора. Ему следовало об этом знать.

Стражи остановились на месте, сохраняя дистанцию.

— А что относительно него? — спросил один молодой солдат, кивнув на Кейна.

— Он станет мастером обучения на третьем уровне, — объяснила она. — После того, как поправится, конечно. Нэйрн вывел его из строя. — Она по очереди оглядела каждого стража. — Кто-нибудь из вас приложил руку к избиениям этого заключенного?

Все четверо быстро покачали головами.

— Мы его не трогали, — ответил один. — Нэйрн сказал, что заключенный Рин принадлежит ему.

Ах да, Софи назвала это имя, в ответ на вопрос Себастьяна. Рин. Софи знала, что фамилия Варден возбудит подозрения? По позвоночнику Лианы пробежал озноб. Себастьян знает ее фамилию? Его это тревожит?

— Я не думаю, что нам разрешено освобождать пленников под вашу опеку, — с подозрением в голосе произнес старший из охранников.

Лиана улыбнулась:

— Неужели ты не знаешь, что происходит в этих стенах, солдат? У меня не только есть уши императора Себастьяна, у меня также есть его лояльность и поддержка. Мой приказ — то же самое, что приказ императора. Если сомневаешься, спроси его сам, — она улыбнулась шире. — Но должна предупредить, сегодня он не в лучшем расположении духа.

— Вам требуется помощь? — поинтересовался младший страж.

Кейну будет трудно передвигаться самостоятельно, она знала это. Но Лиана не хотела, чтобы кто-то из них прикасался к нему.

— Нет. Я справлюсь.

Несмотря на серьезную хромоту и затрудненное дыхание Кейна, им с Лианой все же удалось пройти вдоль коридора. Стражи расступились, освободив для них широкое пространство. Никто не задавал вопросов, почему она забрала заключенного на третий уровень. Все предположили наличие у пленника какого-то таланта или необычной черты, делавшей его пригодным для этого положения.

И ни один из них никогда не отважится лично предстать перед Себастьяном, ни по этому вопросу, ни по какому-либо другому.

Лиана привела Кейна к другой комнатке, на этот раз не каменной, а металлической. Он осторожно прошел через двери похожего на коробку хитроумного изобретения и буквально рухнул в угол, будто у него не осталось ни костей, ни мускулов. От боли в ноге хотелось вопить, тело было готово полностью отключиться. Двери бесшумно закрылись, Лиана передвинула рычаг, установленный возле дверей новой клетки, и та начала двигаться. Вверх. Его живот, казалось, двигался не в такт с механизмом, а отставал.

— Ты ведешь меня к Софи? — слабо спросил он.

— Да, — ответила Лиана. — Да, вопреки всем доводам разума.

Кейн расслабился и прислонился головой к углу движущейся коробки. Все выше и выше, будто он летел на облаке. Смерть подобралась так близко. Он чувствовал, как она надвигается на него. И вот теперь он здесь. Лиана жива. Софи скоро будет с ним...

Хитрое изобретение остановилось, и Лиана протянула ему руку. Кейн ухватился за нее и мучительно поднялся на ноги.

Этот уровень ничуть не напоминал тот, куда его отвели по прибытию во дворец. Здесь, на каменном полу, лежали шикарные коврики, на стенах висели красочные картины, гобелены, цветы... и всюду были красавицы. Некоторые полуодетые, другие в платьях, которые совсем ничего не скрывали. Кейн заморгал, пытаясь понять не снится ли ему это. Или, может, он умер.

Тут также находилось несколько мужчин, но не много. Мужчина, одетый в синее, вышел из комнаты, чтобы посмотреть, как Лиана ведет Кейна по коридору. Один или двое из них предложили свою помощь, но Лиана отказалась. Поэтому им ничего не оставалось, кроме как просто наблюдать.

Наконец, возле одной из дверей Лиана остановилась. Там, скрестив руки на массивной груди, стояла крупная, пожилая женщина.

— Кто-нибудь ее искал?

— Нет, — просто ответила женщина. — Никто не входил и не выходил из комнаты, как вы приказали.

Лиана отослала ее взмахом руки и открыла дверь в большую красно-розовую комнату.

Софи лежала на кровати, обнаженная и наполовину прикрытая розовой простыней. Ее запястья были привязаны шелковыми шарфами к столбикам кровати.

Кейн ощутил прилив сил и вырвался из рук Лианы.

— Кто это сделал? — грубо спросил он. — Клянусь, я убью его...

Увидев его, Софи заулыбалась, но когда заметила состояние его лица и кровь на изодранной одежде, ее улыбка увяла, и на глаза навернулись слезы. Она потянула шарфы, пытаясь освободиться.

— Кто это сделал? — снова спросил Кейн, и Софи пронзила Лиану острым взглядом.

Лиана пронеслась мимо Кейна и принялась развязывать шарфы.

— У меня не оставалось другого выхода. Она... ну, давай просто скажем, что, когда я уходила, оставлять ее здесь без присмотра было небезопасно.

— Она голая! — воскликнул Кейн.

— У меня не было времени, чтобы одеть ее, — резко ответила Лиана. — Я слегка спешила добраться до тебя.

Пока Лиана развязывала второй шарф, Кейн присел на край кровати. Освободившись, Софи кинулась ему на шею. Нежно, и в то же время крепко, как будто не могла сжать его так сильно, как хотела. Обнимая ее в ответ, он разделял ее чувства.

Нет, он не умер. Он жив, и Софи самая что ни на есть настоящая.

Долгое время они просто держались друг за друга. Лиана отступила подальше от кровати, молчаливая и почти сконфуженная.

Кейн зарылся пальцами в волосы Софи.

— Ты видела Ариану?

Софи быстро кивнула:

— С ней все хорошо. Ты даже не представляешь, как она выросла. Три недели, — прошептала она. — Никогда не думала, что придется расстаться с ней на целых три недели.

— Я знаю, — он утешающе гладил ее и нежно целовал щеки.

Лиана придвинула стул к кровати и села.

— Нам нужно поговорить, — официальным тоном сообщила она.

Софи, завернувшись в розовую простыню, села рядом с Кейном. Их руки были переплетены, бедра касались друг друга. Она опустила голову ему на плечо.

— Через два дня... — Лиана глубоко вздохнула, выдав тем самым, что была не так спокойна, как хотела казаться, — нет, теперь уже меньше, чем через два дня, ближе к полутора. По истечению этого времени Софи и император поженятся.

— Нет, не поженятся, — ответил Кейн.

Лиана перевела на него взгляд.

— Некоторые вещи находятся за пределами моих возможностей. Тебя я могу благополучно вывести из дворца. Ее, — она кивнула на Софи, — нет.

— Если ты можешь вывести отсюда меня, значит можешь вывести Софи и ребенка.

— Он убьет меня, — просто сказала Лиана, без жара или страха. — Я отвечаю за подготовку Софи к роли императрицы. Если я ее упущу, Себастьян обвинит в этом меня и убьет. Или еще хуже.

— Пойдем с нами, — сказал Кейн, крепче обхватывая рукой Софи.

Лиана покачала головой.

— Я не могу уйти. Я... мне нужно тут кое-что доделать.

— Но...

— Здесь мой дом, — прервала она. — Я провела в этом дворце большую часть жизни.

Это была правда. Многие годы он спрашивал себя, что если Лиана жива и он сможет спасти ее, станет ли тогда однажды все таким же, как раньше?

Она оказалась жива, но была уже не той девочкой, которую он помнил. Он не мог спасти ее, для этого было слишком поздно. И ничто никогда не будет таким, как раньше.

— Я не оставлю ее здесь, — не сдавался он.

Лиана перевела взгляд на окно.

— Прекрасно. Оставайся. Софи будет не первой императрицей, которая заведет любовника. Его вторая жена питала нежные чувства к одному из мастеров обучения. К сожалению, их застали на месте преступления. Императрицу сбросили на тринадцатый уровень, а мастеру... ну, вряд ли ты захочешь узнать, что Себастьян с ним сделал. Но в отличие от них, мы поведем себя более осмотрительно, — рассудительно заметила Лиана. На ее лице появилась улыбка. — Вообще-то, это замечательно. Себастьян отчаянно нуждается в наследнике, но подозреваю, что он неспособен произвести потомство.

Следующий император будет твоим ребенком, Кейн. Ты сможешь проводить с Софи почти все часы дня и ночи. Себастьян требует внимания своих жен только по паре часов в день. А иногда лишь по несколько минут. Как только она забеременеет, он, вероятно, вообще не захочет ее видеть, и она останется в твоём полном распоряжении.

Кейн встал, нависнув над сестрой.

— Софи не выйдет замуж за Себастьяна.

Она ответила ему твердым взглядом.

— Выйдет.

— Я не стану делиться ею с другим мужчиной!

— Ты не сумеешь это предотвратить.

— Я сумею, — тихо произнесла Софи.

— Что? — воскликнула Лиана.

Софи вздернула подбородок и распрямила спину:

— Думаю, я могу остановить свадьбу.

Софи завернулась в шелковую простыню, встала и продиктовала Лиане список необходимого. Листья и цветы дерева линара, желательно свежие. Вода и бинты для Кейна. Непрозрачная одежда. Суп, снова для Кейна. И Ариана, чтобы покормить и успокоить ее.

А потом она хотела бы остаться наедине с ребенком и Кейном. Софи посмотрела на него, улыбнулась и нежно погладила по здоровой щеке.

Услышав эту просьбу, Лиана запротестовала:

— Эффект от зелья уже должен был развеяться, — сообщила она.

— Он развеялся, — сказала Софи. — По большей части.

— Кейн не в том состоянии, чтобы... — начала Лиана.

— Я о нем позабочусь, — прервала Софи.

Лиана покинула комнату, и Софи заставила Кейна лечь в кровать. Она снова дотронулась до его лица, едва касаясь пальцем поврежденной кожи. Она чувствовала, как близко он подошел к смерти.

Это был ее главный страх, когда она сопротивлялась любви. Да, однажды она может потерять Кейна или Ариану. И когда-нибудь, потеряет собственную жизнь, от старости или несчастного случая, в сражении или любым из тысячи других способов.

Но жить не любя — это не альтернатива.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

Кейн взял ее за руку и сжал.

— Я тоже тебя люблю.

Она расстегнула его порванную, окровавленную рубашку и осторожно сняла, вздрагивая от нанесенных ему увечий. Сможет ли она исправить содеянное, когда не носит в себе ребенка? Достаточно ли у нее сил, чтобы исцелить любимого мужчину? Вовремя.

Лиана вернулась, принесла все, что перечислила Софи. Кроме Арианы. Софи еще раз попросила принести дочь. Ее груди отяжелели, поскольку она пропустила время кормления. Но Лиана медлила, не желая покидать комнату.

Тогда Софи приказала, вложив в слова каждую частичку своей силы. Лиана неохотно вышла. Услышав щелчок замка, Софи поняла, что Лиана все еще боится.

Она закончила раздевать Кейна, искупала его и перевязала раны. Пока Софи оказывала ему помощь, он заснул, что ее вполне устраивало. Было бы трудно объяснить, чем она занимается. И потом, она не знала, работает ее магия или нет. Она вздрагивала при виде

каждого пореза и ушиба. Следы насилия причиняли ей такую боль, будто находились на ее собственном теле.

Лиана принесла в комнату Ариану и плетеную люльку. Пока Кейн спал на кровати, застеленной ужасной розовой простыней, Софи покормила Ариану, укачала ее и уложила спать в колыбель.

Время пришло.

Теперь свет из окна падал в комнату под другим углом. Он стал мягче, намекая, что скоро день закончится, и наступит вечер. Ей лучше исполнить задуманное при свете дня. Она не знала почему, просто чувствовала это.

Софи рассыпала листья и цветы линара вокруг кровати и на тело Кейна, потом прижала ладони к его груди.

— Я всем сердцем желаю твоему телу быстрого исцеления.

Она ожидала, что ушибы и порезы исчезнут, но ничего не произошло. Ее руки задрожали. Неужели исцелить тело настолько сложнее, чем подарить удачу и вылечить разум? Или она должна носить в себе ребенка, чтобы стать той могущественной ведьмой, которой, по словам Жульетт, являлась?

— Выздоровливай, — сказала она чуть тише. Ничего. — Пожалуйста.

Кейн продолжал спать, и его раны никуда не делись. Обескураженная Софи легла рядом и обняла его измученное тело.

— Мне жаль, что я не училась прилежнее, как советовала Айседора, тогда к сегодняшнему дню я могла бы стать более сильной ведьмой. И справилась бы с ранами взмахом руки. — Но жизнь, разумеется, была гораздо сложнее. Наверное, все сложилось так, как суждено.

Она пыталась понять свой дар, и, кажется, кое-что начало для нее проясняться. Когда она пришла в Шэндли, и все те женщины забеременели — это случилось не из-за вырвавшегося из-под контроля влечения. В тот день мужа и жены соединились, любовники искали друг друга. Но их свело вместе не мимолетное вожделение, а любовь.

Пусть только мгновение или два, но Софи находилась неподалеку от тех женщин и мужчин, которых затронула ее магия. В тот день она думала о растущем в ней ребенке и, да, вспоминала о мятежнике, которого нашла спящим под деревом линара. Жульетт сказала, что ее дар связан с вырвавшимися из-под контроля эмоциями, и Софи только сейчас начала понимать, что это значит.

Ее любовь вырвалась за пределы тела и затронула окружающих. Если бы она была беременной, но испытывала не любовь, а другие эмоции, они так же распространились бы за пределы ее тела и повлияли на всех, кто оказался поблизости? Она испускала облако эмоций, которое воздействовало на окружающих?

Софи не могла вспомнить сердилась ли хоть раз за время беременности. Что случится, если из нее вырвется не любовь, а гнев? Как это отразится на людях?

— Выздоровливай, — шептала она, устраиваясь рядом с Кейном и прижимаясь к его прохладному телу. Он нуждался в ее тепле. — Выздоровливай ради меня, — Софи закрыла глаза и провалилась в сон.

Проснувшись, Кейн увидел, что уже наступил вечер. Он спал голый в мягкой кровати под шелковыми простынями, рядом с ним свернулась такая же голая Софи.

Кейн поднял руку и обратил внимание, что совсем не чувствует боли. Они с Софи спали

в темноте, поэтому он не видел ран на своей руке. Но когда он засыпал, они, несомненно, там были.

Лицо тоже не болело. Наверное, Софи дала ему какое-нибудь ведьмовское зелье, снявшее боль. Он коснулся пальцами лица и ощупал раненую щеку.

Но нашел там лишь тонкий рубец шрама.

Он проспал несколько месяцев и упустил время, так же как после встречи с Софи у пруда? Софи стала императрицей?

Он осторожно потряс ее.

— Софи, проснись.

Она застонала и обхватила его рукой.

— Это обязательно? Я смотрела такой замечательный сон.

— Ты вышла за него? — спросил Кейн.

Софи медленно приподнялась и взглянула на него сверху вниз. То что они лежали вместе, казалось таким же естественным, как дыхание.

— Я ни за кого не вышла. С чего ты... — Через окно проникало немного лунного света, достаточно, чтобы он смог увидеть ее улыбку. Она коснулась рукой его лица. — Получилось.

— Что получилось?

— Сердечное пожелание истинной могущественной ведьмы, — прошептала она.

— Ты этого пожелала?

Софи кивнула.

— Я сомневалась, что чары сработают, но они сработали. Просто желание исполнилось не моментально, так же как с полевыми цветами.

Он коснулся ее лица, проследил пальцами линию щеки.

— Итак, я влюбился в ведьму, у которой осуществляются все желания?

— Не все, — шепнула она.

Он знал, что она думает о спасении. Пожелания и исцеление были в ее власти. Спасение — в его.

— Я вытащу нас отсюда, обещаю.

— Я знаю, — доверчиво прошептала она.

Он переплел свои пальцы с ее и крепко сжал.

— Я должна тебе кое-что рассказать, — сообщила она, ее голос звучал ласково, приглушенно и весьма неуверенно. — Я не хочу, но... скрыть такое было бы с моей стороны несправедливо. Я лишь надеюсь, что ты меня не возненавидишь.

— Ничто и никогда не заставит меня тебя возненавидеть.

Она глубоко вздохнула, как будто набиралась храбрости.

— Я так сильно старалась не любить тебя.

— Я знаю.

— Я не хотела тебя любить.

Он протянул руку, чтобы прикоснуться к ее лицу, и почувствовал на мягкой щеке слезу.

— Ты так расстроилась из-за того, что не получишь ту распутную, ничем не обремененную жизнь, которую запланировала?

— Для такого плана была причина, Кейн. На мне лежит проклятие, оно касается мужчин, в которых влюбляются женщины Файн. Вот почему Вильям умер слишком молодым, поэтому же моя мать никогда не встречалась с одним и тем же мужчиной.

— Я не верю в проклятия.

— Я тоже не хотела, — прошептала она. — Как и Айседора. Мы убедили себя, что проклятие всего лишь миф, потому что несправедливо вынуждать всю семью жить триста лет без настоящей, долгой любви.

— В чем суть проклятия?

Софи нежно коснулась его волос.

— Ты умрешь, — прошептала она. — Согласно запискам, ты не доживешь до тридцати лет. — Она слегка распрямила спину, и ее голос стал сильнее. — Мы можем расстаться, и я изо всех сил попытаюсь разлюбить тебя, а потом, возможно...

Он потянул ее вниз, так, чтобы она легла на него сверху.

— Нет. Я не оставлю тебя, и тебе не позволю меня оставить. Лучше я проживу единственный год с тобой, чем пятьдесят лет без тебя.

— Это приятные слова, Кейн, но неужели ты действительно искренне так думаешь?

— Да, — после дней боли и разлуки, чувствовать ее обнаженное тело рядом со своим было так правильно и прекрасно. Он не отказался бы от этого ни за что на свете.

— А вдруг у меня получится снять проклятие, — сказала она. В ее голосе появилось чуть больше жизни. — Каждый день я открываю в себе новые способности, и когда научусь их использовать, возможно, найду способ уничтожить то, что когда-то давно сотворил отвергнутый колдун. Если мое пожелание вылечило тебя, то возможно... только возможно...

— Одна проблема за раз, — прервал он. — Сначала мы выберемся отсюда, а потом посмотрим, что можно сделать с этим вашим проклятием.

Она кивнула, и опустила ладонь ему на грудь.

— У меня есть еще одно желание, но я не сумею осуществить его самостоятельно. Никакие чары не дадут мне того, в чем я нуждаюсь сегодня ночью.

Он с радостью сражался бы за нее и умер. Если бы она попросила, он отдал бы ей свое сердце, тело и даже душу.

— Чего ты хочешь?

Софи склонилась к нему, ее волосы заструились вниз, закрыв ей лицо и упав ему на грудь.

— Твоего ребенка во мне. Сейчас.

Лиана сидела на краю кровати Себастьяна и смотрела, как он шагает туда-сюда. Он был взвинчен, сильнее, чем когда-либо прежде. Она знала только один способ успокоить его и начала расстегивать свое платье.

Он тут же разгадал ее намерения и приказал остановиться, взмахом руки и резким словом.

Ее самый большой страх начинал сбываться. Этого она боялась даже сильнее, чем никогда не получить возможность убить его. Сильнее, чем быть одурманенной и брошенной на тринадцатый уровень.

Он больше не хотел ее.

— Я сегодня разговаривал с отцом Мэррилом, — объяснил Себастьян. — Он полагает, что если я стану воздерживаться в течение нескольких дней перед брачной ночью, то мои шансы на скорое рождение ребенка возрастут.

Отец Мэррил презирал Лиану и не признавал ее места в жизни Себастьяна. Несомненно, он усмотрел в свадьбе возможность их разъединить. И у него получилось.

— Наверное, лучше отложить свадьбу, — предложила она.

— Нет, — ответ прозвучал грубо и решительно.

Лиана застегнула одежду и откинулась спиной на кровать. Она все еще надеялась, что Себастьян передумает. Он нуждался в ней и всегда ее хотел. Отец Мэррил не мог удержать Себастьяна вдали от нее, хотя, вне всяких сомнений, пытался.

— Девочка. Софи. Что ты собираешься с ней сделать?

— Сделаю ее беременной, позволю родить мне сына, а потом... Я еще не решил. Наверное, лучше просто убить ее, но тогда все сразу закончится, — он вздохнул, словно итог мести был для него мучительным. — Я должен оскорблять ее снова и снова? Перед Сулейном, конечно, чтобы он разделял ее унижение.

— Это его ты желаешь уничтожить, — сказала Лиана.

— Может, стоит приказать ей развлечь следующее собрание совета? В давние дни я обычно велел устраивать в конце дня эротическое представление с одной-двумя девочками с третьего уровня и парой мастеров обучения. Кажется, все наслаждались этим, особенно Мэддокс. Ему также понравится выступление, если среди участников окажется его дочь?

— Тебе не обязательно жениться на Софи, чтобы унижить ее таким образом.

— Верно. И есть пара жрецов, у которых еще остались моральные принципы в такого рода делах. Они могли бы закрыть глаза на выступление наложницы, но из-за императрицы, конечно, поднимут шум. Наверное, мне лучше просто придерживаться первоначального плана. Сделать ей ребенка и убить после того, как дитя родится.

У Софи есть, по меньшей мере, несколько месяцев, прежде чем муж попытается ее устранить. Лиана подозревала, что Себастьян всегда будет получать удовольствие, оскорбляя Софи, не важно, сможет ли Мэддокс видеть мучения дочери или нет. Лучше бы новой императрице зачать не сразу. Завтра она предупредит Кейна, чтобы он и его женщина об этом позаботились. Чем скорее Софи даст Себастьяну ребенка, тем скорее станет расходным материалом.

— Хорошо ли проходят ее уроки? — спросил Себастьян. Двигаясь плавно и бесшумно, он подошел поближе к кровати и с весельем в глазах посмотрел вниз на Лиану.

— Очень хорошо. Думаю, ты останешься доволен. — Многие мужчины, возможно большинство, безусловно, не захотели бы, чтобы их жен и любовниц обучали сексу столь талантливые мастера. Но Себастьян был весьма уверен в себе, и не без оснований. По своему, он был столь же умелым, как мастера.

— Уверен она, как следует, вымылась. Даже грязная и одетая, как нищенка, она выглядела весьма миленькой. Из нее выйдет особенно красивая императрица.

— Да. Вы двое составите прекрасную пару, — резко ответила Лиана.

Себастьян улыбнулся.

— Ты ревнуешь к ней.

Лиана села, распрямив спину.

— Нет, Себастьян, я не ревную. Я нуждаюсь во внимании мужчины, а ты не выказываешь мне его уже много дней.

Император сел рядом с Лианой и приобнял ее за плечи. Матрац прогнулся, и ей пришлось потрудиться, чтобы не скатиться к Себастьяну.

— А ведь на третьем уровне у тебя есть возможность получить мужчину? — небрежно спросил он.

Лиана думала о том, как Кейн отказался делить любимую женщину, о том, как смотрел на Софи, когда она привела его к ней в комнату.

То, что объединяло их с Себастьяном, было время от времени волнующим. Несло с собой наслаждение и могущество, радость и планирование мести. Но по сравнению с тем, что имел ее брат, все это казалось пустым.

Себастьян поднял подол ее платья и провел рукой вдоль бедра.

— С другой стороны, если ты не хочешь получить удовольствие с другим мужчиной, я всегда могу заставить тебя дрожать, не расходуя телесные жидкости, которые понадобятся мне в день свадьбы.

Вот как он ее воспринимал: бессмысленное место для излития его драгоценных телесных жидкостей. Бесплодное хранилище. Она так сильно хотела, чтобы он нуждался в ней, но лишь обманывала сама себя.

Лиана сжала запястье Себастьяна, оттолкнула его руку и расправила юбку своего платья. А потом затаила дыхание. Мужчин убивали и за меньшее.

Но император не выглядел настроенным ее убить. Во всяком случае, пока.

— Ты, конечно, прав, — спокойно сказала она. — Все мужчины на третьем уровне вполне способны удовлетворить мои потребности. Ты хотел бы понаблюдать? Когда-то это было одним из твоих любимых занятий, но с тех пор, как я трахала, в твоей кровати, другого мужчину прошло очень много времени. Мне попросить Вито присоединиться к нам здесь? Или, может, сегодня ночью ты предпочел бы прогуляться на третий уровень. В моей спальне есть очень удобное кресло.

Его взгляд мгновенно изменился. Глаза потемнели, веки слегка опустились. Она не была уверена, возбудился он или впал в ярость.

Вероятнее всего, возбудился.

— Не сегодня, — ответил Себастьян, вставая. — Возможно, в другой раз. Но ты, все же, иди. Очевидно, у тебя нет причин здесь оставаться.

— А завтра ночью? — Лиана встала и разгладила складку на одежде.

— Завтра ты мне тоже, наверняка, не понадобишься.

Если бы она рассказала, здесь и сейчас, что его невеста лежит в кровати с другим мужчиной, ухаживает за его ранами и планирует наставить рога новому мужу, то ей больше не пришлось бы беспокоиться ни о свадьбе, ни о красавице, вставшей между Лианой и ее императором. Ни одна из других императриц не представляла для нее угрозы. В отличие от этой.

Но Лиана желала Софи смерти не больше, чем хотела увидеть, как Кейну причинят боль. Они принадлежали друг другу, и она проследит, чтобы так оно и оставалось. Не важно, как. Она сделает в своей жизни хоть одну хорошую вещь. Чего бы ей это ни стоило.

Кейн полностью исцелился, и за исключением маленького шрама на щеке, на его коже не осталось никаких отметин. Сон вернул ему силы. Нога зажила, синяки почти полностью исчезли. Он занялся с Софи любовью, быстро и жестко, и это оказалось еще прекраснее, чем в их первый раз, более страстно и правильно. В их любовных ласках появилась неожиданная сила, как будто они были одухотворенными и земным одновременно. Она достигла кульминации под ним, он содрогнулся внутри нее. Потом обнял и снова заснул.

Но в отличие от Кейна, она заснуть не смогла, хотя время от времени проваливалась в дрему. Вскоре Софи почувствовала, как в ее теле зародился его ребенок. Это было то, в чем она нуждалась и чего хотела.

Ариана проснулась, и Софи покормила ее. Раньше ребенок не просыпался всю ночь, но

после расставания все изменилось. Укачивая дочь, Софи тихо рассказывала Ариане о сестренке, которая у нее появится через несколько недолгих месяцев. Кейн, конечно, хотел бы сына, но это было невозможно. Женщины Файн рожали только дочерей, которые потом становились ведьмами. Так происходило уже сотни лет.

Несколько часов спустя Кейн разбудил ее ласками. На сей раз, он занимался любовью медленно. Они уже зачали ребенка, в котором нуждалась Софи, и это соединение было только ради них двоих. Ради любви и наслаждения, ради всего, что они упустили, и всего, что ждало их в будущем.

Кейн довел ее до оргазма три раза. Сначала лишь прикосновениями, и дважды, находясь внутри нее. Каждый оргазм был сильнее предыдущего, и когда Кейн последовал за ней, в тот последний раз, она почувствовала такое изнеможение, что заснула прежде, чем он успел из нее выйти.

Когда она проснулась, он лежал рядом, запустив руки в ее волосы. Начинало светать, Ариана скоро проснется и снова захочет есть.

— Какой у нас план? — прошептал Кейн.

Если они убегут, то Лиану убьют. Никто из них в этом не сомневался. Если же они останутся, то тайна их отношений и тот факт, что она замужем за другим мужчиной, в конечном счете разлучат их. Они, вероятно, не протянут даже до рождения ребенка, которого она носила.

— Я собираюсь остановить свадьбу, — ответила Софи. — И император Себастьян с радостью меня отпустит.

— Это хороший план, Ангел, но вряд ли он так просто согласится, — Кейн провел рукой по ее волосам. — Я бы тебя не отпустил. И не отпущу.

— Он согласится, — Софи повернулась к нему лицом. В утреннем свете она увидела шрам и провела пальцем вдоль линии, пересекавшей щеку, и у нее на глазах шрам уменьшился. Не исчез, но превратился в тонкую, бледную линию, которая всегда будет напоминать им о времени, когда они чуть не потеряли друг друга.

День только начинался.

— Займись со мной любовью снова, — прошептала она, поднимая ногу и закидывая ее на бедро Кейна.

Он улыбнулся.

— Знаешь, на этот раз тебе придется выйти за меня.

— Знаю, — она поцеловала его, и он вошел в нее, быстро и жестко.

Сжимаясь вокруг Кейна, когда они одновременно достигли наивысшей точки, Софи позволила себе уронить одну слезу.

Жульетт внезапно проснулась и села в кровати, сердце стучало где-то в горле. Солнце едва показалось из-за горизонта — это время дня принадлежало Софи.

Она спрыгнула с постели и побежала в комнату Софи, сама не зная, почему вдруг захотела оказаться среди вещей сестры. Комната выглядела точно так же, как в тот день, когда Софи ее оставила. Платье, которое она носила тем утром, когда вернулась домой и узнала, что ее дочь похитили, все еще валялось на кровати. Айседора не позволила даже вымыть комнату, твердя, что Софи сама позаботится об этом после возвращения.

Айседора отказалась верить словам Жульетт о том, что Софи никогда больше не переступит порог этого дома. Жульетт редко посещали видения о сестрах и никогда о себе.

Но на сей раз она не сомневалась в своей правоте.

Она села на кровать, одной рукой прижала платье к груди, другой легонько потерла рукавом по щеке. И сразу увидела младшую сестру так ясно, будто та находилась прямо перед ней. Софи, Ариана и Кейн Варден снова встретились и были счастливы. Но могущественные, темные силы хотели это изменить.

Софи сама была светом, ей никогда не придется столкнуться с тьмой.

Жульетт стиснула платье крепче, сминая его в кулаках. Подобно Айседоре, она всегда пыталась защитить сестру. Возможно, они делали это чересчур настойчиво и слишком долго. За последние недели Софи пришлось уяснить несколько суровых истин.

Глаза Жульетт закатились, сердечный ритм ускорился. Тело пронзила волна знаний. С тех пор, как Софи покинула гору Файн, она стала намного сильнее. Сильнее сердцем, телом и разумом. Она была полна решимости и узнала, в чем заключается ее истинная мощь.

Все эти годы сестры считали Софи самой слабой из них троих, но они ошибались. Она обладала большей властью, чем Жульетт и Айседора вместе взятые, и спустя все эти годы, наконец, воспользовалась ею. Она стала могущественной и сильной.

И была в беде.

Софи шла вдоль холла третьего уровня, пока Кейн с Арианой спали в той же комнате, где провели прошлую ночь. Она надела новый наряд, который принесла для нее Лиана, простое, непрозрачное женственное желтое платье с удобным облегающим лифом и струящейся, слегка касавшейся пола юбкой.

За ее прогулкой наблюдали жильцы уровня, но никто не пытался заговорить. К настоящему времени все они, несомненно, узнали, что еще до конца завтрашнего дня она станет их императрицей. Некоторые ее боялись, остальным просто было любопытно. При других обстоятельствах она бы остановилась, поговорила с людьми и с улыбкой заверила, что не нужно ее опасаться. Софи хотела предупредить, что она не стоит их любопытства, поскольку совершенно точно не выйдет за императора, но продолжала идти молча и в одиночестве. Если она не сможет исполнить задуманное, то ей, весьма вероятно, все же придется стать императрицей.

И, возможно, у них есть причина для страха.

Она вошла в большую комнату с бассейнами. Независимо от времени суток, здесь, казалось, всегда царила ночь. Из-за отсутствия окон освещение было необычным. Огненные шары и установленные в стенах странные пруты повсюду отбрасывали желтое сияние.

В бассейне купались четыре женщины и один мужчина. Мужчиной оказался Брас, которого она слишком хорошо помнила. Все пятеро тихонько смеялись и купали друг друга, помогали мыть волосы и плескались, как дети. Заметив, что их уединение нарушено, они повернулись к Софи и замолчали.

Софи прислушалась к своим эмоциям. Ненависть была слишком недолговечной, чтобы ее контролировать, и, пока Гэлвин не похитил Ариану, Софи вообще не знала этого чувства. Она задвинула его поглубже. Любовь переполнила ее до краев, но она также сомневалась, что сможет управлять ею. Софи уже знала, какие бедствия способна вызвать эта эмоция. Страх, вожделение, радость, горе — она познала их все.

Она смотрела, на пятерых, красивых людей в бассейне, молодых, симпатичных и явно беззаботных. К Брасу это тоже относилось. Фактически, он, возможно, был даже симпатичнее девушек.

Все они вели в этом дворце привилегированную жизнь. Да распутную, но также во многом благодатную. Приходилось ли им когда-нибудь грустить?

Софи подумала о дне, когда умерла ее мать. Она чувствовала себя такой потерянной, преданной и обделенной. Несколько лет спустя смерть Вильяма подействовала на нее почти также. По щеке Софи скатилась слеза. Терять любимых было ужасно, но хоть раз в жизни каждому приходится столкнуться с подобным испытанием. Понимание этого факта ничуть не уменьшало остроту боли.

Она вспомнила, как посмотрела в колыбель Арианы и узнала, что дочь похитили. Горе, которое она испытала в тот момент, было почти таким же, как новость о смерти. Она никогда не чувствовала себя настолько беспомощной.

Потом Софи подумала о сестрах. Она так любила их, и любит до сих пор. Но Айседора с Жюльетт предали ее, и даже если они снова встретятся, и она их простит, то их отношения все равно изменятся. Не менее печальным было то, что она никогда уже не сможет любить сестер так, как раньше.

В ней разрасталась печаль. Софи удерживала ее в себе, пока эмоции не стали настолько сильными, что начали влиять на сердцебиение и температуру кожи.

И тогда она выпустила их. В течение нескольких мгновений она будто действительно видела, как сквозь ее кожу сочится печаль. У той оказался странный оттенок зеленого. Распространяясь наружу, чувства мерцали подобно поверхности воды. Софи ступила ближе к краю бассейна, и зеленое мерцание переместилось вместе с ней. Оно затронуло купальщиков, и люди вздрогнули.

Похоже, они не замечали зеленого свечения, и через миг Софи тоже перестала его видеть. Но оно все еще было здесь. Одна из девочек сразу заплакала, по ее лицу потекли слезы.

Брас коснулся рукой ее плеча и спросил:

— Петра, что случилось?

Он шептал. По словам Лианы, мастерам обучения не разрешили говорить, но, похоже, в компании друзей правила менялись. Или игнорировались.

Петра повернулась к Брасу и спрятала лицо у него на груди.

— Не знаю. Я не вспоминала об отце многие годы, но внезапно подумала о том дне, когда он привел меня сюда. Он так сильно болел...

Другие три женщины тоже начали плакать, каждая по-своему. Одна рыдала, другая шмыгала носом, третья молча стояла на месте, а по щекам ее лились слезы. Петра искала утешения в объятиях Браса.

Но Брас тоже чувствовал боль. Не смотря на отсутствие слез, Софи видела в его глазах горе.

Теперь пришло время для настоящего испытания. Софи потянула эмоцию обратно в себя. Концентрируясь, Софи пыталась увидеть мерцающий зеленый свет. Сначала ничего не получалось, но в конечном счете она преуспела. Затронувшая людей печаль отступила и вернулась к Софи. В течение нескольких долгих минут она парила вокруг нее подобно облаку, а затем ушла в ее тело.

Люди в бассейне не перестали плакать. Воспоминания, которые у них вызвала волна грусти, были настоящими, и чтобы успокоиться, им понадобится время. Но потоки слез все же несколько утихли. Брас с невысказанным упреком поднял взгляд на Софи.

Он размышлял, что она с ними сделала, но не отважился спросить.

Софи отвернулась и ушла от бассейна. Она шагала уверенно и целеустремленно. Вышло не очень, но это было только начало. Ее сила поддавалась управлению.

Шагая вдоль коридора, она сохранила в памяти мысли о матери, сестрах и Вильяме, но держала чувства под контролем. Она прошла мимо женщин, незатронутых ее печалью, которые продолжали тихо разговаривать, смеясь и сплетничая. Сдерживать эмоции оказалось нелегко, но с практикой, наверняка, станет легче.

В конце коридора находилось окно с видом на город. Утреннее солнце теперь сияло ярче, и Софи направилась к окну, чтобы подставить лицо лучам. Свет придавал ей сил. Так было всегда, просто она этого не понимала. Она раньше очень многого не понимала.

Софи положила руку на живот, и печаль развеялась. На ее лице показалась улыбка. Она всегда знала, что их с Кейном ожидают множество долгих бессонных ночей и младенцев. Когда-то она считала это худшей из судеб, но теперь... теперь знала, что так было предначертано. Они непременно найдут способ снять проклятие. И она не позволит страху потери разрушить настоящее.

Она не походила на свою мать, бабушку или любую другую из ранее живших женщин Файн, она была самой собой. Матерью, женщиной, которая будет любить одного единственного мужчину до конца своих дней, могущественной ведьмой.

Достаточно ли могущественной?

Лиана проспала в своей уютной постели не больше трех часов. И когда проснулась, немного удивилась, обнаружив что, все еще, жива и находится на третьем уровне. Прошлой ночью она специально дразнила Себастьяна, намеренно его злила. Такое поведение никогда не было мудрым.

Возможно, он решил дождаться окончания свадебной церемонии и только потом сбросить ее на тринадцатый уровень. Или хотел показать это зрелище своей невесте, или же собирался сбросить их туда вместе.

Выйдя вчера из спальни императора, Лиана не стала искать мастеров обучения. Она конечно думала так сделать, но не потому что тело требовало облегчения, а потому что хотела доказать себе, что ее кровать и тело мог заполнить любой мужчина. Не только император, которого она планировала убить.

Она встала, оделась в темно-красное платье и в приступе враждебности туго скрутила волосы сзади. Вряд ли они с Себастьяном сегодня встретятся, но вспомнив, как он любит смотреть на ее распущенные волосы, она решительно стянула длинные пряди в строгую прическу. Сегодня утром она выглядела слишком бледной, словно спор с Себастьяном высосал из нее всю кровь. Отсутствие румянца делало ее старше, поэтому Лиана подвела глаза и подкрасила щеки и губы. Если они все же увидятся, император пожалеет, что не лег с ней прошлой ночью.

Когда Себастьян устанет от Софи и позовет свою любимую наложницу, она отправит вместо себя кого-нибудь другого.

Если он пошлет за ней. Если к тому времени она не будет бороться за жизнь глубоко под землей.

Лиана вздрогнула, когда в ее дверь неожиданно постучали. Себастьян уже зовет ее? Если так, значит он собирается избавиться от нее перед свадьбой, а не после. Свадьба не должна состояться до полудня завтрашнего дня. На празднество пригласили многочисленных жрецов и министров, проживающих во дворце, а также посла из Трайфина, прибытия которого ожидали уже сегодня. Себастьян не послал за своей матерью и сестрами, поскольку для императора Каламбьяна свадьбы престали быть редким событием.

И действительно, за дверью стоял Тэнэли, один из личных охранников Себастьяна. Он-то, несомненно, с наслаждением понаблюдает за ее падением.

— Император Себастьян требует принести к нему дочь его невесты. Кормилица с пятого уровня сообщила мне, что вчера вы забрали у нее ребенка.

Лиана подавила нарастающую панику. Зачем Себастьяну Ариана? Он, конечно, не причинит вреда ребенку. Она вспомнила крик из тринадцатого уровня. Возможно, тот звук, все же, не был плодом ее воображения.

— Зачем? — резко спросила она.

Румяное лицо стража посуровело.

— Император не сообщил мне причину, лишь велел забрать ребенка.

Разумеется.

Она могла бы отказаться передать Ариану Тэнэли, но из этого не выйдет ничего

хорошего. Себастьян прикажет обыскать дворец, Ариану и Кейна найдут, брат станет сопротивляться... и умрет. Благодаря избиениям Нэйрна, он и так уже полумертвый.

— Я сама принесу ребенка императору, — сказала она, выходя из комнаты и закрывая за собой дверь.

— Я вас провожу.

Лиана шла вдоль коридора, проклиная не отстающего ни на шаг стража. Себастьян, наверняка, не желает ее видеть, как, безусловно, и она его. Но она не передаст свою племянницу Тэнэли, а лично вручит ребенка Себастьяну.

У дверей комнаты, где провел ночь ее брат со своей семьей, она приостановилась.

— Жди здесь.

Тэнэли оставил приказ без внимания, но Лиана пронзила его своим лучшим яростным взглядом, и он отступил. Даже прислонился к стене рядом с дверью, будто готовясь к долговому, нудному ожиданию. Лиана вошла в комнату, и от представшего ей вида у нее перехватило дыхание.

Кейн лежал на боку, прижимая к груди спящую Ариану. Софи нигде не было видно.

То, как брат обнимал своего ребенка, было довольно мило, но не это заставило ее столь бурно отреагировать. Раны Кейна исчезли. Остался лишь тонкий бледный шрам на щеке.

— Это невозможно, — прошептала Лиана. — Ты... здоров.

Кейн поднял голову и улыбнулся.

— Одно из преимуществ иметь возлюбленную-ведьму.

Лиана приблизилась к кровати.

— Софи ведьма? — спросила она, предусмотрительно понизив голос.

Кейн кивнул и снова перевел взгляд на спящего ребенка. Его улыбка настолько отличалась от всех тех эмоций, которые она испытывала за последние шестнадцать лет, что Лиана почувствовала зависть. Зависть к собственному брату и его счастью.

— Себастьян приказал принести ему Ариану.

Улыбка Кейна растаяла.

— Нет. Он не получит мою дочь.

— Я о ней позабочусь, — сказала Лиана.

— Нет!

Она подошла ближе.

— Если хочешь увидеть ребенка и Софи мертвыми, продолжай в том же духе, — тихо предупредила она. — Настаивай на своем, сразись со стражами, подними шум. Себастьян убьет Софи с Арианой, а тебя заставит наблюдать и только потом казнит.

Лицо Кейна ожесточилось, в глазах запылал огонь. Он накрыл ребенка своей большой рукой, и девочка, не просыпаясь, заерзала.

— Обещаю, я позабочусь об Ариане, — она коснулась его щеки, где на молодом лице — невероятно! — остался лишь тонкий шрам. Брат был всего на три года младше нее, но сейчас она чувствовала себя ужасно древней и все еще воспринимала Кейна, как ребенка.

Лиана помнила вчерашний разговор с Себастьяном. Весь. Некоторые из его слов она никогда не забудет.

— Важно, чтобы Софи пока не беременела. Ей ничего не грозит, пока...

— Слишком поздно, — прервал Кейн.

Лиана покачала головой.

— Даже если ты переспал с ней, то не можешь знать...

— Слишком поздно, — повторил он. — Скоро она родит еще одного ребенка, и будь я проклят, если позволю ему войти в этот мир с фамилией Бэкит.

Лиана нежно забрала ребенка из рук Кейна.

— Если ты будешь сопротивляться, то погибнешь.

Он вскочил с кровати, удивительно проворно для того, кто только вчера был так чудовищно избит, что едва мог дышать.

— Дождись сначала возвращения Софи. Если она вернется и не найдет тут Арианы...

— Я не могу ждать. Вообще-то, я должна спешить. В коридоре ждет страж.

В отличие от Тэнэли, ни у Лианы ни у Кейна не было оружия.

Она отвернулась от брата.

— Я не допущу, чтобы с ней что-то случилось. Обещаю.

— Но...

У двери Лиана обернулась.

— В шестнадцать лет я не давала обещаний. Я не легко их даю, но ничто не может заставить меня их нарушить.

Кейн тяжело осел на край кровати и кивнул, в явном расстройстве запустив пальцы в волосы. Лиана оставила его, быстро проскользнув через дверь и закрыв ее.

Тэнэли оттолкнулся от стены.

— Ты не торопилась.

— Думаешь, легко уговорить мать отдать своего ребенка?

Он пожал плечами.

— Понятия не имею.

Лиана шагала по коридору, надеясь, а потом молясь, чтобы они нигде не столкнулись с Софи. Иначе Тэнэли начнет гадать, кто был в комнате с Арианой, и почему Лиана солгала, сказав, что забрала девочку у матери.

Но ей сопутствовала удача, и они вошли в лифт, так и не встретившись с Софи.

Она придет в ярость, когда вернется в комнату и не найдет Ариану, но с этим ничего нельзя было поделать.

Пока лифт поднимался, Лиана непрерывно размышляла. По словам Кейна, Софи уже беременна. Возможно ли такое? Откуда она это знает? Она была ведьмой, сильной, если судить по стремительно затянувшимся ранам Кейна. Как бы Себастьян отреагировал на такую новость? Воспользовался бы всеми преимуществами своей власти или избавился от Софи, не дожидаясь возвращения Мэддокса?

После предсказания волшебника, Себастьян стал бояться магов, и, не приноси они ему существенную пользу, объявил бы их всех вне закона, как когда-то сделал его дед. Дворцовые ведьмы заботились об отсутствии на третьем уровне младенцев, и именно ведьма придумала первую порцию пэнвира. Некоторые генералы держали у себя на службе ведьм, волшебников или провидцев, советуясь с ними при планировании сражений с мятежниками.

Себастьян не возражал против таких поступков, пока они не затрагивали его лично. Должна ли она рассказать, что его невеста ведьма? Он обрадуется или испугается?

Когда они добрались до бального зала, где ожидал Себастьян, два стража широко распахнули двустворчатые двери. Фергус странно посмотрел на нее, когда она приблизилась с Арианой на руках, но ни один из стражей не попытался ее остановить. Или обыскать.

Себастьян ждал на троне, и хотя он ей не улыбнулся, все же встал и спустился с возвышения.

— Не ожидал увидеть тебя в роли опекуна, особенно после столь страстной любовной ночи.

Лиана проигнорировала приманку, и не стала рассказывать, что спала в одиночестве.

— Зачем тебе этот ребенок? — спросила она.

— Я вдруг подумал, что во время церемонии моя невеста может попытаться сказать жрецам «нет» или, боже упаси, вообще рискнет сбежать из дворца. Но если ребенок будет у меня, то она, несомненно, станет сотрудничать.

— Ты так жаждешь получить ее?

Он приподнял бровь и пожал одним плечом.

— Я ее хочу, и я всегда получаю то, что хочу.

— Ты хочешь ее ради мести.

— Да.

Плотно прижимая к себе Ариану, Лиана подошла к Себастьяну. Ребенок придавал ей силы, уверенности и заставлял чувствовать себя целостнее. Лиана посмотрела Себастьяну в глаза.

— Отпусти их, — тихо попросила она. — Софи и ребенка, отправь их домой. Когда Мэддокс вернется во дворец, поговори с ним. Спроси, почему он решил, что не может доверить тебе новость о падении северного дворца. Выслушай его ответ и помирись с ним.

— Когда ты успела превратиться в дипломата? — спросил Себастьян. Его глаза были бесчувственными, более бледными и холодными, чем она помнила.

— Он всегда хорошо служил тебе, милорд. Не сомневаюсь, что у него была веская причина скрыть новость.

Себастьян протянул руку и вынул из ее волос одну шпильку. Затем вторую и следующую. Она стояла не двигаясь и не протестуя, пока пряди ее волос не рассыпавшись по плечам и вдоль спины. Закончив, Себастьян завел руку себе за спину.

— Тебе всегда нравился министр Сулейн, — рассеянно заметил он.

— Да. Он... он друг.

— И все же ты пришла ко мне и предала его.

Сердце Лианы дрогнуло.

— Я решила, что не могу поступить иначе.

— А теперь просишь о снисхождении для его семьи. Я нахожу это довольно странным.

Ариана, просыпаясь, заворочалась и захныкала, требуя снова ее покормить. Лиана задумалась, позволит ли Себастьян вызвать для девочки кормилицу. Мысль о голодном ребенке встревожила ее.

— Да, — спокойно ответила Лиана. — Я прошу о снисхождении к семье Мэддокса.

Себастьян смотрел на нее сверху вниз, и его глаза заискрились от веселья. Уголки губ дернулись.

— Это кое-что проясняет. В прошлом ты просила только ради меня. В награду за долгие годы твоего преданного служения я серьезно обдумываю возможность не избавляться от Софи Файн и ее отродья, после того, как закончу с ними. При одном условии.

— Каком же?

Он одарил ее улыбкой, намек на которую показался моментом ранее.

— Я хочу, чтобы ты лично убила Мэддокса Сулейна.

Ей не представилось шанса вернуться к себе в комнату сразу после прогулки и

исследования своей новооткрытой власти. Эксперимента в ванной показалось недостаточно, и Софи проверила себя еще несколько раз, стараясь не поднимать шума. Но едва она собралась вернуться к Кейну и Ариане, как старая женщина увидела ее возле купальни и воскликнула, что пришло время готовиться ко дню. Наверное, от будущей императрицы требовали соблюдения определенных правил.

Поскольку она слишком устала, чтобы сопротивляться, Софи подчинилась. Обуздание, высвобождение и последующее возвращение энергии изнуряли физически и умственно. И потом, идея немного восстановить силы прежде, чем вернуться к Кейну, казалась не такой уж плохой.

Для побега можно было использовать ее новооткрытую власть несколькими способами. Они могли вместе с Кейном и Арианой просто выйти из дворца, по пути воздействуя на тех, кто захотел бы их остановить. Но следовало не забывать о Лиане. Если она продолжит отказываться бежать вместе с ними, то оставив дворец, они подвергнут ее жизнь опасности.

С другой стороны, она могла применить свои способности непосредственно на самого императора и убедить его отказаться от нелепой свадьбы. Она еще не знала, как именно это сделает, но должен существовать способ повлиять на него.

Софи искупали, одели в голубое платье и уложили волосы наверх. Те же самые юные девочки, которые помогали ей купаться в первый раз, наряду с двумя женщинами постарше. Все это время Софи обдумывала, что скажет императору, когда снова его увидит, и старательно сдерживала эмоции.

Несмотря на обстоятельства, ее успокаивала одна мысль. Она, Кейн и их ребенок выберутся из этого дворца вместе, целыми и невредимыми. Не смотря ни на что.

Она отказалась от предложенных румян, и женщина, делавшая ей прическу, торопливо отступила. В голосе проявилась ее новая сила, или женщина боялась, потому что считала Софи своей будущей императрицей? Какова бы ни была причина, они все немного опасались ее.

Одна из старух настояла на том, чтобы проводить Софи до ее комнаты и предложила подобрать для невесты императора более подходящие покои на пятом уровне. Софи отказалась, сказав, что ее устраивает комната на третьем уровне. Будет слишком трудно перевезти Кейна и Ариану в середине дня. А им лучше держаться в месте, пока не придет время отъезда.

Она прикоснулась к дверной ручке и отпустила старуху прежде, чем у той появилась возможность заглянуть внутрь. Некоторые женщины на третьем уровне заслуживали доверия, другие нет. Лиана знала, кто удержит рот на замке, но Софи не отличала здесь друзей от врагов.

Когда старуха удалилась, Софи проскользнула в спальню и быстро закрыла дверь. Кейн стоял у окна, впитывая лучи солнца, как чуть ранее делала она. Его вид вызвал у нее улыбку. Он надел синюю тунику мастера обучения, которая, похоже, была единственной доступной для него одеждой.

Мгновение Софи любовалась Кейном. До этого момента она не замечала, насколько хороши его ноги. Потом направилась к колыбели, чтобы взглянуть на Ариану, но Кейн перехватил ее по дороге и с мрачным выражением лица развернул к себе.

— Лиана ее забрала, — тихо сказал он. — Ариана у императора Себастьяна.

Себастьян нечасто пировал с гостями, но визит посла Трайфина обязывал устроить особый ужин, который организовали в редко используемой столовой на первом уровне. Столовая располагалась неподалеку от личной кухни императора, оборудованной так же великолепно, как остальная часть этого уровня. Длинный стол, занятый четырьмя мужчинами, хотя легко мог вместить в пять раз большее, выглядел почти безлюдным.

Основным источником света служили длинные, заостренные свечи, смягчая красный, синий и серебряный цвета обстановки. Посол Трайфина выглядел немного удивленным отсутствию окон, поскольку, разумеется, ничего не знал о пророчестве, из-за которого Себастьян приказал заложить кирпичом все отверстия в стенах. Он не спросил, почему комната была настолько тусклой, но свечи излучали достаточно света, а опахала сохраняли в комнате прохладу, и посол, несомненно, не испытывал никаких неудобств.

Лиана была слегка очарована послом. Эсман Хен больше походил на одного из молодых солдат Себастьяна, а не на напыщенных старых послов, которых она встречала раньше. Его длинные темные волосы были заплетены в косу, а голубые глаза казались темнее и ярче, чем у Себастьяна. Загорелая кожа свидетельствовала о долгих часах, проведенных под открытым небом, а крупное тело больше подошло бы рабочему, чем дипломату.

Сегодняшний ужин был немногочисленным мероприятием. Тут присутствовали Себастьян, Хен, министр сельского хозяйства, Кардель Эдден, встревоженный кражами скота на границе Каламбьяна и Трайфина, и Мэррил, нынешний глава жрецов, занимающих второй уровень дворца.

Лиана находилась здесь по приказу Себастьяна, но не сидела за столом, а прислуживала. Также по приказу Себастьяна, вместо своей обычной темно-красной одежды, она надела синие цвета третьего уровня. Он хотел убедиться, что она знает свое место? Возможно, таково ее новое положение. Прислуга. Девица. Потом он, наверное, велит ей выстирать его белье.

Лучше уж умереть.

Мэррил, который терпеть не мог Лиану, бросал в ее сторону самодовольные улыбки. Он явно радовался, видя, что она, наконец, находится там, где положено. Старик служил советником Себастьяна с самого начала его правления и не хотел, чтобы кто-то кроме него влиял на мысли и поступки императора. Столь сильная антипатия доказывала, как много она добилась за прожитые здесь годы. Возможно, Мэррил даже боялся ее влияния. Раньше.

Никто не станет бояться служанки.

Близость к столу дала ей возможность послушать беседу. В настоящий момент Себастьян старался не рисковать и дал понять Хену, насколько тщательно он обдумывает возможность заключения союза с представляемым им кланом. Хен выглядел сильным и энергичным. Ему явно не хватало оружия, конфискованного по прибытии в столовую. Время от времени его правая рука невзначай тянулась к бедру, где обычно висел нож.

Хен произвел на Лиану впечатление мужчины, который никогда не расстается с оружием. Возможно, он даже спал с ними. Она иногда так делала.

За ужином он поделился с ними потрясающей информацией. Покойный министр финансов действительно вступил в тайный сговор с группировкой из клана с целью свержения императора Каламбьяна. С той группировкой поступили так же, как с

министром, и Хен заверил Себастьяна, что лидеры его клана желают союза, а не войны.

Угощения были роскошными и впечатляющими, вино, которое подавалось после еды — самым лучшим из всего, что имелось у Себастьяна. За весь вечер он ни разу не взглянул на Лиану. Тогда почему ее не покидало ощущение, будто император очень хорошо знает о ее присутствии?

Хен тоже наблюдал за ней, но его внимательные взгляды были откровенно признательными. Один раз он даже подмигнул ей. Себастьян в этот момент не смотрел на посла Трайфина, но его лицо напряглось, словно он знал об этом жесте и не одобрял его.

Большей частью говорили Эдден и Мэррил, что было одной из причин, по которой их выбрали для этого ужина. Казалось, у них всегда есть темы для дискуссий, что-нибудь интересное, но в то же время не провокационное. Себастьяну же никогда не хватало терпения на праздную болтовню. Он предпочитал наблюдать и слушать.

Как, очевидно, и Хен. Посол слушал, отвечал при необходимости, но не слишком старался принять участие в обсуждении.

Лиана подавала пищу и разливала вино, а в остальное время молча стояла у стены. В конце концов, слуги не позволяли себе удовольствия беседовать с главами государств.

Уже настал поздний вечер, когда Себастьян поднялся, что служило сигналом окончания ужина. Остальные резко встали, и Себастьян впервые посмотрел на Лиану.

— Наш гость провел в пути много дней. Уверен, сегодня вечером он оценил бы женское общество.

Лиана почувствовала, как побледнело ее лицо. Он предлагал ее? Или просил выбрать для Хена другую женщину? Она не знала, что и подумать.

— Каких женщин предпочитает посол Хен? — ровным голосом поинтересовалась она.

Хен повернулся к ней, и его глаза озорно сверкнули.

— Я предпочитаю светловолосых, — он пробежался взглядом по ее распущенным волосам. — И опытных. У меня не хватает терпения на неискушенных девочек, которые не знают как... участвовать в процессе.

— Уверю вас, все женщины на третьем уровне умеют участвовать в процессе, — кратко ответила она.

Себастьян почти улыбнулся.

— Тогда я позволю вам сделать выбор вместо меня, — сказал Хен.

Лиана кивнула, развернулась и покинула комнату.

Она могла прийти к Хену сама. Он дал ей это понять, не столько словами, сколько взглядом и языком тела. Интересно, какой он любовник? Неуклюжий или талантливый? Он предпочитает быстрый секс или занимается любовью всю ночь? Хен больше походил на последнего.

На третий уровень она спустилась по лестнице. Слуги не пользовались лифтом, и кроме того, сегодня вечером в ней накопилась лишняя энергия.

Оказавшись на месте, она, наконец, приняла решение, хотя с самого начала понимала, каким оно будет. Лиана отправила к послу Элию и пошла к себе готовиться ко сну.

Но при этом не сомневалась, что не сможет сомкнуть глаз.

Едва она успела переодеться в ночную сорочку, совершенно простую, белую и почти грубую, как кто-то постучал в ее комнату.

Лиана открыла дверь и увидела стоящего на пороге Себастьяна. Без охраны и одетого не в свой темно-красной наряд, а вырядившегося, как страж. Зеленая униформа идеально ему

подходила, и он стянул волосы сзади. Если не присматриваться, никто не узнал бы в нем императора.

Она ошеломленно стояла на месте, пока он не спросил:

— Могу я войти?

Софи свернулась клубочком рядом с Кейном, пытаясь втянуть в себя часть его тепла, хотя ночь несколько не была холодной. Она скучала по своему ребенку. Ей пришлось снова принять травы, высушившие молоко. Сегодня ночью Ариану кормил кто-то другой, какая-нибудь кормилица, которая ее не любит и не нуждается в ней.

Днем Софи три раза требовала аудиенции императора и каждый раз получала отказ. Ей сказали, что она увидит его завтра на свадьбе. Сегодня у императора не было на нее времени. На вопросы об Ариане ей сообщили, что ребенок будет присутствовать на церемонии.

Кейн хотел пробраться к Ариане силой, но физической мощи их двоих ни за что не хватило бы, чтобы одолеть Себастьяна и всех его людей. Она должна сделать это сама, своим собственным способом.

Сегодня ночью она не плакала. Софи удерживала боль, гнев и горе глубоко внутри. Они стали частью нее. Они делали ее сильной.

И опасной.

Заметив, что Себастьян с легким опасением покосился на окно, Лиана прикрыла шторами ночное небо. Когда она закончила, он сел на край кровати.

— Что ты о нем думаешь?

— О Хене?

— Разумеется, о Хене, — резко сказал он. Себастьян немного нервничал из-за непривычно одежды.

— Он кажется вполне искренним, — ответила она, убирая со стула дамскую сумочку.

— Честен по поводу своих намерений?

— Думаю, да.

— Значит, наверное, мне не стоит убивать его сразу же?

Лиана с трудом сглотнула. Если Себастьян хотел обсудить Хена, то мог просто послать за ней. Ему не было никакой нужды переодеваться и тайком пробираться к ней комнату. Сидя на краю ее кровати, он выглядел совсем другим. Ей понравилась его новая прическа. Собранные сзади волосы делали черты лица острее, но ему это шло. В отличие от мантии, униформа не скрывала его фигуру, показывая насколько прекрасное у него тело.

Это напомнило ей, что не родился Себастьян императором, он был бы совсем другим человеком.

Но он родился императором, поэтому не имело смысла, размышлять каким он мог бы стать, сложись судьба иначе. Это было таким же бесполезным занятием, как воображать, на что походила бы ее жизнь, если бы Лиану не похитили и не привезли сюда в качестве рабыни.

— Я бы не стала торопиться с его убийством, — спокойно сказала она. — Из него может получиться прекрасный союзник.

— Думаю, ты права, — ответил он.

В течение нескольких минут ни один из них не произносил ни слова. Себастьян все не

уходил, Лиана неподвижно сидела на стуле.

— Мне раздеться? — спросила она, удивляясь, зачем он пришел и почему никак не уходит.

— Нет. Не нужно.

У нее не было времени на игры, даже для него.

— Почему ты здесь?

— Я хочу, чтобы завтра ты была там.

— Завтра ночью? — уточнила она. Себастьян хотел, чтобы она пришла после того, как он закончит со своей невестой? Это будет не первая брачная ночь, которую она проведет в его кровати.

— Нет. Я хочу, чтобы ты присутствовала на свадьбе. Надень красное. Это твое право.

Ее сердце чуть сжалось.

— Я его заработала.

— Да, — согласился он.

Приглашение было сделано, но Себастьян не ушел. Он принялся изучать ее комнату, перебирал личные вещи, проверил мягкость кровати.

— Мне нужен наследник, — тихо сказал он, не глядя на нее. — Законный наследник, который займет трон после моей смерти. У меня нет выбора.

— Если ты пришел ко мне в поисках сочувствия из-за того, что в твоей жизни мало возможностей выбора, то боюсь, потратил свое время впустую. За последние шестнадцать лет мне, разумеется, не слишком часто приходилось делать выбор.

Он медленно наклонил голову и посмотрел на нее.

— Вот чего ты хочешь? Право выбора?

— Возможно.

— Тогда выбирай, — предложил он. — Одно желание, один выбор.

Он застал ее врасплох, и мгновение она безмолвствовала. А затем выпалила:

— Не женись на ней.

Себастьян слегка приподнял брови.

— Это не твой выбор, а мой. Выбери еще раз.

На сей раз ей не пришлось так долго раздумывать.

— Отпусти меня, — прошептала она.

Он не ответил ей быстрым «да» или «нет», лишь слегка прищурился.

— Таково твое желание? Свобода?

— Да.

Он быстро встал, снова превратившись в императора.

— Прекрасно. Как только убьешь Сулейна, ты будешь вольна уйти.

Лиана торопливо встала.

— Если ты на самом деле этого не подразумеваешь, не дразни меня. Не предлагай того, что не готов дать.

— Я не дразню тебя, Лиана. — Себастьян протянул руку и коснулся пряди ее волос. — Ты достаточно долго и хорошо послужила этому дворцу. Раз ты хочешь свободу, значит, получишь ее. Я лишь прошу тебя в следующие несколько недель до возвращений Сулейна хорошо все обдумать. Где ты будешь жить? Чем собираешься заниматься?

— Я не передумаю.

— Я тоже.

С этими словами он оставил ее, чтобы вернуться к себе на первый уровень. Как он пробрался мимо стражей у своих дверей? Лиана хорошо знала о секретных проходах, соединявших многие уровни, но ни разу не слышала о тайном входе в покои императора. Если Себастьян мог выскользнуть без чьего-либо веденья... как часто он так поступал?

После его ухода прошло минут двадцать, когда Лиана вдруг поняла, что все то время, пока император находился с ней в комнате, нож лежал в паре шагов от нее.

Софи стояла у окна и наблюдала за восходом солнца. Ей казалось, что его лучи не только согревают ей кожу, но и впитываются в ее тело. Она поглощала жар, смаковала его. Когда солнце высоко поднялось над горизонтом, она протянула к нему руки ладонями вверх. В солнце заключалась сила. Вот почему ее всегда влекло к его теплу. Оно было источником ее энергии.

Жизнь. Солнце. Плодородие. Любовь. Все это переплелось вместе и сделало ее той, кем она была, кем стала.

Когда-то Софи попыталась отпугнуть Кейна, рассказав, что она ведьма. Что он подумал бы о ней теперь, когда она приняла свою силу, и та возросла во сто крат? Большинство мужчин сбежали бы от столь могущественной женщины, она понимала это, даже не смотря на свой небольшой опыт.

Кейн проснулся и встал с постели. Она услышала скрип матраца и шлепки его босых ног по полу. Он присоединился к ней у окна, обхватил сзади руками и крепко обнял. Его кожа была такой теплой, и, подобно солнцу, он давал ей силу.

— Я хочу, чтобы ты уехала, — прошептал он. — Я заберу Ариану и сразу последую за тобой, обещаю, но ты должна уехать первой.

— Нет, — ответила она удивительно безмятежным голосом. — Нельзя забывать о Лиане...

— Лиана решила с нами не ехать. Она может позаботиться о себе, она делала это многие годы.

— Я не стану подвергать ее опасности.

— Я не позволю тебе выйти за Себастьяна, — сказал он хриплым и очень суровым голосом.

Она повернулась и подняла руку, чтобы дотронуться до его щеки, которую рассекал светлый шрам. Он нуждался в бритве, но выглядел таким красивым.

— Я не собираюсь выходить ни за кого, кроме тебя, Кейн Варден. Когда придет время.

— Скоро, — сказал он. — В ту же минуту, как мы выберемся из этого места.

Она улыбнулась.

— Значит, скоро.

Она была уже не той, девушкой, которая попросила его стать ее первым любовником. Он был не тем отчаявшимся солдатом, которого она нашла под деревом линара. Но сейчас они принадлежали друг другу так, как не могли принадлежать тогда.

— Я, Софи Файн, беру тебя, Кейн Варден, в свои законные мужья. Отныне и навсегда, пока смерть не разлучит нас, мы будем вместе.

Он нахмурился.

— Я хочу жреца.

— Это время придет, — сказала она. — Но сегодня знание, что ты мой муж, придаст мне сил. Наши клятвы, данные здесь, перед Богом, как если бы мы произносили их перед

жрецом.

Он чуть улыбнулся.

— Я никогда не был на свадьбе.

— Никогда?

Он покачал головой.

— Я была только на одной. У Айседоры. Думаю, пока мы говорим от сердца, эти клятвы нас связывают.

Он поцеловал ее в лоб.

— Я, Кейн Варден, беру тебя, Софи Файн, в жены. Клянусь защищать тебя и наших детей ценой своей жизни. Клянусь любить тебя до самой смерти, когда бы она ни пришла, и даже после нее. — Его взгляд посуровел. — И я не стану делиться тобой даже с императором.

— Тогда, теперь я объявляю нас мужем и женой.

Он должным образом поцеловал ее, на сей раз не в лоб. Вскоре поцелуй стал увлеченным и страстным, Кейн подхватил ее на руки и отнес в кровать. Ее тело гудело и пело, стремясь к Кейну так, как она себе никогда даже не представляла.

Любовь, подобно солнцу, наполняла ее могуществом.

Повинуясь приказу Себастьяна, Лиана явилась в величественный бальный зал. Она предпочла бы посидеть в маленькой комнатке на пятом уровне, где кормилица присматривала за Арианой, но прошлой ночью Себастьян настоял на ее участии. Она никогда раньше не видела его свадеб.

Конечно, она была тут не одна, но, разумеется, не общалась с остальными гостями. За прошлые шестнадцать лет она спала со многим из нынешних министров и более чем с несколькими жрецами. Они либо вообще не смотрели в ее сторону, либо бросали на нее подозрительные взгляды. Некоторые министры пришли сюда с женами. И никто из жрецов не хотел, чтобы другие узнали о том, как они предавались удовольствиям третьего уровня, даже не смотря на то, что так поступали они все, за исключением небольшой горстки праведников.

Эсман Хен казался сегодня хорошо отдохнувшим и весьма довольным. Сразу после завтрака он попросил прислать к нему Элию еще раз, и девушка была больше чем счастлива, пойти к нему. Он оделся так же, как прошлым вечером в своего рода униформу его клана — коричневые брюки, свободную коричневую рубашку и перетянутый через грудь отрез красно-золотой ткани. Он выглядел весьма свежо, особенно стоя среди напыщенных жрецов и стареющих министров.

Подобно всем остальным, кроме охранявших дверной проем стражей, Хен был разоружен. Как и прошлым вечером, его рука иногда тянулась к бедру, где он обычно носил нож.

Время от времени Лиана ловила на себе взгляд Себастьяна. Он нисколько не походил на посетившего ее прошлой ночью мужчину, снова превратившись в правителя, которого она презирала. Ему казалось забавным заставить ее наблюдать за его бракосочетанием? Поэтому он приказал ей быть здесь? В этот момент она ненавидела его сильнее, чем когда-либо прежде. Он обещал обдумать возможность сохранить жизнь Софи и Ариане и фактически пообещал ей свободу. Взамен ей придется убить своего единственного настоящего друга.

Нет, Мэддокс перестал быть ее другом в тот миг, когда она пошла к Себастьяну и

рассказала о его предательстве. Боже, удержание от Себастьяна дурных вестей было столь мелким, незначительным поступком. Если бы он казнил каждого человека, который когда-либо имел от него тайну, в этой комнате не осталось бы и горстки мужчин.

Она попыталась представить как заживет вдали от дворца, если Себастьян все же выполнит свое обещание. Она выйдет замуж за фермера или торговца и оседет в каком-нибудь миленьком коттеджике? Лиана часто мечтала о такой жизни, но теперь, когда почти получила ее, вдруг поняла, насколько унылым будет такое существование. Ей придется заняться своей привычной работой в другом месте? Шлюха или палач? Любовь или смерть за деньги, которые ей понадобятся для выживания.

Обещанием свободы Себастьяну удалось показать Лиане, что она никогда не освободится ни от него, ни от этого места. Возможно, после смерти, но не раньше. Ни на миг.

При нормальных обстоятельствах семья невесты сопровождала бы ее к жениху. Но Софи должны были вести к Себастьяну две старухи, и свита наложниц с третьего уровня. Это время настанет всего через несколько минут. Играла музыка, заполняя зал нежными звуками мандолы. Вместе с мелодией в воздухе витало напряжение. Гости общались, прогуливались по залу, но не ступали на темно-красную ковровую дорожку, ведущую от закрытых дверей к возвышению с тронем. Скоро по этому ковру пройдет невеста со своим нетрадиционным эскортом, и Лиане придется смотреть, как Себастьян сделает Софи своей императрицей.

Кейн не мог смириться с неизбежным, но со временем он поймет, что никто из них был не в силах этому помешать. Ему придется успокоиться и принять случившееся, и, возможно, через несколько недель или месяцев они сумеют разработать план и вытащить их всех из дворца.

Никто из гостей не отваживался упомянуть о последней императрице, но все думали о ней. Император менял жен с тревожной быстротой.

Двери в бальный зал распахнулись, но не медленно, а с удвоенной силой, и вошла Софи. Ее эскорту, старухам и девочкам с третьего уровня, пришлось бежать, чтобы не отставать от нее. Софи не ежилась от страха, не бросала взгляды по сторонам. Все ее внимание было сосредоточено на Себастьяне. Гости немного отступили.

— Где моя дочь? — спросила она, направляясь к своему жениху.

Себастьян улыбнулся.

— Ты увидишь ее после церемонии, — пообещал он.

— Нет, мне сказали, что она будет здесь, и я увижу ее сейчас.

Себастьян больше не улыбался, гости в зале, казалось, даже перестали дышать.

Софи стояла посреди комнаты, окруженная людьми императора и их женами, жрецами и стражами. Сзади выжидающе замерли девушки с третьего уровня.

Серебряное свадебное платье Софи начало сиять. Серебро превращалось в золото.

— Я не выйду за тебя, — спокойно сообщила Софи. — Я пришла сюда только для того, чтобы забрать свою дочь.

Гости отступили еще дальше, боясь попасть под перекрестный огонь, который, как они знали, вскоре последует.

— Подумай-ка еще раз, — ответил Себастьян. Он все еще выглядел скорее удивленным, нежели раздраженным, хотя больше не улыбался.

— Нет, — сказала Софи. — Ты использовал мою любовь к ребенку и лучшему другу, чтобы заставить согласиться на эту свадьбу. Что за человек так поступает? — Она

посмотрела по сторонам, и гости снова отшатнулись, оставив ее стоять одну среди мужчин и женщин в роскошных нарядах и наложниц в лучших и наиболее приемлемых платьях. Обрамленная яркими красками, Софи Файн мерцала золотом.

— Ваше желание жениться на мне не имеет никакого смысла, — сказала она, словно действительно не понимала. — Вы могли выбрать в невесты любую женщину в стране, и все же похитили мою дочь, чтобы заставить меня согласиться. Я люблю другого. И сегодня утром я вышла за него замуж. — Она смотрела на Себастьяна, который теперь испытывал не только удивление. Император сжимал и разжимал кулаки.

Он осмелится высказать свои мысли перед всеми этими людьми? Произнесет вслух, что убьет Ариану, если Софи откажется от свадьбы? Нет, для этого было слишком поздно.

— Ты совершаешь серьезную ошибку, — тихо предупредил он.

— Нет, — не испугавшись, ответила Софи. — Я не люблю вас и даже не знаю. И в любом случае, я никогда не смогу жить здесь. — Она осмотрела комнату. Здесь было слишком жарко, весь свет шел от свечей и установленных в стенах светящихся жезлов. — Чтобы выжить, мне нужно солнце. Нужны свет, любовь и счастье. А здесь нет ничего из этого. Что за человек выберет жизнь в столь нечестивом, душном и темном месте?

Софи подняла лицо и закрыла глаза. Казалось, будто она стала выше... нет, не выше, ее ноги приподнялись на несколько футов над полом. Она парила над темно-красной дорожкой, а ее платье все больше и больше пылало золотом. Свечение стало настолько ярким, что некоторые из гостей прищурились или даже закрыли глаза.

Но не Лиана. И не Себастьян.

Внезапно комнату сотряс взрыв. Большая часть потолка вылетела наружу, старый световой люк на крыше, заложенный несколько лет назад кирпичом, вновь открылся, и впервые за семнадцать лет на первый уровень хлынули лучи солнца.

Прямо на лицо Себастьяна.

Себастьян отскочил назад, но оказался недостаточно проворен. На секунду, лишь на секунду, солнце осветило его с головы до пят. Пророчество, которого он боялся, не было общеизвестным фактом, но здесь, во дворце, о нем знали все. Министры и жрецы, его любовница и убийца, понимали что означало то мгновение.

Софи не знала, но, разумеется, заметила ужас на лице императора.

— Прошу прощения, — сказала она, шагнув вперед. — Я хотела лишь наполнить комнату любовью, чтобы вы поняли, почему я не могу стать вашей императрицей, но... вам не стоило забирать моего ребенка. Я еще не научилась управлять гневом.

Гости бросились прочь из комнаты, отталкивая друг друга, чтобы успеть спастись. Прекрасные, гордые леди наперегонки бежали к выходу. Обычно неустрашимые министры спешили покинуть бальный зал, распахивая друг друга локтями. Лиана не знала, кого именно они испугались, Себастьяна или Софи. Или их обоих.

Но были и те, кто не бежал. Лиана. Хен. Несколько жрецов, скорее заинтригованных, нежели напуганных. Остались и женщины с третьего уровня, за исключением поспешно сбежавших старух, и горстка стражей, по-настоящему преданных своему императору, но бессильных исправить случившееся.

Мэррил, который должен был провести церемонию, стоял на возвышении позади Себастьяна. Сейчас он выглядел старше, чем прошлым вечером, и хотя жрец не сбежал, он, определенно, потихоньку отодвигался в сторону, не отводя от Софи пристального взгляда.

— Кто-нибудь, принесите ей ребенка, — хрипло приказал Себастьян.

Лиана кивнула стражу, и молодой человек с радостью покинул зал. Она сделала шаг в сторону Себастьяна, но передумала. Если кто и не заслуживал утешения...

Он сидел на возвышении, за пределами льющегося сверху солнечного света.

— Кто ты? — спросил он, не сводя глаз с Софи.

— Я ведьма, — сказала Софи, так спокойно, будто рассказывала, что приехала из южных земель и у нее светлые волосы.

Себастьян засмеялся.

— Ведьма.

Мэррил не смеялся. Он покинул возвышение с такой скоростью, на которую только был способен, и быстро направился к двери. Некоторые из гостей остались в прихожей, надеясь увидеть, что случится дальше, не приближаясь при этом к месту событий. Другие же вообще убежали с первого уровня.

Пылающее золотом подвенечное платье постепенно приобрело прежний серебряный цвет, и Софи сделала несколько неуверенных шагов к возвышению, на котором восседал Себастьян.

— Почему вы боитесь солнца?

— Из-за пророчества, — почти небрежно ответил он. — Когда я стал императором, волшебник предсказал, что прикосновение солнца к моему лицу будет предзнаменовать мой конец. Конец всего. И ты принесла это сюда.

— Нет, милорд, — тихо и в то же время уверенно возразила Софи. — Вы сами принесли это сюда, когда забрали моего ребенка.

Она стояла под лучами солнца. Софи знала, что была там, в большей безопасности, чем

в любом другом месте этого дворца? Стражи боялись как ее самой, так и ее могущества, Себастьян все еще опасался солнца. Лиана видела это даже с такого расстояния.

Софи была единственным человеком в комнате, который не боялся.

— Если вам нужна императрица, вы должны найти женщину, которая вас полюбит. Женщину, которая станет вам другом, наперсницей и возлюбленной.

— Любовь для крестьян, — угрюмо отозвался Себастьян.

Софи улыбнулась.

— Тогда я очень рада, что родилась крестьянкой, милорд.

Несколько минут спустя, молодой страж, которого отправили за Арианой, вбежал в комнату с ребенком на руках. Софи жадно схватила дочь и прижала к себе. Выражение на ее лице было бесценным. В глазах светились надежда и любовь. Все то, что Лиана многие годы отвергала, как нечто незначащее.

— Думаешь, что победила, — сказал Себастьян из своей затененной тюрьмы. — Но ты ошибаешься. Это еще не конец.

— Вы не правы, — отозвалась Софи. — Все закончилось, по крайней мере, для меня. Закончилось ли это для вас, дело ваше. — Она стояла в лучах света, удерживая ребенка одной рукой, а вторую протянула в очевидном жесте мира, приглашая Себастьяна присоединиться к ней и Ариане под солнце.

Он покачал головой и остался в тени.

В комнату ворвался Кейн, вооруженный до зубов и одетый в униформу стража, несомненно, украденную. Форма была прекрасным способом смешаться с толпой во время побега.

Кейн, неблагоразумно, встал между Софи и Себастьяном, будто действительно мог защитить ее. Лиана задумалась, как быстро брат сообразит, что его женщина не нуждается в защите.

— Пойдем, — тихо сказал он.

Себастьян встал.

— Никто никуда не пойдет. — Он осторожно приблизился к солнечному свету. Понимал ли император, так же, как понимала Лиана, что вред уже причинен? Ему больше нет нужды прятаться. Он прищурился, свет резал глаза. Но Себастьян мог видеть достаточно хорошо, чтобы поднять руку и приказать стражам окружить стоящую в центре комнаты семью.

Они послушались.

Кейн вскинул меч, направив его на Себастьяна. Лиана быстро шагнула вперед и остановилась. Она всегда планировала убить Себастьяна, но если Кейн осуществит этот замысел вместо нее...

Софи ничуть не взволновала угроза насилия. Она оставалась полностью спокойной, когда дотронулась до Кейна и осторожно отвела острие его меча в сторону.

— Сегодня никто никому не причинит вреда. — Она закрыла глаза, улыбнулась, и на мгновение создалось впечатление, будто солнце светит не сверху, а изнутри нее.

— Что ты делаешь? — спросил Кейн.

— Думаю о нашей свадьбе и о том, что происходило потом.

— О, — на долю секунды меч Кейна снова качнулся в сторону Себастьяна, а затем опустился.

Стражи один за другим отступили от Софи. Казалось, они были растеряны и смущены.

Наложницы, которые мало-помалу пятились к выходу из бального зала, начали медленно возвращаться внутрь. Лиана никак не могла отвести глаз от Себастьяна, а он от нее.

— Все вон, — велел Себастьян. Сначала вышли Хен и несколько оставшихся министров. Проходя мимо Элии, посол Трайфина схватил девушку за руку, и она с довольной улыбкой последовала за ним.

Солдаты оставили бальный зал последним, и вместо того, чтобы увести с собой или самим последовать за женщинами на третий уровень в некое подобии военного приказа, все они замешкались в холле, улыбались и касались друг друга, зеленые униформы смешались с красивыми платьями, едва не вызвав у Лианы приступ головокружения. Она снова встретила взглядом с Себастьяном. Это зрелище не кружило голову, но зато напоминало ей о хороших ночах. Ночах, когда она его не ненавидела. Когда хотела его больше всего на свете.

Из-за распахнутых дверей долетали звуки смеха. Мужчины и женщины спокойно смеялись и болтали, столпившись за дверями бального зала, как будто ведьма только что не проделала дыру в крыше дворца.

— Нам пора, — сказала Софи, беря Кейна за руку. Она повернулась к Лиане и кивнула. — Пойдем, — позвала она. — Ты идешь с нами.

Они вчетвером вышли из комнаты. Вместе. Лиане показалось, будто она услышала, как Себастьян окликнул ее по имени, один раз и очень тихо. Но не оглянулась, хотя часть ее очень этого хотела. Стремилась вернуться к возвышению, где Себастьян съежился в одиночестве.

Она не знала, что сделала Софи, но эффект оказался поразительным. Стражи и служанки, стражи и наложницы, министры и наложницы — в одном случае даже страж со стражем — целовались, смеялись и без стеснения ласкали друг друга вдоль всего коридора. Хен и Элия энергично обнимались. Боже, они даже не собирались утруждать себя поисками уединения. Хен задрал юбку Элии и приподнял девушку, она улыбаясь обхватила его ногами и потянула за длинный, черный шнурок.

Лиана уловила взглядом какой-то блеск и посмотрела вниз. Страж снял свое оружие и бросил на пол. Меч, нож. Он был не единственным. Мужчины повсюду стаскивали с себя мешавшее любовным ласкам оружие, отказываясь от него ради более приятных вещей. У нее под ногами лежал нож, дверь в бальный зал была открыта, и Себастьян остался без охраны.

Лиана остановилась, Кейн с Софи остановились вслед за ней.

— Что ты делаешь? — спросил Кейн.

Лиана покачала головой. Время, когда у нее еще был выбор, давным-давно прошло. Свобода теперь не для нее и никогда уже не будет.

— Я остаюсь.

— Нет, не остаешься, — возразил Кейн.

Она дотронулась до лица брата.

— Я так рада видеть тебя, так счастлива знать, что у тебя есть семья, которая заботится о тебе и любит тебя. Но я теперь принадлежу этому месту. Принадлежу уже давно. — Куда могла пойти из дворца женщина, знакомая только со смертью и сексом? Никуда. Ее дом здесь, тут она останется жить и тут умрет.

Софи обхватила Лиану руками и крепко сжала в объятиях. По всему ее телу с головы до пальцев ног, пронеслась дрожь, как будто ей было жарко и холодно одновременно.

— Береги себя, сестра, — прошептала Софи.

Лиана с силой обняла Софи, удерживая ее слишком долго. У нее никогда не было сестры, и отпустить ее сейчас оказалось очень тяжело. Объятия длились и длились, и Лиана никак не хотела разрывать их. В этот момент, здесь, она чувствовала себя в безопасности. И даже любимой.

Именно Софи медленно отстранилась и отступила.

— Если ты передумаешь и захочешь присоединиться к нам, то свяжись с Жульетт Файн из Шэндли в южной провинции. Я не знаю, когда снова с ней увижусь, но она сможет сказать, где нас найти.

Лиана схватила Софи за руку.

— Отправляйтесь на север, — попросила она. — Разуши своего отца и передай ему... — Она может потерпеть неудачу, и тогда Мэддоксу нельзя будет приезжать сюда. — Передай ему, чтобы не возвращался. Никогда. Это небезопасно. Вы найдете его где-то около северного дворца.

Софи не стала просить объяснений, лишь кивнула, и Кейн потянул ее вперед. Они побежали к лестнице, мимо стражей и женщин, не обращающих внимание ни на кого и ни на что вокруг. Хен и Элия были не единственной парой, участвующей в кое-чем большем, нежели смех и поцелуи.

Все они казались такими счастливыми. Довольными. Лиана не знала, что Софи с ними сделала, но вряд ли эффект продлится долго.

Когда Кейн и его семья ушли, Лиана наклонилась и подняла с пола нож.

Они не отважились воспользоваться лифтом, выбрав для спуска лестницу. Кейн шел впереди с мечом и ножом в руках, Софи следовала за ним, неся Ариану.

— Я не понимаю, что сейчас произошло.

— Это сложно, — невинно ответила Софи.

Его женщина, его жена — кем она только не была. Но она не была невинной. Они быстро миновали один пролет и наткнулись на занимающихся любовью министра и его жену. Пара даже не заметила, что они больше не одни.

— Ты смогла воздействовать на них всех, — сказал он, когда пара осталась позади.

— Да.

— Как? — на следующем пролете он схватил ее за руку, и она остановилась.

Софи вздохнула.

— Я же ведьма, Кейн. Настоящая, могущественная ведьма. Да, я воздействовала на них всех. Я отбросила гнев и страх, и подумала о том, что чувствует мое тело, когда ты меня касаешься. А потом поделилась этим чувством с теми, кто находился поблизости. Не любовью, а точнее...

Он подумал о сцене, развернувшейся на первом уровне.

— Похотью.

— Страсть более приятное слово, — поправила она. — Не проси меня объяснить, как я это сделала, и не спрашивай, что я еще могу, потому что у меня нет ответов на подобные вопросы. Тебя это пугает?

— Да, — честно признался он.

— Все еще хочешь найти жреца, когда мы выберемся отсюда?

Он усмехнулся.

— О, да.

— Тогда, что же мы здесь стоим?

Она взяла его за руку, и они побежали вниз. Его жена и ребенок. Его семья.

Лиана нашла Себастьяна сидящим на возвышении со склоненной головой, темные волосы упали вперед, скрывая выражение лица. Она закрыла дверь. Как долго еще будут действовать чары Софи, прежде чем кто-то из стражей сообразит, что происходит? Лиана нуждалась лишь в нескольких минутах.

Направившись к Себастьяну, она спрятала нож в складках своего темно-красного платья. Он услышал ее шаги и медленно поднял голову. Она ожидала увидеть на его лице гнев, возможно опустошение, но он остался раздражающе спокойным.

— Я знал, что это будешь ты.

— Знал?

— Это всегда ты. Когда все остальные бегут от меня и прячутся, ты здесь.

Она остановилась под лучами солнца, освещавшего пол бального зала. Свет был теплым, но ее сердце оставалось холодным. Должно было таким оставаться, чтобы исполнить задуманное.

— Я всегда здесь, потому что принадлежу тебе. Я рабыня, Себастьян. Имущество. При желании ты можешь заставить мое положение здесь казаться более приятным, но, по правде говоря, сути это не меняет. Я всегда остаюсь рабыней.

— Нет. Уже очень долгое время ты гораздо больше, чем рабыня. — Он медленно встал, смело и гордо. — Ты нужна мне здесь. Без тебя я не справлюсь. Если ты все еще хочешь свободу, я дам тебе ее. Но я не хочу, чтобы ты уходила. Остайся.

Лиана немного неуверенно шагнула вперед. Наверняка, Себастьян пытается сбить ее с толку, потому что догадался о ее намерениях. Возможно, заметил нож, хотя она пыталась скрыть его. Она не могла позволить нескольким словам пошатнуть ее уверенность. Не сейчас.

Ее ноги заплетались. Это не имело смысла. Если он знал о ноже, то мог остановить ее. Он был сильнее, и хотя она, возможно, успеет его ранить, но нанести смертельный удар будет трудно или даже невозможно. Тогда почему он столь расслаблен?

— Я знал, что однажды это случится, — тихо сказал он, подняв глаза к дыре в крыше. — Я ждал так долго и сейчас чувствую почти облегчение.

Приближаясь к Себастьяну, Лиана крепче сжала нож. От нее требовалось лишь подойти к возвышению, сделать вид, будто она собирается обнять его и воткнуть нож в сердце. Она так долго хотела увидеть его мертвым. Вряд ли у нее получится вырваться из дворца живой, но какое это имеет значение? Себастьян умрет. Она желала этого больше всего на свете. Вот почему у нее дрожали пальцы и пересохло во рту. От предвкушения, не от нежелания или страха. Если идя к нему она вспоминала хорошие моменты, то только благодаря чарам Софи.

Нет, чары затронули других, не ее.

Когда она подошла, Себастьян протянул ей одну руку. Сильную, бледную и знакомую. Слишком знакомую. Она приняла ее свободной рукой. Он, казалось, не заметил, что вторую она прячет в складках одежды. Он не отводил глаз от ее лица, сосредоточившись исключительно на ней. Потом притянул ее ближе, она приподняла нож и направила острие в его сторону.

Себастьян опустил голову ей на плечо.

— Сомневаюсь, что смогу пережить это без тебя. Ты всегда придавала мне сил. Я когда-

нибудь говорил тебе об этом?

— Нет, — один сильный удар, и все закончится.

— Это правда. Я так нуждаюсь в тебе, что не осмеливаюсь позволить кому-либо об этом узнать.

— Ты ни в ком не нуждаешься, — возразила Лиана.

В ответ Себастьян запустил пальцы в ее волосы и стиснул их в кулаке. Он прижался к ней всем телом и склонился вниз, чтобы коснуться губами ее шеи.

— Я не предполагал, что полюблю тебя, — прошептал он, обдав ее теплом своего дыхания. Он говорил так тихо, что она едва расслышала слова.

Во рту у нее пересохло, державшая нож рука задрожала.

Себастьян вскинул голову, приподнял пальцем ее подбородок и поцеловал в губы. Он целовал ее долго, жестко и отчаянно. И, Боже помоги ей, она поцеловала его в ответ.

Он никогда раньше не целовал ее в губы, ни разу, и она нашла прикосновение его рта более чувственным и значимым, чем ожидала. Поцелуй связал их так, как никогда не могли секс и интриги. Скрепил их друг с другом надежнее, чем единение тел.

Его тихие слова продолжали эхом звучать у нее в ушах. Может, она их вообразила?

Он прервал поцелуй и произнес их снова. На сей раз громче и отчетливей.

— Я люблю тебя. Люблю так давно, что не могу вспомнить, когда не любил. Но я пытался не любить, даже приказывал тебе совершать поступки, которые должны были сделать тебя недостойной. Приказывал убивать, удовлетворять других мужчин, заставлял тебя служить мне, как рабыню. Но это не имело значения. Никогда не имело. — Он чуть прищурился, но взгляд оставался ясным. — Две ночи назад, когда ты сказала, что согласишься в свою кровать другого, я послал стража следить за твоей дверью. И отдал ему приказ убить любого мужчину, который навестит тебя ночью. Вчера я пошел в твою комнату, чтобы лично убедиться, что ты одна. Посол Трайфина слишком откровенно тобой восхищался. Он смотрел на тебя с желанием. Если бы я застал Хена у тебя, то выпотрошил бы его. Если бы нашел тебя в его спальне, то забрал бы его голову.

— Это означало бы войну.

— Не важно, — голубой цвет его глаз стал насыщеннее и глубже.

— Звучит так, будто ты не отдавал меня в прошлом другим мужчинам.

— И сам же от этого страдал, — признался он.

— Но не так, как страдала я.

Она так долго ждала этого момента. В ее руке лежал нож, Себастьян стоял прямо перед ней. Один удар, и он умрет. Или окажется при смерти.

Лиану переполняло какое-то странное и мощное чувство, сжимавшие нож пальцы ослабли и задрожали. Неужели все это время она хотела совсем другого? Не смерти Себастьяна, а его любви.

— Я тоже тебя люблю, — сказала она. Со звоном, который они оба проигнорировали, нож упал с возвышения. — Люблю, Боже, помоги мне.

Он ступил с ней под солнечный свет. В конце концов, вред уже был причинен, поэтому больше не оставалось причин скрываться. Солнце коснулось его лица. Если волшебник Тэйн прав, низвержение Себастьяна теперь не за горами. Но в этот момент им пока ничто не грозило.

Он раздевал ее, она его. Она никогда не видела его в солнечном свете, и ей понравилось, как тени пересекают его тело. Он был прекрасен, и нравилось ей это или нет,

она действительно его любила. Он уложил Лиану на красную мантию и занялся с ней любовью под льющимся на их обнаженные тела солнечным светом. Он никогда не любил ее так, как сейчас, нежно и медленно, даже изучающе, словно они касались друг друга впервые. Она знала его тело так же хорошо, как свое собственное, но даже не предполагала, что он может любить ее вот так.

Пока он ласкал ее, Лиана обхватила Себастьяна ногами и приподняла бедра, чтобы принять его глубже. Она закрыла глаза и подставила лицо под льющиеся сверху лучи солнца. Их соединению не предшествовали ни прелюдия, ни поддразнивания. И все же оно оказалось намного восхитительнее, чем любой секс, который у нее был когда-либо прежде. Ее охватило пламя, не только тело, но также душу и сердце.

— Я люблю тебя, — снова сказал он, погружаясь глубоко в нее. — Я очень тебя люблю.

Они соединились, их тела содрогнулись и достигли разрядки. Себастьян застонал, у Лианы перехватило дыхание. Пресытившись, они остались лежать под лучами солнца, струившимися в некогда темный бальный зал. Лиана пробежала пальцами по волосам Себастьяна. Он никогда не был любителем поваляться рядом с партнером после, но, возможно, сегодня...

Он медленно приподнялся и посмотрел на нее сверху вниз.

— Поклянись, что никогда не оставишь меня.

Она шепнула:

— Я никогда тебя не оставлю.

— Скажи еще раз, что любишь меня.

Ни в ее голосе, ни в сердце не было никаких сомнений, когда она сказала:

— Я люблю тебя, Себастьян.

Они сидели рядом на груде сброшенной одежды, Себастьян крепко обнимал ее.

— Если Тэйн не ошибся, скоро все рухнет.

Лиана коснулась его лица.

— Что бы ни случилось, мы сразимся с этим вместе.

Наверное, волшебник увидел, как она убила Себастьяна, но их любовь изменила тот момент и судьбу. Любовь, конечно же, сильнее ненависти. Но сильнее ли она судьбы? До сих пор эта мысль никогда не приходила ей в голову. Она вообще не верила в любовь, пока не увидела, как Кейн любит Софи, а она его. И теперь это...

Они перекатились из-под солнечного света на прохладный каменный пол. Свет резал Себастьяну глаза даже больше, чем ей. После всех этих лет ему потребуется какое-то время, чтобы привыкнуть. Он подхватил одежду и расстелил на каменном полу, затем нежно переложил Лиану на это ложе и растянулся рядом с ней.

Он приподнял, а затем медленно выпустил прядь ее волос.

— Я многие годы задавался вопросом, как осуществится пророчество. Я всегда знал, что это все равно произойдет, но даже не подозревал, что девичья оплошность может вернуть во дворец солнце.

Себастьян перекатился на спину и закинул руки за голову.

— Ведьма, — тихо сказал он. — Думаю, из нее получилась бы никудышная императрица.

Лиана положила руку ему на грудь, туда, где билось сердце. Он был потный, испуганный. И любил ее.

— Она тебе не нужна, — шепнула она.

— Мне нужна только ты, — усмехнувшись, сказал он.

Ее сердце сжалось. Он не должен улыбаться, она не должна чувствовать себя переполненной любовью, не должна хотеть его снова, здесь, на этом полу, шепчущего ей слова любви.

Невозможно, чтобы они чувствовали это из-за магии. Они с Себастьяном были сильнее стражей и наложниц, их бы не затронуло нечто столь ординарное, как чары, порождающие неконтролируемое вожделение.

Кроме того, их с Себастьяном соединила не похоть. Это была любовь.

Лиана опустила руку на грудь Себастьяна, склонилась над его телом и принялась целовать горло, скулы, а потом губы. Боже, она любила его рот! Почему они никогда раньше не целовались? Почему она никогда не обхватывала его лицо ладонями и не показала ему, насколько это может быть изумительным?

Он уже снова затвердел, поэтому одновременно с поцелуями Лиана начала поглаживать его. Она целовала и ласкала, пока он не стал твердым как сталь, а ее внутренности не затрепетали для него. Тогда она перекатилась на Себастьяна и приняла его в свое тело одним быстрым, плавным движением.

Он любил ее, она любила его. Что могло пойти не так?

Когда дверь в его камеру открылась, и вошла женщина, Гэлвин испытал облегчение. Ее звали Лиана, он запомнил ее имя с той первой ночи, и сейчас, увидев ее, невероятно обрадовался. В тот раз она была не особо дружелюбной, но ее лицо оказалось долгожданным разнообразием от вида охранников, которые били его и смеялись над мольбами о свободе. Он провел здесь неделю или даже больше! Гэлвин потерял счет времени, но точно знал, что пробыл тут невероятно долго.

— Хвала небесам. Софи здесь? Мы скоро поженимся?

Женщина вздернула подбородок и оглядела его с таким видом, будто он был насекомым. Мгновение спустя позади нее возник сам император. Жестом собственника он опустил руку на плечо Лианы.

— Значит, вот кто привел ведьму в мой дворец, — небрежно заметил император Себастьян.

Гэлвин сглотнул. Итак, они знали. Вероятно, теперь его вышвырнут ни с чем. Не будет ни брака, ни важного положения во дворце, ни вознаграждения. Ни Софи в его кровати.

— Софи? Вы говорите о моей Софи? Я... я понятия не имел, что она ведьма, — залепетал он дрожащим голосом.

— Он лжет, — сказала Лиана.

— Я знаю, — ответил император.

Они восприняли эту новость так спокойно и равнодушно, возможно, его маленький обман был для них лишь досадной неприятностью. Ничем больше. Он предположил, что его навсегда сошлют в Шэндли, не позволив стать кем-то большим, чем торговец. После нескольких дней в этой камере Шэндли казался раем.

Но хотя королевская пара не выглядела всерьез раздраженной, наверное, лучше возместить ущерб, причиненный его крошечной ложью.

— Если вы хотите воспользоваться способностями Файн, то вам следует знать, что у Софи есть две сестры, — воодушевленно сообщил Гэлвин. — Они обе гораздо могущественнее ее. Жульетт иногда видит будущее.

Император слегка приподнял брови.

— Кажется, ты сказал, будто не знал, что Софи Файн ведьма.

— Я... я...

Лиана направила руку к нему и засунула руку себе в карман. Возможно, чтобы достать ключи от его цепей. Несколько дней назад охранники вошли в камеру и приковали его к стене, потому что, как они сказали, он издавал слишком много шума. Но он лишь пытался убедить их отпустить его. Они всегда отказывали, но Лиана его освободит, он знал это.

— Я никогда этого не забуду, — пылко поклялся он. — Никогда.

— Да, думаю, не забудешь.

Она вытащила из кармана какой-то пузырек, и не успел он понять, что происходит, как Лиана впихнула бутылочку в его правую ноздрю. От толчка пробки что-то звякнуло, и нос наполнил пряный аромат. Препарат мгновенно проник в кровоток. Гэлвин покачнулся, во рту у него пересохло, каждый мускул в теле задрожал. О, он чувствовал такое тепло, приятное тепло. Он уставился на груди Лианы. Она была красивой женщиной. По-настоящему соблазнительной. Он затвердел, что было удивительным, так как его перестали

кормить несколько дней назад, и он не вспоминал о женщинах с тех пор, как стражи бросили его сюда.

Гэлвин закрыл глаза и прислушался к требованиям своего тела. На него накатили необыкновенные видения. Софи. Лиана... все женщины на пятом уровне. И, о, третий уровень! Он ни разу там не был, но слышал такие рассказы...

Его наполнила неведомая ранее мощь. Как они посмели пытаться удержать его? Теперь, обнаружив в себе новую силу, он справится со всеми охранниками вместе взятыми.

Лиана расстегнула цепи, и его руки освободились. Возможно, они отведут его на пятый уровень. На сей раз он не будет столь благородным. Та рыжеволосая служанка...

Его грубо схватили за руку, Гэлвин открыл глаза и увидел, что солдат поволок его из камеры. Гэлвин попытался воспротивиться, воспользовавшись новообретенным могуществом, но, очевидно, охранник обладал собственной необычайной силой. Он тянул его вдоль по коридору, но не к лестничному маршу, где находился лифт, а в противоположную сторону. Лиана и император последовали за ними.

Два стража открыли тяжелый люк в полу. Дверца с громким скрипом откинулась назад, и Гэлвин заглянул внутрь. Внизу было совершенно темно, и оттуда доносились такие ужасные звуки... и запах...

Его подтолкнули в спину, и он упал в яму. В первую долю секунды Гэлвин не волновался. В конце концов, он же умеет лететь. Но сообразив, что лететь не получается, он закричал. Пронзительный вопль оборвался, когда он с глухим стуком приземлился на грязный земляной пол. Как больно! Он точно себе что-нибудь сломал. От замешательства, все мысли о милостивых служанках с пятого уровня выскочили из головы.

— Я упал! — закричал он к отверстию наверху. Лиана, император и один из охранников, тот самый силач, наблюдали за ним сверху. — Помогите мне!

В окружавшей его тьме он слышал звуки. Шлепанье ног по земле, громкое, тяжелое дыхание. Приглушенный смех.

— Мне здесь не нравится, — тихо заскулил он.

Лиана выкрикнула:

— Позаботьтесь о нем как следует, джентльмены. Он кузен императора.

С этими словами дверь закрылась, и свет наверху погас. Вместо восхитительных ощущений, которые он испытывал всего несколько мгновений назад, Гэлвин почувствовал неведомый доселе животный ужас. Его глаза начали приспосабливаться к темноте, и он разглядел рядом фигуры. Фигуры людей. Они медленно приближались, чья-то костлявая рука схватила Гэлвина за запястье.

— Кузен императора, говоришь?

Осень принесла путникам долгожданную прохладу. Они держались подальше от многолюдных дорог, предпочитая узкие тропы, и кое-где даже проложили несколько собственных тропинок. Для Софи было безопаснее оставаться вдали от населенных местностей, по крайней мере, до тех пор, пока она не убедится, что может контролировать свои способности.

Кейн с Софи направлялись на север, как попросила Лиана, но пока не встретили Мэддокса Сулейна. С другой стороны, до северного дворца оставалось еще несколько дней пути.

Кейн вез дочь в слинге на груди, его жена ехала рядом на собственной лошади. Ее

животик уже слегка округлился, хотя под одеждой был еще незаметен. Он любил класть руку ей на живот, когда они останавливались, чтобы поесть, отдохнуть или поспать. Кейн не видел, как в Софи росла Ариана, но с этим ребенком не пропустит ничего.

Софи сказала, что второй ребенок тоже будет девочкой. В течение последних трехсот лет женщины Файн рожали исключительно дочерей. Кейн не возражал. Он вполне мог представить, как проведет жизнь в окружении красавиц. Красивых ведьм, поскольку Софи также сообщила, что его дочери станут ведьмами.

Это мысль пугала, но с такой матерью, как Софи, они справятся. Жена заверила его, что способности девочек проявятся только, когда они вырастут. По крайней мере, ему не придется волноваться, что наказанные за плохое поведение дочери, в отместку превратят его в жабу!

Да, Софи сказала, что он может не дожить до того времени, когда девочки обретут свои способности. Его двадцать девятый день рождения прошел вскоре после того, как они покинули Арсиз. По словам Софи, им осталось меньше года, чтобы найти способ снять проклятие. Ему бы следовало бояться перспективы пасть жертвой проклятия, но он не чувствовал страха. Вместе они придумают, как его уничтожить. Конечно, никогда еще столь сильная ведьма Файн, как Софи, не брала на себя задачу покончить с проклятием раз и навсегда.

— Почему ты улыбаешься? — спросила Софи.

— Я улыбался?

— Определенно, да.

— Я просто... думал.

— О сегодняшней ночи?

— И обо всех последующих ночах.

Усмешка Софи была столь же широкой, как его.

Скоро они отыщут императорскую армию и Мэддокса Сулейна. Софи представится своему отцу и передаст предупреждение Лианы. И что потом?

В его сердце больше не пылали праведный гнев и жажда мести, но он все еще оставался мятежником. Он хотел увидеть Себастьяна сверженным и изгнанным из дворца. Откровенно говоря, он хотел видеть императора мертвым.

Кейн задумался, как Эрик отнесется к предложению нанять себе в советники ведьму.

Лиана, наконец, решила посетить седьмой уровень. На прошлой неделе она чувствовала себя настолько больной, что начала раздражать этим Себастьяна.

Он больше не признавался ей в любви, но их отношения, безусловно, изменились. Он перестал заговаривать о новой императрице на замену Рикки. Себастьян понимал, что у него нет выбора, но уже не спешил найти жену и произвести наследника, что приводило в бешенство Мэррилла и еще нескольких жрецов. Теперь, когда Лиана действительно стала частью жизни Себастьяна, они возненавидели ее еще сильнее.

Лиана всегда находилась поблизости с императором, даже проводила ночи в его кровати. Всю ночь, до самого восхода солнца, она спала рядом с ним.

Теперь его комнату освещало солнце, и он этого не боялся. Он все еще опасался предательства изнутри и соблюдал крайнюю осторожность, но перестал прятаться от дневного света. Они пока не выходили за пределы дворца, но иногда обедали на балконе. Это было приятно и почти нормально.

Себастьян делился с ней своими мыслями и выслушивал ее мнение. Он даже не допускал, что она может лечь с другим мужчиной. Лиана принадлежала ему так, как она никогда не ожидала.

Нет, Себастьян больше не признавался ей в любви, но он действительно ее любил. По-своему.

Но, конечно, император не всегда прислушивался к ней. Вопреки ее советам, он отправил за сестрами Файн отряд мужчин. И назначил их командиром того же человека, который привез сюда Софи — помощника шерифа по имени Борс.

По словам Гэлвина, Софи была самой слабой из сестер, и Себастьян решил, что непременно должен использовать силу женщин Файн себе во благо. Лиана считала, что его действия сулят лишь неприятности, но Себастьян видел потенциальную выгоду в нахождении у него на службе столь могущественных ведьм. Как только их привезут во дворец, девушек либо запрут на двенадцатом уровне, либо отправят работать на седьмой. Вполне возможно, что Себастьян даже, не пожелает, увидится с ними, а чтобы держаться от них на безопасном расстоянии, использует для общения посредника.

Лиана надеялась, что ей не придется столкнуться с ведьмами лицом к лицу. Иначе она вспомнит, что они сестры Софи, и в случае чего, наверняка, почувствует себя обязанной помочь им спастись. Но она не могла рисковать своим новым положением, даже ради семьи Кейна.

Джедра приветствовала ее усмешкой.

— Ты тоже больна? — спросила старуха.

— Да, — от запахов на ведьмовской кухне Лиану замутило. Чтобы приглушить зловоние, она прикрыла рукой нос и рот. Это не слишком помогло.

Лекарство у старухи уже было наготове, она принесла маленькую коричневую бутылочку и вложила ее в руку Лианы.

— Возьми. Одну ложку сейчас, вторую перед сном.

Лиана подозрительно разглядывала зелье.

— Как ты узнала, что мне нужно? — Ведьма не раз утверждала, что не умеет предсказывать будущее. Хотя, она видела сны...

— Больше половины девочек с третьего уровня страдают той же болезнью, — объяснила ведьма.

Если это инфекционная болезнь, и она заразила Себастьяна, он придет в ярость. Император никогда не болел, и Лиана очень хорошо знала, что если он когда-либо сляжет с плохим самочувствием, то окажется чудовищным пациентом.

— А если ее подхватит Себастьян?

Ведьма рассмеялась, коротко, резко и хрипло.

— Мальчик этим не заразится.

— Откуда ты знаешь?

Джедра протянула свою морщинистую руку к Лиане и положила ладонь ей на живот.

— Разве ты не знаешь, что происходит?

— Это... плохо? — спросила Лиана. Она не предполагала, что болезнь может оказаться серьезной. Ее мучили лишь тошнота и неспособность удержать в себе завтрак.

— Плохо, хорошо... пока не известно, — усмешка ведьмы стала шире. — Береги себя, Лиана. В тебе растет следующий император Каламбьяна.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

6 футов = 182,88 см

5 футов = 152,4 см

15 футов = 457.2 см

6,5 фута = 198.12 см

152.4 cm

1 дюйм = 2,54 см